

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
TASHQI IQTISODIY FAOLIYATI
MILLIY BANKI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI BADIY ACADEMIYASI
SAN'ATSHUNOSLIK ILMIY-TADQIQOT
INSTITUTI SAN'AT TARIHI BO'LIMI

Edvard Rtveladze

O'ZBEKISTON
TARIHIY-MADANIY
HUDUDLARINING
QADIMIY
VA ILK URTA ASR
TANGALARI

I jild



Toshkent 2002

NATIONAL BANK
FOR FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
ACADEMY OF FINE ARTS
OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF FINE ARTS

Edvard Rtveladze

ANCIENT
AND
EARLYMEDIEVAL
COINS
OF THE HISTORICAL AND CULTURAL
REGIONS OF UZBEKISTAN

Volume I



Tashkent 2002

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ОТДЕЛ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
НИИ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Эдвард Ртвеладзе

ДРЕВНИЕ
И
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
МОНЕТЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЛАСТЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Том I



Ташкент 2002

УДК 902.6:737(575.1)
P-81

P-81 ДРЕВНИЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
МОНЕТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
ОБЛАСТЕЙ УЗБЕКИСТАНА
2002 - 304 с.: 29 илл.

Отв. редактор
кандидат философских наук,
доцент Д. В. Бирюков

УДК 902.6:737(575.1)

Настоящая книга посвящена монетам древних и раннесредневековых областей Узбекистана. В ней на основе огромного нумизматического материала рассматриваются многие проблемы, связанные с возникновением, становлением и развитием монетной чеканки, особенностями и закономерностями денежного обращения, политической историей Узбекистана и сопредельных стран Востока.

Для специалистов и широкого круга читателей.

© Оригинал-макет «MEDIA LAND»

*Посвящается светлой
памяти моего учителя
Михаила Евгеньевича Массона*

ОТ АВТОРА

Публикуемые в данной монографии работы отражают только часть моих исследований в области древней и ранне-средневековой нумизматики Средней Азии. В нее, в частности, не вошли статьи по монетам Кеша и Бухары, отдельные статьи и заметки, а также публикации по топографии монетных находок.

Некоторые я посчитал устаревшими, другие — незаконченными с исторической и нумизматической точки зрения.

В то же время, к примеру, в монографию включена статья о подражаниях монетам Гелиокла (хотя она не учитывает некоторые появившиеся после 1979 года статьи и в особенности исследования Е. В. Зеймаля), т. к. в ней содержится ряд интересных, на мой взгляд, наблюдений.

Почти все вошедшие в монографию статьи были опубликованы в разные годы, некоторые из них на английском и французском языках в США, Японии и Франции и впервые издаются на русском языке, к примеру, работы о монетах Сападбиза и Фсейгахариса.

Я почти не изменил содержания этих статей, так как в понимании и исторической их интерпретации ничего существенно нового не прибавилось. Только в некоторые из них я до-

бавил новые данные, в частности, о топографии новых находок селевкидских и греко-бактрийских монет.

Многие из этих статей опубликованы в разных странах или в сборниках, изданных малым тиражом, и по этим причинам, малодоступны специалистам. Собранные воедино в одной монографии, эти работы должны заинтересовать в первую очередь специалистов в области истории денежных отношений в древней и раннесредневековой Средней Азии и политической и династической истории историко-культурных областей Узбекистана.

Монеты — первоклассный исторический источник. Об этом очень образно и четко сказал еще в XIV в. историк Нахшаби: «Монеты, — писал он, — это книга истории царей и хроника государства». Но, к сожалению, это, по-моему, не требующее доказательств положение не в достаточной мере осознано в исторической науке. Историки, по-прежнему, в своих исследованиях зачастую опираются на сведения письменных источников, которые в отношении истории древней Средней Азии весьма и весьма незначительны. К тому же приводимые в греко-римских и особенно китайских письменных источниках названия нередко искажены.

Выдающаяся роль монет в характеристике многих сложных исторических проблем наглядно продемонстрирована М. Е. Массоном, С. П. Толстовым, Е. А. Давидович, В. А. Лившицем, Е. В. Зеймалем, О. И. Смирновой, Б. И. Вайнберг и другими учеными. Так, только благодаря исследованиям хорезмийских легенд В. А. Лившицу удалось восстановить подлинные имена хорезмийских царей, прежде известных только по легендарной версии Беруни. Чтение согдийских легенд на монетах позволило О. И. Смирновой восстановить династию ихшидов Согда, имена которых прежде были частично известны в искаженной передаче китайских письменных источников.

Сейчас благодаря исследованию легенд на чачских монетах удалось уже во многом прояснить сложную историю Чача и прилегающих к нему владений, имена правителей (и немалое их количество) и династическую их принадлежность, а также, к примеру, время проникновения сюда

согдийской письменности и дальнейшего ее продвижения на восток, в Сериндию и Китай. А что прежде было известно? Два-три искаженных имени, название области Чач и еще несколько сведений. Можно добавить к вышесказанному еще множество примеров.

Таким образом, монеты — это не только, и не столько предмет коллекционирования, купли и продажи, как, к сожалению, воспринимают их большинство людей, а сложносоставной первоклассный источник сведений по денежным отношениям, политической и династийной истории, письменности, портретному искусству и многим другим разделам исторической науки. За более чем сорокалетний срок занятий нумизматикой как наукой (а только это, и ничего более, меня не интересовало в монетах) я не только проводил исследования, но и воспитал достойных ученых — моих учеников: Ферузу Аюпову (монетная иконография), Ларису Баратову (тюркская и согдийская нумизматика), Алексея Горина (кушанская нумизматика), Альфию Мусакаеву (согдийская нумизматика). Я надеюсь, что они укрепят позиции нумизматики Средней Азии как важнейшего раздела исторической науки, как сделал это я, продолжив дело своего учителя, Михаила Евгеньевича Массона — основателя среднеазиатской нумизматики.

К нумизматике я приобщился давно, можно сказать, раньше, чем к археологии. Поначалу это было чисто детским увлечением, переросшим в серьезное исследовательское занятие, после того как в 1960 году проф. М. Е. Массон поручил мне обследовать городище Маджар около г. Буденновска Ставропольского края (я жил тогда в Кисловодске, где Михаил Евгеньевич ежегодно отдыхал летом). Оттуда я, помимо керамики, привез более десятка, как оказалось, джучидских монет.

Михаил Евгеньевич, наглядно тогда показав мне, как определяются эти монеты и что они дают для истории Маджара, сказал мне: «А теперь, Эдик, надо по-настоящему браться за изучение нумизматики, арабского языка и письменности». Тогда и стала нумизматика частью моей научной жизни.

Первую свою научную работу о монетах Маджара XIV в. я написал в 1964 г. Но опубликована она была только

в 1971 г., спустя семь лет, тогда как первая публикация в научном журнале о монетах Амира Темура вышла в 1968 г., хотя она была написана в год издания! Таковыми зачастую бывают парадоксы научных публикаций.

Я искренне благодарен Г. А. Пугаченковой, приобщившей меня к занятиям кушанской нумизматикой, Е. А. Давидович, у которой я учился теоретическому осмыслению нумизматических данных, и В. А. Лившицу, которому я обязан моими знаниями в чтении и понимании согдийских и бактрийских легенд.

Особая моя благодарность заместителю премьер-министра правительства Республики Узбекистан Р. С. Азимову, З. С. Мирходжаеву (председатель правления Национального банка внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан), С. П. Тищенко (заместитель председателя правления НБУ), Н. С. Сафаеву (начальник главного управления НБУ), И. Л. Мельникову (начальник управления НБУ), без благородной помощи которых эта книга вряд ли когда-либо была бы издана.

Бесценной была помощь, оказанная Л. Л. Ртвеладзе и А. Э. Ртвеладзе при подготовке рукописи этой монографии к печати.





**ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ**





ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Научными исследованиями установлено два основных центра происхождения металлических денег.

1. Греко-лидийский

Объединяет греческие города Ионийского побережья Малой Азии, находившиеся в ту пору под властью лидийских царей, и остров Эгина, причем наиболее ранний — VII в. до н. э. и даже VIII в. до н. э. Среди четырех монетных систем (милетской, эвбейской, коринфской, фокейской) древнейшей признавалась милетская монетная система [62. С. 40-41]. Согласно последним данным, чеканка лидийских монет возникла не ранее 640-630 гг. до н. э., причем наиболее древние из сохранившихся монет чеканены около 615 г. до н. э. [252. Р. 1-8].

Первые монеты чеканились из электра (естественного сплава серебра и золота), на лицевую поверхность которых наносились клейма с изображением головы льва и быка [252; 276. Р. 23-26], удостоверяющих их полновесность и доброкачественность металла, что позволило впервые осуществлять торговые операции без взвешивания металла.

2. Китайский

Здесь своеобразные монеты-ножи и монеты-пики появляются впервые в небольшом царстве Шу, на северо-востоке

Китая в VII или начале VI вв. до н. э. В это же время изредка выпускаются и монеты круглой формы с отверстием посередине, позднее с эпохи ранней Хань возникает традиционный тип китайских монет с квадратным отверстием и иероглифами по обеим сторонам [276. Р. 135-138].

Все ранние китайские монеты — бронзовые, отлитые в литейных формах из камня и глины. Золотые и серебряные монеты на ранних стадиях развития китайской монетной системы, впрочем, как и позднее, не выпускались.

К числу самостоятельных центров происхождения также относят древнеперсидскую и древнеиндийскую монетные системы, однако и та и другая возникли, вероятно, под влиянием греческих центров.

В ахеменидском Иране чеканка золотой (дарик) и серебряной (сикль) монеты возникла при Дарии I, как полагают в 518 г. до н. э., вскоре после завоевания Малой Азии персами. Существует, однако, мнение, что монеты выпускались в Иране еще до Дария I [45. С. 203; 62. С. 42], причем наиболее ранними из них были серебряные сикли [21. С. 14].

В Индии чеканка т. н. клейменных монет из серебра с разнообразными символами, украшавшими лицевую сторону, возникает под ахеменидским или греческим влиянием в V в. до н. э. Чеканка этих монет, называвшихся каршпанами, появляется вначале в Гандхаре, на северо-западе Индии, а затем распространяется в глубь полуострова Индостан. Несколько позднее вырабатывается самостоятельный монетный тип, в частности, четырехугольные монеты из серебра и бронзы [276. Р. 11-115]. Весьма рано, в V-IV вв. до н. э., возникает чеканка монет в финикийских городах Восточного Средиземноморья. Вместе с тем именно греко-лидийская и китайская монетные системы оказали решающее влияние на возникновение и последующее развитие монетного дела на различных территориях Евразии.

Китайская — на Дальний Восток, Юго-Восточную Азию, в VII-VIII вв. н. э. и на Среднюю Азию.

Греко-лидийская — на страны Средиземноморья, Ближний и Средний Восток, в том числе особенно во II в. до н. э. — в I в. н. э. на Среднюю Азию.

Возникновение денег, этого «товара товаров» — закономерный результат социально-экономического развития передовых цивилизаций древности. Длительный и сложный процесс товарообмена и развитие розничной и международной торговли во II — начале I тыс. до н. э., пройдя через стадии обращения товароденег и металлических слитков определенных весовых стандартов, привели в конечном итоге к появлению металлических денег. Ранние монеты отличались от металлических слитков тем, что они имели на одной или двух сторонах удостоверяющие их полновесность клейма-изображения, представляющие собой сочетания различных геометрических фигур, изображения животных, птиц и рыб — льва, черепахи, тюленя, совы, тунца. Аналогичного характера клейма, но с преобладанием местных особенностей, в частности, астральных символов имелись на древнеиндийских монетах — каршпанах.

Лишь спустя некоторое время на монетах появляются надписи, изображения божеств, а при Александре Македонском, в середине IV в. до н. э., — портретные изображения царей [62. С. 39-55].

В Лидии первые монеты чеканились из электра, а затем из серебра. Только при царе Крезе (561-546 гг. до н. э.) распространялась монетная система, основанная на биметаллизме — одновременном употреблении золота и серебра, получившая затем широкое распространение в Древней Персии.

Уже в древнейших монетных системах — милетской, фокейской, эгинской, евбейской — существуют различные номиналы монет, битые по-своему для каждого весового стандарта.

Приведение их к единой норме осуществляется уже в эпоху возвышения Македонии и создания государства Александра Македонского. В основу серебряных монет этого государства была положена так называемая аттическая система с тетрадрахмой весом 17,44 г, драхмой весом 4,36 г и оболлом весом 1,6 г. С этих пор и на протяжении нескольких столетий аттическая система (с некоторым изменением веса основных номиналов монет) господствует во всех странах, попавших под влияние эллинистического мира, в том числе и в южных районах Средней Азии.

Средняя Азия не входила в число областей первоначально-го зарождения металлических денег, основной причиной чему являлся недостаточно высокий уровень социально-экономического развития. На протяжении многих веков до появления монеты здесь употребляли различные формы меновой торговли и, возможно, слиткового обращения.

Проблема собственной монетной чеканки в Средней Азии до недавнего времени обсуждалась лишь в хронологическом и территориальном аспекте: где и когда впервые здесь монета стала использоваться в качестве средства обращения [33. С. 87-92; 94. С. 46]. Характер и особенности ранних этапов ее становления теоретически и конкретно, на основе обширного нумизматического материала, обоснованы в ряде исследований Е. В. Зеймаля, изданных в последние годы [53. С. 61-81; 56. С. 71-76].

Согласно его мнению, возникновение денежного обращения и появление самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье происходит по следующей модели: первоначально сюда, в качестве сокровища, поступали иноземные монеты, затем, по образцу иноземной монеты, наиболее «привычной» для той или иной области, стали чеканиться местные подражания этим монетам. Они являлись не только начальной формой монетной чеканки, но и начальной формой денежного обращения в областях и странах, соседствующих с государствами, уже обладавшими развитым денежным обращением. Заключительная фаза этого процесса — выпуск самостоятельных монетных эмиссий в некоторых областях Среднеазиатского Двуречья. Однако если даже согласиться с данным предположением, остается все же неясным вопрос о том, являлись ли селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты иноземными по отношению к Согду и Северной Бактрии или же они обращались здесь по причине того обстоятельства, что обе эти области входили в состав эллинистических государств. Вопрос этот упирается в политическую историю Среднеазиатского Двуречья в III-II вв. до н. э., которая, в свою очередь, базируется на скудных сведениях письменных источников и тех же нумизматических данных.

Сомнительно, что селевкидские и греко-бактрийские монеты всегда выполняли здесь функции сокровищ, а не средства обращения, тем более что среди находок нередко медные халки, очень редко выходявшие за пределы того государства, где они чеканились. Возможно, что привозными для территории Средней Азии являлись ахеменидские дарики и сикли (вероятно, найденные здесь, хотя обстоятельства их находок не ясны) или монеты V-IV вв. до н. э.: статеры ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин, монеты царей Македонии из Амударьинского клада.

В последние годы где-то в Южном Туркменистане найден клад серебряных ахеменидских сиклей. Тем не менее ахеменидские монеты, являющиеся, вероятно, определенным вкраплением в мир натурального обмена, не оставили никакого следа в последующей истории монетного дела Средней Азии. Они не стали основой для возникновения здесь впоследствии монетной чеканки, в то время как селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты на несколько веков определили процесс становления и развития денежного обращения и монетной чеканки в Средней Азии. Они являлись тем базисом, на основе которого возникали здесь вначале подражательные эмиссии, а затем и свои монеты.

Очевидно также, что модель, предложенная Е. В. Зеймалем (это показывает анализ нумизматических данных), не была универсальной: в различных историко-культурных областях Среднеазиатского Двуречья становление самостоятельной монетной чеканки происходило иным путем, что уже показано нами [153. С. 176-188].

К настоящему времени накоплен огромный монетный материал, что позволяет впервые дать достаточно подробную и содержательную периодизацию развития денежного обращения в Среднеазиатском Двуречье (разумеется, не ограничиваясь только его географическими рамками вплоть до III-IV вв.). К сожалению, почти полное отсутствие сведений письменных источников и эпиграфических данных не позволяет конкретизировать многие вопросы денежного обращения, связанные с их стоимостным курсом, финансовой политикой и т. д.

Периодизация

Первый период (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина I тыс. до н. э.)

Натуральный обмен и меновая торговля. Использование в качестве платежного средства товароденег и, возможно, металлических слитков. Конкретные объекты их пока не выявлены, но, судя по аналогии с другими странами, — это могли быть зерно, скот, различные ремесленные товары, раковины и т. д. Обращает на себя внимание наличие на памятниках первой половины I тыс. до н. э. круглых керамических предметов, похожих по форме на монеты. Некоторые исследователи считают их фишками для игры, но не исключено, что они могли использоваться в качестве эквивалента монет или исполнять роль счетных единиц [46. С. 121-140].

Второй период (V в. до н. э. — конец IV в. до н. э.)

Знакомство населения юга Средней Азии с монетой. Обращение металлических слитков и первых ахеменидских монет. Появление местных надчеканов на ахеменидских монетах. Сведения о находках монет этого времени здесь имеются, но во всех известных случаях они предположительны: при археологических раскопках нет пока ни одной находки монет этого времени. По некоторым данным, ахеменидские дарики были якобы найдены на городище Афрасиаб, в Старом Термезе и в Керки.

В последние годы, где-то в Южном Туркменистане был найден клад серебряных ахеменидских сиклей с изображением лучника в тиаре на лицевой стороне и различного рода надчеканами.

Две монеты из этого клада опубликованы Д. В. Бирюковым, который пришел к выводу о возможности постановки вопроса о вхождении юга Средней Азии в сферу денежного обращения империи Ахеменидов [21. С. 5-18]. Вместе с тем наличие на них надчеканов позволяет говорить об этих моне-

тах как о первоначальной форме обращения среднеазиатских металлических денег. Ахеменидские дарики и сикли, как считают, входили в состав Амударьинского клада, но обстоятельства, связанные как с его находкой, так и с последующим пополнением его состава, сомнительны.

Вместе с ними, как считают ряд исследователей, в состав клада входили и другие монеты VI-V вв. до н. э.: тетрадрахмы и драхмы греческих городов и ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин и монеты царей Македонии [51. С. 72-84]. Однако даже если эти монеты происходят из Амударьинского клада, то они, скорее всего, использовались как сокровище, а не как средство обращения.

Вероятно, существовало здесь и слитковое обращение. Известно, что области Средней Азии, разделенные на три сатрапии, выплачивали налог серебром в казну ахеменидских царей, выраженный в весовой единице — таланте, равной 25,92 кг. Так, например, Бактрия выплачивала 360 талантов, что составляло более 9 тонн (Геродот, III, 117). Не исключено, что это была не просто аморфная масса серебра, а весовые слитки, по всей вероятности, клейменные. Таким образом, в ахеменидское время (середина VI в. до н. э. — конец IV в. до н. э.) в наиболее развитых областях Средней Азии уже существовали начальные формы денежного обращения: слитковое и монетное в виде золотой и серебряной монеты, но еще в недостаточно развитом виде.

Нельзя упускать из виду и еще одно обстоятельство, связанное со знакомством среднеазиатских народов с монетой и возможным пути ее раннего проникновения в Среднюю Азию. Имеется в виду хорошо известный факт службы в армии и проживания бактрийцев, согдийцев и хорезмийцев в различных частях Ахеменидского Ирана, Греции и Египте. Они могли сами привозить ахеменидские монеты или передавать их на родину, в Среднюю Азию, посредством соответствующих банкирских домов (как дом Муррашу в Вавилоне) [45. С. 40].

Вместе с тем исключительно редкие свидетельства реальных находок монет этого времени в Средней Азии позволяют охарактеризовать этот период как период первоначального

знакомства населения этого региона с монетой и возможного использования ее, в особенности надчеканенных сиклей, в определенных торговых операциях. При этом основную роль в торговле составлял натуральный обмен, а в выплате налогов — слитки драгоценных и полудрагоценных металлов определенных весовых стандартов.

Третий период ***(конец IV в. до н. э. — середина II в. до н. э.)***

В целом этот период характеризуется вхождением ряда областей Средней Азии (Бактрии, Согда, Парфии) в эллинистическую систему монетного дела, становлением и развитием здесь настоящих товарно-денежных отношений, проникновением денежных отношений в сферу мелкой рыночной торговли (это определяется находками медных и бронзовых монет на многих городищах), разнофункциональным использованием монеты в качестве денег, сокровища и т. д., возникновением при Селевке I в греко-бактрийское время чеканки монет в Бактрии (а возможно, и в Согде), появлением первых монет, чеканенных от имени местного правителя (монеты Вахшувара конца IV в. до н. э. в Бактрии) и первых местных подражаний селевкидским монетам Антиоха I (в Согде в начале III в. до н. э.) и подражаний монетам Александра Македонского. Весь этот период можно разделить на два этапа: первый — конец IV — середина III вв. до н. э.; второй — середина III в. до н. э. — начало второй половины II в. до н. э.

Первый этап третьего периода характеризуется становлением реального денежного обращения, что подтверждается находками монет Александра Македонского (336-323 гг. до н. э.), Селевка I (311-281 гг. до н. э.) и Антиоха I (281-261 гг. до н. э.) в Северной Бактрии и Согде.

Так, драхмы Александра Македонского или Селевка I (ранние выпуски их монет не отличаются друг от друга) найдены в Тахти-Сангине, около Варахши, в районе кишлака Дарбанд, около Старого Термеза (Северная Бактрия) и на городище Куня-Фазли (Южный Согд). Редкий тип драхм Селевка I обнаружен на городище Шахри-Мунк (Северная

Бактрия), дихалк Селевка I происходит с Афрасиаба [44. С. 5-9; 53. С. 65; 56; 157]. Большое число монет (47 экз. тетрадрахм и драхм Селевка I) имелось в составе Амударьинского клада [52. С. 75-78].

Расширение ареала товарно-денежных отношений и более интенсивное развитие их в Северной Бактрии и Согде происходит при Антиохе I. Монеты этого царя найдены в Тахти-Сангине — 6 халков (вес от 0,72 г до 3,12 г), Старый Термез — 3 драхмы и один халк, Кампыртепа — 2 халка, район Денау — 1 халк (Северная Бактрия), Самарканд — халки, Кургантепа — обол (Согда) [56. С. 66-68; 163. С. 48-57; 271. Р. 91].

Преобладание среди этих находок халков указывает на достаточно развитое денежное хозяйство и, в частности, мелкой розничной торговли. Следует отметить также, что селевкидские монеты от Селевка I до Антиоха II найдены и на территории, непосредственно примыкающей к Среднеазиатскому Двуречью: в Ай-Ханум — 67 экз. Среди них монеты Антиоха I — 3 экз. и Антиоха II (261-246 гг. до н. э.) — 1 экз. [209. Р. 35-55].

Важнейшим событием этого периода являлось возникновение собственно бактрийского монетного чекана Селевкидов при Селевке I и Антиохе I.

При Селевке I в Бактрах чеканились серебряные монеты крупного достоинства (тетрадрахмы, драхмы, хемидрахмы) с изображением на лицевой стороне головы Зевса, а на реверсе — Афины на колеснице, запряженной двумя слонами или четырьмя лошадьми, битые по аттическому весовому стандарту (вес драхмы — 4,27 г) [250].

При Антиохе I бактрийский чекан стал еще более разнообразным. Выпускались золотые (статеры) и серебряные (тетрадрахмы, драхмы) монеты, также битые по аттическому стандарту с изображением на лицевой стороне бюста Антиоха, а на оборотной стороне — головы рогатой лошади. Выпускались, вероятно, и медные халки, связанные с розничной торговлей. Не исключено, что драхмы Антиоха I, по-видимому, чеканились и в Согде [104. С. 100], что, в частности, подтверждается эмиссией здесь в конце III-II вв.

до н. э. согдийских подражаний драхмам Антиоха I с головой рогатой лошади [56. С. 68-78].

В этот период также был осуществлен выпуск первых монет, чеканенных от имени местного бактрийского правителя, а не от имени греческого царя Бактрии.

Это монеты правителя Вахшувара, что явствует из арамейской легенды, помещенной на лицевой стороне. Известны золотые статеры (бюст мужчины в кирбасии / мужчина на квадриге вправо) и двойные статеры (голова Александра в слоновьем шлеме / стоящая Ника влево).

В определении места и времени выпуска монет Вахшувара нет единого мнения, хотя Е. В. Зеймаль и И. М. Дьяконов относят их (наряду с монетами Андрагора) к раннепарфянскому (доаршакидскому) чекану середины III в. до н. э. [48. С. 15-19. Там же литература этого вопроса]. Вместе с тем И. Р. Пичикян настаивает на бактрийском происхождении монет Вахшувара-Оксиарта [132. С. 308-309], тестя Александра Македонского и отца Роксаны, который после смерти Александра в 323 г. до н. э., был, по данным Арриана, сатрапом Парапамисад. Однако не исключено, что, помимо Парапамисад, в состав контролируемой им территории входила и коренная область его владений — Северная Бактрия, где в районе Железных дорог — Дарбанда располагалась главная его крепость — «скала Оксиарта». В этой же области в Байсунских горах, но к северо-западу от Денау расположен кишлак Вахшувар, название которого полностью совпадает с именем Вахшувар на вышеописанных монетах. Аналогичные названия местности отмечены нами и в Бабатаге по дороге в Чагам (о кишлаке Вахшувар см. [69]; Любопытно, что легенда, записанная нами в кишлаке Вахшувар и связанная с культом змей, говорит о перелете змей в Бабатаг через Захартепа (городище Будрач-Чаганиан).

Само же слово «Вахшувар», греческой калькой которого является имя Оксиарт, по мнению В. А. Лившица, означает «избранный (бога) Вахшу (или верящий в бога Вахшу, охраняемый богом Вахшу)» [132. С. 308].

Разведки, проведенные мною в кишлаке Вахшувар, выявили наличие здесь городища Сартепа, нижний слой которого

относится к первой половине — середине I тыс. до н. э. [148]. Не исключено, что именно это место, сохранившее свое древнее название, на протяжении более двух тысяч лет было главной резиденцией бактрийского аристократа Вахшувара-Оксиарта, и именно здесь находилась скала Оксиарта.

Более того, мне представляется, что и Амударьинский клад принадлежал роду Вахшувара-Оксиарта — важнейшему представителю северобактрийской аристократии в конце IV в. до н. э.

Второй этап третьего периода характеризуется дальнейшим развитием денежных отношений в Среднеазиатском Двуречье, расширением ареала и вовлечением новых районов, в частности, Бухары, в денежное обращение; расширением сферы применения монет; появлением первых монетных кладов, свидетельствующих о накоплении больших денежных средств у отдельных лиц; возникновением первых согдийских и бактрийских подражаний селевкидским и греко-бактрийским монетам как первой стадии становления самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье. Разнообразие весовых стандартов обращавшихся здесь серебряных и медных монет (тетрадрахмы, драхмы, оболы, халки, дихалки), чеканившихся по аттической системе — показатель явного прогресса товарно-денежных отношений, использования монет как платежного средства, средства обращения, а также, вероятно, сокровища. Значительные по объему торговые операции, в том числе и международные, и межобластные, обслуживались серебряной монетой крупных достоинств. В Северной Бактрии и частично в Согде денежные обращения проникают и в мелкую розничную торговлю между городом и сельскими поселениями.

Данная характеристика подтверждается находками монет на многих городищах и поселениях в южных и центральных областях Среднеазиатского Двуречья, конкретные примеры чему приводятся ниже.

Северная Бактрия. Здесь зафиксированы находки около сотни серебряных и медных греко-бактрийских монет различных достоинств. Среди них монеты Диодота, Евтидема, Антимаха, Агафокла, Евкратиды, Деметрия, Гелиокла — т. е.

всех великих греко-бактрийских царей. Основная масса находок греко-бактрийских монет (около 80 экз.) концентрируется в приамударьинской зоне (Тахти-Сангин — 27 экз., Старый Термез — более 30 экз., Кампыртепа — 20 экз.). Второй район компактных находок этих монет (15 экз.) — долины рек Сурхандарьи и Каратагдарьи (Дальверзинтепа, Денау, Регар, Хаитабадтепа, Шахринау). Отдельные находки монет имеются и на других городищах и поселениях [53. С. 43-58; 256. Р. 61-74].

Согд. В общей сложности здесь зафиксировано более десяти отдельных находок монет, а также двух монетных кладов.

Кеш и Нахшаб. Здесь найдено три обола Антимаха в Шахрисабзе и халк Диодота на Сенгиртепа, а также клад, включающий оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратида [153. С. 178].

Самаркандский Согд. Здесь зафиксировано около десяти монет, в том числе драхмы Евтидема, тетрадрахмы Деметрия и Антимаха, Гелиокла и оболы Евкратида, найденные на Афрасиабе, в окрестностях Самарканда и в Пенджикенте [153. С. 179-180].

Бухара. В восточной части Бухары на Тахмачтепа найден клад, состоящий из 56 тетрадрахм Диодота, Евтидема (около 50 экз.) и Агафокла. Кроме того, в окрестностях Бухары (Ходжаобон, предположительно Бухара) найдены тетрадрахмы Деметрия и Евтидема [153. С. 180-181; 256. Р. 63-69].

Хорезм. Доказательств существования в этой области денежного обращения для данного периода пока не имеется. Известны лишь три находки греко-бактрийских монет, которые попали сюда, вероятно, в качестве иноземных, т. к. Хорезм не входил в состав греко-бактрийского царства. Это тетрадрахма Евкратида из Джанбас-калы, тетрадрахма Евтидема из Хивы и халк из Якке-Парсана [153. С. 182].

В других областях Среднеазиатского Двуречья находки греко-бактрийских монет пока отсутствуют. Таким образом, только в двух наиболее развитых областях этого региона — Северной Бактрии и Согде, находившихся под юрисдикцией греко-бактрийских царей, существовали денежные отноше-

ния, причем в Согде, вероятно, только в крупных городах — Мараканде, Ер-Кургане, Бухаре, тогда как в остальных областях господствовал натуральный обмен.

Четвертый период
(вторая половина II в. до н. э. — начало I в. н. э.)

После падения греко-бактрийского царства в начале II в. до н. э. под давлением саков и юечжей политическая ситуация в Среднеазиатском Двуречье полностью изменяется. В Бактрии возникает конфедеративное юечжийское государство. Согд остается под номинальной властью также конфедеративного государства Кангюй, состоявшего из нескольких достаточно самостоятельных владений, управляемых юечжийскими династиями, тогда как в Хорезме, по-видимому, сохраняется древняя династия. Важнейшей особенностью этого периода является повсеместное распространение почти во всех областях Среднеазиатского Двуречья, за исключением Ферганы и Чача, чеканки подражаний греко-бактрийским монетам.

В начальной фазе эти подражания почти воспроизводят свой прототип — греко-бактрийские монеты, затем происходят искажения греческих легенд и появление новых династических символов, в заключительной фазе возникают подражания переходного типа со смешанной греческой и согдийско-арамейской легендой и изображениями местных правителей.

Эту стадию Е. В. Зеймаль справедливо оценивал как «начальную в становлении самостоятельной монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье» [51. С. 56-61]. Причем в каждой области этого региона чеканились свои, свойственные только ей, подражания.

Так, в Северной Бактрии выпускались юечжийские подражания монетам трех греко-бактрийских царей — Деметрия, Евкратида и Гелиокла. Наиболее широкий ареал, разнообразие типа, интенсивности чеканки имели бронзовые подражания монетам Гелиокла нескольких весовых стандартов: 23-26 г; 10-16 г; 3-5 г и двух групп. Первая группа — копия монет Гелиокла с незначительными изменениями, вто-

рая группа — с изображением местного правителя и лошади [53. С. 110-129; 95. С. 63-75; 170. С. 22-30].

На юго-востоке Северной Бактрии обращались серебряные подражания оболам Евкратида весом 0,3-0,6 г (т. е., по существу, хемиоболы). На них на определенной фазе развития появляется «портрет» местного правителя [57. С. 177-192]. Определенное место в денежном хозяйстве этой области занимали мелкие бронзовые и серебряные подражания монетам Деметрия [255].

Юечжийские правители Северной Бактрии не чеканили серебряной монеты крупных номиналов, но ее недостаток восполнялся греко-бактрийским серебром, по-прежнему, как это показал Е. В. Зеймаль, находившимся в обращении, по-видимому, вплоть до начала I в. н. э.

Еще более пестрым был состав монетной массы обращавшейся в различных областях Согда в этот период.

Так, в области Самарканда широкое распространение имели мелкие серебряные подражания монетам Антиоха I весом от 0,3 г до 3 г (оболы, хемидрахмы и драхмы), чеканившиеся, вероятно, с конца III в. до н. э. и вплоть до I в. н. э. [56. С. 68-75]. Эти подражания Дж. Лернер относит к согдийскому чекану Евтидема еще до узурпации греко-бактрийского престола [239. Р. 77]. Судя по их находкам на городище Ер-Курган, они наряду с подражаниями монетам Деметрия имели хождение и в западной части Южного Согда.

В Бухаре и ее окрестностях в этот же период осуществляется эмиссия крупных серебряных подражаний тетрадрахмам Евтидема весом 13-16 г [58. С. 201, 209-210].

В районе между Бухарским и Самаркандским Согдом, по-видимому, во второй половине II в. до н. э. начали чеканиться мелкие серебряные монеты весом 2-3 г, принадлежавшие юечжийской династии Гиркода или Уркода, с изображением головы правителя на лицевой стороне и стоящей фигурой божества на оборотной стороне, сопровождаемой греческой легендой [58. С. 209].

В этот же период в Хорезме впервые возникает чеканка собственной монеты — крупных серебряных подражаний тетрадрахмам Евкратида весом 13-16 г [25. С. 106].

Каждая из охарактеризованных групп монет имела узколокальный круг обращения и ходила, судя по топографии их находок, в пределах области, в которой они выпускались.

Таким образом, происходит сложение локальных денежных рынков. Потребности в монете на этих рынках обеспечивались за счет собственного чекана. Даже в пределах одной крупной области, например, Согда, складывается по крайней мере четыре таких локальных рынка.

Различны были и монетные системы в различных областях Среднеазиатского Двуречья. В Северной Бактрии чеканились и обращались монеты различных номиналов из серебра и бронзы. В Согде и Хорезме обращались только серебряные монеты, причем в Хорезме — только крупного номинала, тогда как в Согде — как мелкого, так и крупного номиналов. Роль «тетрадрахм» здесь, вероятно, исполняли подражания монетам Евтидема, которые, судя по топографии находок, обращались на территории всей области Согда.

Очевидно, что денежная система в Согде и Хорезме уже отходит от аттической системы, основанной на драхме, которая сохранялась в Бактрии, несмотря на смену форм правления. Основными денежными единицами в Согде становятся «обол» и «тетрадрахма», в Хорезме — «тетрадрахмы». Недостаток разменной медной монеты в Согде, по-видимому, восполнялся многочисленной серией мелких серебряных монет — «оболов» и кратных от него, тогда как в Хорезме в этот период в торговле по-прежнему, вероятно, господствовал натуральный обмен.

Изменяются и весовые стандарты монет, отходящих от аттических норм. Вес подражаний тетрадрахмам Евтидема и Евкратида лежит в пределах 13-16 г, тогда как вес аттической тетрадрахмы — 17,36 г.

Пятый период

(I в. н. э. — первая половина III в. н. э.)

Денежное хозяйство этого периода в различных частях Среднеазиатского Двуречья кардинально меняется в связи с иной политической ситуацией. Происходит, в частности,

дальнейший отход от эллинистических традиций монетного дела как в весовых стандартах и металле монет, так и в иконографии и символике, взамен которым приходят местные, азиатские нормы и традиции. Со времени правления Вимы I Так(то), сына Кадфиза I, южная часть Среднеазиатского Двуречья, по-видимому, со второй половины I в. н. э. входит в состав могущественного кушанского царства.

На протяжении всего периода правления — от Вимы I Так(то) до Канишки II включительно — денежное хозяйство этой области и состав монетной массы следовали государственной монетной политике кушанских царей.

Политическая стабильность, способствовавшая стремительному росту городов и селений, расцвету ремесел, сельского хозяйства, торговли, определила интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Так, например, на территории Северной Бактрии зафиксировано, по моим подсчетам, несколько тысяч кушанских монет отдельными находками и в кладах. Причем в некоторых кладах количество содержащихся в них монет исчисляется многими сотнями экземпляров, что говорит о скоплении значительных денежных средств у отдельных лиц. Товарно-денежные отношения интенсивно развиваются и в сельских поселениях и проникают в глубинные горные районы. Видимо, в этот период натуральный обмен если и сохраняется, то в значительной мере утрачивает свое былое значение.

В денежном обращении этого периода в Северной Бактрии можно выделить три этапа.

На первом этапе пятого периода, при Виме I Так(то) (Сотере Мегасе), в обращении находились бронзовые монеты двух различных номиналов: крупные — весом 8-9 г, мелкие — весом 2-3 г. Они в весьма большом количестве найдены фактически на всех кушанских городищах Северной Бактрии [53. С. 166-178; 170. С. 37-39, 56-63].

Весовые стандарты, иконография и символика монет Вимы I Так(то) отличаются от весовых стандартов монет его предшественника Кадфиза I. Это, вероятно, говорит о, возможно, небольшой, по сути, денежной реформе, проведенной Вимой I Так(то) в пору своего правления. О каких-либо

золотых и серебряных монетах, чеканенных этим правителем, неизвестно и остается неясным — монеты каких достоинств применялись при расчетах в крупных торговых операциях. Не исключено, что при подобных сделках применялось греко-бактрийское серебро, а также монеты Кушана («Герая»), чьи тетрадрахмы и оболы известны уже в достаточно большом количестве.

Второй этап пятого периода связан с кардинальной денежной реформой, полностью изменившей монетную систему Бактрии, бытовавшую здесь с эллинистического времени и основанной на использовании серебра и меди. Она была проведена преемником Вимы I Так(то) Вимой II Кадфизом. Второй этап охватывает время правления Кадфиза II, Канишки и Хувишки.

Новая монетная система, введенная Вимой II Кадфизом, по-видимому, под римским влиянием, была основана на золоте и бронзе. Основной денежной единицей стала золотая монета весом в 8,03 г, условно названная статером. Ее вес почти точно совпадал с весом римского ауреуса — 7,6-8,1 г, но был меньше, чем вес аттического статера — около или немногим более 8,6 г [104. С. 182-183]. В денежное обращение были введены также двойной статер весом 16,07 г и четверть статера весом 2,01 г.

Название «статер» для этих монет было введено в науку условно, однако, как показали материалы Дальверзинского клада, оно бытовало действительно. В кладе находилось десять золотых брусков с надписями кхароштки, содержащими обозначения весовых стандартов — статер, драхма, дхане.

Сравнения веса брусков с количественным обозначением статеров в надписях показало, что вес его колеблется от 17,08 г до 18,04 г при вычисленном среднем весе — 7,08 г [32. С. 72-79].

По этой причине Г. А. Пугаченкова полагает, что, несмотря на то, что в надписях употреблено слово «статер», но на самом деле речь идет о двойном статере, поскольку вес статера — 8,03 г [135. С. 64-71]. Однако не исключено, что в них передан истинный вес одного статера, так как в противном случае в надписях было бы обозначено именно два статера,

как по отношению к драхмам и дхане — местной весовой единице. Согласно содержанию надписей, один статер был приравнен к четырем драхмам средним весом 4,40 г, а одна дррахма к 5 или 6 дхане средним весом 0,77 г.

Употребление в надписях названий статер и дррахма показывает, что в кушанское время по-прежнему бытовали греческие обозначения основных весовых единиц, принятых здесь в эллинистическое время.

Они, вероятно, применялись и для обозначения стоимостных единиц, так же как, например, в Нии и Крорайне, согласно найденным здесь пракритским хозяйственным документам [32. С. 76].

Изменились иконография и весовые стандарты бронзовых монет. В обращение были введены крупные халки весом 16-17 г, во множестве найденные на многих городищах Северной Бактрии.

Третий этап пятого периода приходится на время правления Васудевы II и Канишки III — последних кушанских царей, которым принадлежала Северная Бактрия. Сопоставление метрологических данных монет показывает, что они заметно изменяются к позднекушанскому времени, уменьшаясь в диаметре и весе. Уже при Хувишке бронзовые монеты постепенно падают в весе, а при Васудеве I и Канишке III происходит дальнейшая редукция основного бронзового номинала. В правление Васудевы I чеканятся бронзовые монеты, по-видимому, двух номиналов: 6-8 г и 9-11 г, тогда как при Канишке III — одного: 6-8 г [53. С. 205-229; 170. С. 40-41]. Соответственно, видимо, изменяется и соотношение бронзовой и золотой монет, которые в отличие от монет ранних кушанских правителей чеканятся из двух- или трехкомпонентных бронз [78. С. 94-95, 114-115].

Приведенные данные позволяют предположить, что в позднекушанское время также была проведена денежная реформа, затронувшая в первую очередь область бронзовых номиналов. главной ее особенностью была замена громоздкой монеты на более удобную в обращении на внутреннем рынке монету пониженного веса и уменьшенного диаметра. Имеющиеся данные — количественное соотношение находок

монет — показывает, что в позднекушанское время объем товарно-денежных отношений сохраняется на высоком уровне как в городах, так и в селениях Северной Бактрии.

Аналогичную картину дает и анализ монетных кладов. Клады первого этапа содержат только монеты Сотера Мегаса и никаких других монет предшествующего времени, в частности, монет «Варварского Гелиокла». Зарытие их, судя по всему, относится к начальному периоду раннекушанского времени.

Ко второму этапу относятся семь кладов. Шесть из них содержат монеты Кадфиза II и Канишки и только в одном (клад из храма Окса) имеются монеты Сотера Мегаса. Фактически это означает, что монеты предшествующего времени в период правления Кадфиза II — Канишки уже не играли видной роли или вообще выпали из денежного обращения.

Ту же тенденцию полной смены старых монет на новые показывают клады третьего — позднекушанского этапа. К этому времени относятся пять кладов, в четырех из которых содержатся только монеты Васудевы и Канишки III и в одном — монеты Хувишки (клад из Кызыл Кетмана). Время Хувишки в денежном обращении, как представляется из анализа состава кладов, по-видимому, можно охарактеризовать как переходный этап от развитого к позднекушанскому этапу, поскольку незначительная доля этих монет содержится как в кладах предшествующего, так и последующих этапов (клад монет Хувишки и Канишки из храма Окса и клад из Кызыл Кетмана). Ни одной монеты раннекушанских правителей Сотера Мегаса, Канишки I в составе кладов позднекушанских царей не имеется. Поскольку все клады, как это видно из их состава, являются результатом кратковременного накопления, то они отражают непосредственную картину денежного обращения на том или ином этапе. Отсюда напрашивается вывод, что замена старой монеты на новую в кушанской Бактрии происходила намного быстрее, чем предполагалось ранее, и что период циркуляции старых монет был ограничен во времени. Иными словами, есть основания говорить о вероятности изъятия старых монет из обращения и постепенной замене их новыми.

В Согде характер номиналов монет и состав металла в этот период сохраняется («тетрадрахмы» и «оболы»), но появляются новые чеканы и монетные центры.

Так, в Южном Согде чеканятся мелкие серебряные монеты весом 0,4-0,9 г (хемиоболы) с изображением Геракла и Зевса, но с согдийской, еще недостаточно понятой легендой из двух слов, в которой хорошо читается только слово MR⁹Y – правитель. Эти монеты обращались на территории всей области, по-видимому, с середины I в. до н. э. и вплоть до IV в. н. э. [59. С. 68-73], когда их сменили бронзовые монеты со сценой единоборства. Если раньше были известны единичные экземпляры (всего их зарегистрировано более 20 экз.), то сейчас зафиксирован клад этих монет в Талимаране.

В Центральном Согде, в частности, в Самарканде, Пенджикенте и прилегающих к ним районах обращались мелкие серебряные монеты с изображением лучника и согдийской легендой, передающей имена различных правителей [53. С. 269-277].

В низовьях Заравшана, в Бухарском и частично Самаркандском Согде в обращении, по-прежнему, находились мелкие серебряные монеты группы Гиркода («оболы» и «хемиоболы») с изображением правителя на лицевой стороне и протомы лошади на оборотной стороне, греческой и согдийской легендами. Вес этих монет колеблется в пределах 0,6-3,0 г, что отражает, по-видимому, различия в номиналах («оболы» и «хемиоболы») [58. С. 209; 153. С. 181].

В самой Бухаре и прилегающих к ней районах чеканились крупные монеты «тетрадрахмы» весом 9-11 г, далеко отошедшие от аналогичных прототипов, как в весовых стандартах, так и в иконографии. «Портрет» Евтидема заменяется изображением местного правителя, а греческая легенда – согдийской [168. С. 35-38].

Таким образом, на протяжении всего этого периода рынки Согда были в полном объеме обеспечены как мелкой серебряной монетой различных номиналов, так и крупной монетой. Причем самые мелкие серебряные монеты весом 0,3-0,6 г заменяли отсутствующие здесь бронзовые монеты и играли роль разменной монеты, тогда как в больших торговых сдел-

ках в Согде применялись «тетрадрахмы» — подражания монетам Евтидема. Причины отсутствия в Согде чеканки бронзовых монет как в этот, так и в предшествующие периоды остаются неясными. Увеличивающееся число находок кладов, содержащих только «тетрадрахмы» или только мелкие серебряные монеты, свидетельствует о скоплении больших денежных средств у определенного слоя населения Согда.

Состав монетной массы в Согде и Бактрии в этот период был разнообразным по всем параметрам, что свидетельствует о кардинальных династических и государственных различиях. Бактрия входила в состав Кушанского царства. В Согде в этот же период правили в различных его частях четыре самостоятельные, независимые друг от друга династии, что и нашло отражение в различии монетных чеканов (подражания тетрадрахмам Евтидема, монеты Гиркода, монеты с лучником, монеты с Гераклом и Зевсом).

В Хорезме также происходят важные изменения в монетном деле: происходит полный переход от подражательных эмиссий к совершенно самостоятельной монетной чеканке. Группой А представлен наиболее ранний этап становления чеканки Хорезма. На монетах этой группы отчетливо прослеживается введение новых элементов — хорезмийской царской тамги и изображение всадника вместо Диоскуров на оборотной стороне и появление изображения царя на лицевой стороне. Всего в ней выделены три последовательные стадии, отражающие становление хорезмийского монетного чекана. Наиболее ранней в ней признана монета, впервые опубликованная В. М. Массоном, отличающаяся от «тетрадрахмы» Евкратиды деталями изображения лица на лицевой стороне и наличием на оборотной стороне хорезмийской царской тамги [101. С. 164].

Следующую стадию отражают монеты АII Самаркандского музея, образцом для чеканки которого послужили, по мнению Б. И. Вайнберг, монеты типа AI [25. С. 50]. Наконец, монеты типа АIII демонстрируют при сохранении некоторых признаков предшествующих типов принципиально новые изменения: появление на лицевой стороне бюста безбородого царя, сзади которого схематизированное изображение

богини Ники, венчающей царя, а на оборотной стороне — всадника на едущем вправо коне. Монеты группы А серебряные, по весовым данным близки к тетрадрахмам. Они датируются в пределах второй половины I в. до н. э. — начала I в. н. э. [25. С. 49-51].

Не решен, однако, вопрос о месте чеканки монеты стадии АI. В. М. Массон полагал, что они чеканились в районе Сырдарьи, тогда как С. П. Толстов отстаивал ее хорезмийское происхождение. Б. И. Вайнберг колеблется в определении места ее происхождения: не исключается чеканка этой монеты на юге Среднеазиатского Двуречья и чеканка ее в Хорезме после захвата данной области кочевыми племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии. В то же время чеканку монет АII и АIII она уверенно относит к Хорезму [25. С. 50; 153. С. 182-183].

Монеты группы Б представлены множеством типов с изображением на лицевой стороне бюста царя, а на оборотной стороне — едущего на коне всадника в сопровождении остатков искаженной греческой легенды и надписи хорезмийским письмом, передающей имя царя и его титул. В этот же период, незадолго до времени правления царя Вазамара (тип BV), возникает медный хорезмийский монетный чекан, а в его правление устанавливается стабильный тип медных монет.

Монеты «БI» Б. И. Вайнберг датирует около середины или третьей четвертью I в. н. э. Они свидетельствуют о новом и принципиально важном этапе монетного дела Хорезма — на них впервые появляется тамга, которая становится традиционной в монетном чекане Хорезма вплоть до конца VIII в. и местная легенда, содержащая имя царя и титул [25. С. 52]. Монеты БI демонстрируют уже полный разрыв с эллинистическими традициями, на них полностью исчезает искаженная греческая легенда, присутствующая на всех монетах предшествующих групп.

На протяжении всего этого периода в Хорезме существовали развитые денежные отношения, обеспечивавшие сферы крупной и мелкой рыночной торговли и базировавшиеся на серебре и бронзе. Однако в отличие от Согды здесь не выпускались мелкие серебряные монеты.

Таким образом, в I в.н. э. — первой половине III в. н. э. в Среднеазиатском Двуречье существовало три большие нумизматические провинции — три локальные области денежных отношений, различающиеся друг от друга весовыми стандартами монет и металлом для их чеканки.

1. Хорезм, где чеканились только крупные серебряные и бронзовые монеты разных номиналов.

2. Согд, в котором выпускались крупные серебряные монеты одного номинала и мелкие серебряные монеты разных номиналов.

3. Северная Бактрия, входившая в сферу кушанской денежной системы, основанной на выпуске только золотых и бронзовых монет.

Можно предварительно говорить о выделении четвертой области — Ферганы, где, по-видимому, роль денег выполняли бронзовые китайские монеты ушу.

Не исключено, что в сферу денежных отношений и чеканки собственной монеты в этот период вошел и Чач, однако данных для этого вывода еще недостаточно [258. Р. 307-328].

Анализ данных показывает, что все монетные чеканы Среднеазиатского Двуречья имели узколокальную сферу обращения в пределах выпускавших эти монеты областей. Они не проникли как в соседние области и владения, так и за пределы Среднеазиатского Двуречья, обслуживая сферу местных рыночных отношений. Роль международной валюты на трассах Великого шелкового пути, проходящих через этот регион, вероятно, выполняли кушанские, парфянские и римские монеты, находки которых зафиксированы далеко за пределами чеканивших их государств — в Индии, Средней Азии, Восточном Туркестане, Китае.

Характер денежных отношений во второй половине III в. н. э. — IV в. н. э., как бы переходного периода от эпохи древности к эпохе раннего средневековья, значительно отличается от предыдущего периода и требует тщательного рас-

смотрения. Крушение великих царств древности, Кушанского и Парфянского, повлияло на общую политическую обстановку и подготовило почву к переходу на новую социальную систему. Важнейшими факторами этого времени стало массовое движение кочевых народов — кидаритов, хионитов и эфталитов, возникновение новых, более мелких владений, смена династий в прежних владениях, политическое господство Сасанидского Ирана в Среднеазиатском Двуречье. Все это привело к изменению состава монетной массы и характера денежных отношений, к появлению новых центров монетной чеканки, к полному исчезновению эллинистических традиций как в иконографии, так и в метрологии и эпиграфике.





МОНЕТЫ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Монеты имели важнейшее значение в торговле на Великом шелковом пути, однако их роль в ней еще недостаточно изучена. Как показывают фактические данные в истории монетного обращения в центральной части Великого шелкового пути, можно выделить три периода:

Первый период. I в. до н. э. — III в. н. э.

Второй период. IV в. н. э. — VII в. н. э.

Он подразделяется на два этапа: ранний — IV-V в. н. э. и поздний — VI-VII в. н. э.

Третий период. VII-VIII в. н. э.

Для каждого из этих периодов характерны свои особенности. Рассмотрим каждый период в аспекте распространения монетных чеканов в этой части Великого шелкового пути, ареал их обращения и вероятность роли какого-либо из них в качестве международной валюты.

Первый период

Бактрия. В I в. до н. э. здесь имелись следующие монетные чеканы [53. С. 110-160; 58. С. 192-214; 254. Р. 81-97; 259. Р. 151-155].

1. *Бронзовые или субэратные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла двух типов.*
2. *Подражания оболам Евкратида.*
3. *Подражания драхмам Деметрия.*
4. *Монеты группы Сападбиза.*
5. *Монеты Фсейгахариса.*
6. *Монеты Кушана «Герая» (таб. I).*


В середине I в. н. э. Бактрия входит в состав Кушанского государства и, начиная с этого времени и вплоть до середины III в. н. э., здесь обращались монеты имперского чекана. Кушанские монеты изредка уже встречаются на трассе Великого шелкового пути. Отдельные находки их — монеты Сотера Мегаса, Кадфиза II и Васудевы достигают Согда, Чача и Восточного Туркестана.

Согд. В I в. до н. э. — I в. н. э. здесь чеканились следующие группы монет (все из серебра) [53. С. 81-93; 58. С. 192-214].

1. *Подражания селевкидским монетам Антиоха I с головой коня на оборотной стороне.*
2. *Монеты с изображением Геракла и Зевса и согдийской легендой.*
3. *Монеты группы Уркода:*
 - а) *со стоящей фигурой божества на оборотной стороне и греческой легендой ΟΡΔΗΘΡΟΥ ΜΑΚΑΡΟΥ;*
 - б) *с протомой лошади, греческой и согдийской легендами ⁹nt⁹wy⁹wzn по В. Хеннингу.*
4. *Подражания тетрадрахмам Евтидема двух типов.*
5. *Многочисленная группа монет с изображением лучника и согдийской легендой ⁹št⁹m (таб. I, II).*

Находки этих монет отмечены только на территории Трансоксианы, в основном в Согде.

Хорезм. Здесь чеканились следующие группы монет [25]:

1. *Подражания тетрадрахмам Евкратида.*
2. *Подражания тетрадрахмам Евкратида с тамгой *
3. *Монеты самостоятельного хорезмийского чекана с изображением всадника и хорезмийскими легендами, обозначающими имя и титул царя.*

Параллельно с серебряными монетами здесь чеканились и медные. Все эти монеты — бактрийские, согдийские, хорез-



Таб. I. Монеты, обращавшиеся
в Среднеазиатском Двуречье в древности

- 1.** Драхма Александра Македонского (336-323 гг. до н. э.). **2.** Тетрадрахма Антиоха I (281-261 гг. до н. э.). **3.** Халк Диодота (250-230 гг. до н. э.). **4.** Тетрадрахма Евтидема (230-200 гг. до н. э.). **5.** Тетрадрахма Евтидема. **6.** Обол Евкратиды (171-155 гг. до н. э.). **7.** Согдийские подражания драхмы Антиоха I (начало II в. до н. э.). Серебро. **8.** Бактрийские подражания тетрадрахмы Гелиокла (II в. до н. э. - I в. до н. э.). Бронза. **9.** Подражание тетрадрахмы Евтидема (II-IV вв. н. э.). Бухара. Серебро. **10.** Обол Фсейгахариса (I в. до н. э.). Бактрия. **11.** Тетрадрахма Кушана («Герая») (I в. до н. э.). **12.** Хемиибол правителя Абтата. Южный Согд (I в. до н. э.).

мийские — имели узколокальный круг обращения и не выходили (за редчайшим исключением) за пределы чеканивших их областей. Они в первую очередь предназначались для обслуживания местных рынков и как международная валюта не имели никакого значения.

В это же время начинается движение в Среднюю Азию, в основном в Фергану и частично в Восточный Согд китайской медной монеты ушу и хоцюань. Монеты ушу выпускались со 118 г. до н. э. по 581 г. н. э. Монеты хоцюань характерны для времени императора Ван Мана (9-23 г. н. э.), начало их выпуска 14 г. н. э. Находки монет хоцюань в Средней Азии очень редки. Одна монета данного типа найдена в могильнике Хангаз I в Фергане [35. С. 60], одна в Пенджикенте и еще одна — на городище Афрасиаб [182. С. 60].

Значительно чаще в восточной части Средней Азии встречаются монеты ушу. Особенно много их находок в Фергане, где, по данным Н. Горбуновой и Н. Ивочкиной, до 1988 г. было найдено 42 подобные монеты в 32 погребениях и 16 могильниках [35. С. 45]. Кроме того, две монеты ушу найдены в последние годы С. Баратовым при раскопках Муг-хана в местности Гава в Северной Фергане.

Две аналогичные монеты найдены при раскопках могильника Мунчак-тепа близ г. Папа в Северной Фергане [124. С. 109]. Находки монет ушу известны и в Согде. Четыре монеты деградировавшего типа обнаружены в Пенджикенте [182. С. 60-61]. Тринадцать монет ушу — три в культурном слое, десять подъемных — были найдены при исследовании Мунчак I и II, расположенных вблизи Фархадских ворот в Северном Таджикистане [124. С. 45]. Одна монета ушу обнаружена на городище Канка в Чаче. Кроме того, эти монеты найдены на Алае, в Кумарыке, в детском погребении могильника Мардон, в Отрарском оазисе Южного Казахстана.

Таким образом, основная масса находок древних китайских монет в Средней Азии приходится на Фергану и прилегающие к ней районы. Отдельные их находки встречены также в Согде, Чаче, Уструшане, Отрарском оазисе. Они определяют, вероятно, западную границу проникновения древних китайских монет в Среднюю Азию.

Н. Г. Горбунова и Н. Ивочкина считали, что появление ушу в Фергане связано с началом функционирования Великого шелкового пути в I в. до н. э., одна из трасс которого проходила через эту область. Вслед за М. Э. Воронцом они придерживались мнения, что монеты ушу не применялись в реальном денежном обращении, а использовались в качестве украшений, опираясь на то обстоятельство, что данные монеты в Фергане найдены только в могильниках [35. С. 45]. Существует также мнение, что монеты ушу использовались в качестве эквивалента оболам Харона.

Эти мнения были основаны на преимущественных находках китайских монет в погребениях. Однако последние их находки в культурных слоях поселений, так же как ряд других соображений, заставляют задуматься над реальностью этого предположения.

Фергана (государство Давань) в I в. до н. э. — I в. н. э. была богатой земледельческой страной с высокоразвитой экономикой, сельским хозяйством, ремеслом и значительным количеством городов, что констатирует уже Чжань-Цзянь при своем посещении этой области в начале второй половины II в. до н. э. [22. С. 149-150].

Не случайно именно отсюда китайцы впервые вывезли в свою страну такие сельскохозяйственные культуры, как люцерна и виноград, секреты производства вина, а также знаменитую породу ферганских небесных лошадей [237]. При таком положении вряд ли возможно, что в Фергане в это время господствовал только натуральный обмен. В отличие от других среднеазиатских областей — Бактрии, Согда, Хорезма, Маргианы — Фергана, не имея собственной монеты, вошла в зону влияния китайской денежной системы, используя монеты ушу в качестве денежного знака. Не исключено, что на базе китайских монет в Фергане впоследствии было налажено собственное производство монеты, т. к. некоторые экземпляры ушу производят впечатление не подлинных монет, а подражаний или полностью деградировавшего типа.

С юга, вероятно, из Индии, откуда происходят многочисленные находки римских монет, в Среднюю Азию проникали данные монеты. На территории восточной части Средней



Таб. II. Монеты, обращавшиеся в Среднеазиатском Двуречье в древности

13-14. Оболы династии Уркуда. (I в. до н. э. — II в. н. э.). Согд. **15.** Согдийская монета с изображением лучника (IV-V вв. н. э.). Серебро. **16.** Монета правителя Кеши (IV-V вв. н. э.). Бронза. **17.** Халк Сотера Мегаса (Вимы Так (то) (середина — вторая половина I в. н. э.). Кушанское царство. **18.** Динар Канишки (первая половина II в. н. э.). Кушанское царство. **19.** Монета с изображением верблюда. Бухара (VI-VII вв. н. э.). Бронза. **20.** Монета правителя Чача (IV в. н. э.). Бронза. **21.** Халк Хувишки (вторая половина II в. н. э.). Кушанское царство. **22.** Подражание монетам Хувишки (II в. н. э.). Бронза. Северная Бактрия. **23.** Кушано-сасаниды. Динар (вторая половина III-IV вв. н. э.). **24.** Тетрахалк Вимы Кафиза (вторая половина I в. н. э.). Кушанское царство. **25.** Монета Асбара. Бухара (IV в. н. э.). Бронза.

Азии, от долины Зарафшана до Иссык-Куля, М. Е. Массоном зафиксированы находки монет римских императоров Веспасиана (69-79 гг. н. э.), Домициана (81-96 гг. н. э.), Траяна (96-117 гг. н. э.), Адриана (117-138 гг. н. э.), Антониана Пия (138-161 гг. н. э.), Марка Аврелия (161-181 гг. н. э.), а также некоторое количество монет III в. н. э., и среди них — Аврелиана Августа (270-275 гг. н. э.).

Вместе с тем М. Е. Массон отмечает, что римские золотые монеты ему совсем не встречались, а серебряные монеты попадались не столь часто [107. С. 93-94].

В 20-х годах нашего столетия в Северном Таджикистане, вблизи Ура-Тюбе, в кишлаке Худжум был найден клад серебряных римских монет. От него сохранился 21 денарий. Согласно определению Е. В. Зеймалю, в составе клада имеются денарии Веспасиана, Траяна, Адриана, Антония Пия, Марка Аврелия, Люция Вера, Марка Аврелия Коммода (176-192 гг. н. э.).

Е. В. Зеймаль первоначально высказал предположение о том, что денарии из этой находки — небольшая часть потока римского серебра, поступавшего с юга на рынки Кушанского царства и севернее в области, не имевшие собственного регулярного чекана.

Вместе с тем он не исключает, что проникновение римских монет в данный регион могло быть связано с торговыми операциями на северном участке Великого шелкового пути [53. С. 63-69].

Римские монеты обнаружены и в Северной Бактрии. На городище Хайрабадтепа — сестерций Нерона (54-68 гг. н. э.), а в Старом Термезе — медная монета Константина I (306-337 гг. н. э.).

Римские монеты проникают и в Китай. В конце прошлого века в провинции Шаньси было найдено 25 римских монет первых веков нашей эры, опубликованных С. В. Бушеллем [214. Р. 17].

С юго-запада, по трассам Великого шелкового пути, на восток, в Среднеазиатское Двуречье, проникали парфянские монеты. Однако их находки пока здесь незначительны. По данным М. Е. Массона, монета Орода I (80-78 гг. до н. э.) была найдена в окрестностях Коканда, монета Митридата IV

(130-147 гг. н. э.) — в окрестностях г. Каракол у озера Иссык-Куль [113. С. 8]. Больше их встречается вдоль южной северо-бактрийской части Амударьи и в Балхском оазисе. По нашим данным, здесь зафиксированы три драхмы Митридата II (124-88 гг. до н. э.), три драхмы Синатрука (78-70 гг. до н. э.) и по одной драхме Фраата III (70-58 гг. до н. э.) и Фраата IV (38-3 гг. до н. э.), а также медные монеты Орода II (58-39 гг. до н. э.), Фраата IV и Фраата V (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.), Готарза II (43-50 г. н. э.) и две неидентифицированные [257. Р. 190].

Такое распределение в топографии парфянских монет, возможно, указывает, что торговые связи Парфии с Китаем осуществлялись по южному пути через Ваханский коридор. Известны находки парфянских монет и в самом Китае, где найдена монета Орода II.

Таким образом, для первого периода характерно следующее:

1. Возможное использование римской и парфянской монеты в качестве международной валюты на Великом шелковом пути, хотя данное предположение требует дополнительных подтверждений.

2. Преобладание локальных чеканов в Среднеазиатском Двуречье, имевших узкий круг обращения и рассчитанных на местные рынки.

3. Проникновение китайской монеты в восточные области Средней Азии, где она, возможно, использовалась как средство денежного обращения, а не как украшение.

Второй период

Он подразделяется по особенностям движения сасанидской серебряной монеты, которая в это время, бесспорно, становится международной валютой на Великом шелковом пути, на два этапа: ранний (вторая половина III в. н. э. — до второй половины V в. н. э.) и поздний (вторая половина V в. н. э. — первая половина VII в. н. э.) (таб. II, III).

Первый этап (ранний). Он характеризуется исключительно сложным составом разнообразной монетной массы, обра-

щавшейся в различных областях Среднеазиатского Двуречья, упадком в технике монетного дела, но вместе с тем территориальным расширением сферы денежного обращения и появлением новых центров монетного чекана.

Если юго-запад Средней Азии входил в зону обращения государственного сасанидского чекана [122. С. 140-155], то в Среднеазиатском Двуречье существовало значительное число локальных чеканов, рассчитанных на местные рынки. После падения Кушанской империи, в Северной Бактрии — Тохаристане обращались подражания бронзовым монетам Хувишки, Васудевы и Канишки II. Затем эта область входит в зону обращения кушано-сасанидских и сасанидо-кушанских монет [53. С. 229-269; 150], причем здесь известны находки как значительного числа бронзовых монет, в том числе кладов, так и отдельных золотых монет.

В Южном Согде, в области Нахшеба, по-видимому, с III-IV в. н. э. стали выпускаться медные монеты с изображением правителя на лицевой стороне и сценой единоборства человека со львом на оборотной стороне [67. С. 137-144; 116. С. 131-137]. В это же время в Самаркандском Согде обращается многочисленная группа мелких серебряных монет с изображением лучника на оборотной стороне [53. С. 269-277]. В Бухаре в это время в ходу медные монеты т. н. «туранской» серии и монеты Асбара [126; 195. С. 205-224].

В Хорезме прекращается выпуск серебряных монет — чеканятся только медные. Об упадке монетного дела в Хорезме свидетельствует тот факт, что здесь в это время чеканят монеты лепешкообразной формы из расплюснутых кусков медной проволоки [25].

Появляется новый центр монетной чеканки в Чаче, где выпускаются медные монеты с изображением правителя на лицевой стороне и тамгой кангюйского типа на оборотной стороне.

Сасанидские монеты в этот период лишь изредка попадают в Среднеазиатское Двуречье. Нам известно всего несколько находок — драхма Шапура I (241-261 гг. н. э.) найдена на Дальверзинтепа [172. С. 87-88], драхма Шапура II (309-379 гг. н. э.) — на Хайрабадтепа и ряд других.



Таб. III. Монеты, обращавшиеся в Среднеазиатском Дворежье в раннем средневековье

26-27. Монета Шаушфана (середина VIII в.). Хорезм. Серебро. **28-29.** Монета Хосрова I (531-579). Серебро. **30.** Монета Пероза (459-484). Серебро. **31.** Подражание монете Пероза с бактрийскими и согдийскими надчеканами (первая половина VI в.). Серебро. Северный Тохаристан. **32.** Подражание монетам Хосрова I с бактрийскими надчеканами. Конец VI – начало VII вв. Чаганиан. Серебро. **33.** Монета Тарнавча (VII – первая половина VIII вв.). Чач. Бронза. **34.** Монета Шчанибага (первая половина VIII в.). Чач. Бронза. **35.** Монета Чача (VII-VIII вв.). Бронза. **36.** Монета Рочака (первая половина VIII в.). Бронза.

В то же время, по данным китайских ученых, в Чаньане были найдены монеты Шапура II и двух его преемников. Монеты Шапура II и Арташира II (379-383 гг.) найдены в Синьцзяне [92. С. 255]. Никаких других монет, кроме сасанидских, распространенных столь далеко на восток, не имеется. Поэтому можно предположить, что сасанидские монеты начинают играть роль международной валюты на Великом шелковом пути, хотя количественное их поступление было еще весьма незначительным. Только на втором этапе второго периода происходит значительное количественное увеличение потока сасанидских драхм. Они поступали как в Среднеазиатское Двуречье, так и далее, в Восточный Туркестан и Китай.

В первую очередь это связано с драхмами Пероза (459-484 гг. н. э.), которые в большом количестве встречаются в центральной и южной части Среднеазиатского Двуречья (Согд, Уструшана, Северный Тохаристан) как отдельными находками, так и кладами. Причем на основе монет Пероза возникают многочисленные подражательные серии местных монет.

Особенно много монет Пероза встречено на городище Бударч, в долине Сурхандарьи. Клады монет Пероза зафиксированы в Согде и Уструшане. Так, клад из сорока двух монет Пероза найден археологом А. Грициной в Джизакской области Узбекистана.

Справедливо, вероятно, мнение ряда ученых, считающих, что значительное число монет Пероза, найденных в Среднеазиатском Двуречье, связано с огромной данью, выплаченной Сасанидским Ираном эфталитам за плененного царя [122. С. 219-237]. Весьма много монет Пероза найдено в Восточном Туркестане и Западном Китае. Так, только в Синаме найдено 76 экз. этих монет [92. С. 255].

Таким образом, можно считать, исходя из количественного состава монет, что драхмы Пероза становятся международной валютой. Причем топография находок этих монет — Северный Тохаристан, Согд, Уструшана, Чач, Восточный Туркестан, Западный Китай — указывает, что именно этот путь (через Железные ворота) приобрел в данный период большое значение, т. к., например, в Бухарском Согде не за-

фиксировано ни одной находки драхм Пероза. Эти монеты, как бы открывают второй этап второго периода, для которого характерно значительное, по сравнению с предшествующим периодом, количественное увеличение потока сасанидского серебра, шедшего на восток. Так, по данным китайских ученых, в Восточном Туркестане только монет Хосрова II Парвеза (590-628 гг.) найдено 593 экз. [92. С. 255].

Характерным признаком этого периода является также проникновение в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Западный Китай византийской золотой и медной монеты.

В Средней Азии византийские монеты найдены в основном в ее северной части. По данным М. Е. Массона, относящихся к 1951 году [107. С. 91-105] и последующим находкам, здесь обнаружены монеты византийских императоров Феодосия II (403-450 гг. н. э.), Юстиниана I (527-565 гг.), Анастасия (491-518 гг.), Юстина II (565-578 гг.), Ираклия (610-641 гг.), Константина IV Погоната (659-685 гг.) и Тиберия IV (705-711 гг.). Известны находки индикаций с монет этих, а также других императоров, в частности, Фоки (602-610 гг.). Среди монет преобладают золотые солиды, но имеются и медные монеты. Византийские монеты периода от Феодосия II (403-450 гг.) до Юстиниана II (565-578 гг.) проникают в Восточный Туркестан и Западный Китай [92. С. 255].

В Средней Азии византийские монеты, в частности, монеты Юстина II, оказали определенное влияние на появление в Чаче, Согде и Чаганиане монет с парным изображением [162. С. 218-285]. Проникновение китайских монет в Среднюю Азию в этот период прекращается. Нам известна, собственно, только одна находка монеты, относящаяся к данному периоду. Это бронзовая монета с квадратным отверстием династии Северная Чжоу (569-574 гг.). Год отливки 579*. Она найдена мною на городище Будрач — столице древней области Чаганиан, расположенной в шести километрах к юго-западу от г. Денау Сурхандарьинской области Узбекистана. Известны также находки в Фергане и Пенджикенте очень тонких монет с квадратным отверстием, которые О. И. Смир-

*Монета определена Ивочкиной Н.

нова определила как монеты деградировавшего типа достоинством в 5 ушу первых веков нашей эры. Однако точно такие же монеты найдены в Синьцзяне, особенно много при раскопках Кульчи. Считается, что они выпускались в государстве Qiuzi (отсюда их название «Qiuzi») в V-VII в. н. э. [275. P. 19-20]. Возможно, что найденные в Фергане и Пенджикенте монеты, это такие же «Qiuzi», хотя не исключено, что они могли быть местной, ферганской, чеканки.

Таким образом, в этот период весьма значительное влияние на монетное дело в Средней Азии оказывал Сасанидский Иран, под влиянием которого складываются бухархудатские и чаганхудатские монеты, появляются подражания, перенимаются определенные черты монетной иконографии. Ослабление политической и экономической роли Китая в Средней Азии связано с существованием здесь во второй половине V в. н. э. — начале второй половины VI в. н. э. мощной эфталитской державы и последующим господством тюрков, взявших под свой контроль дороги, ведущие из Китая в Среднюю Азию.

Характерно, что в истории династии Суй в отношении различных среднеазиатских владений повторяется одна и та же фраза: «При династии Суй в шестое лето правления Кхай-Хуан, 586, прислали оттуда (из Средней Азии — Э. Р.) посланника с данью и после сего уже не было посольств» [22. С. 283].

В то же время для этого периода документально подтверждается роль сасанидских и византийских монет как международной валюты. Е. И. Лубо-Лесниченко привел ряд свидетельств китайских письменных источников об обращении в Восточном Туркестане и Западном Китае византийских и сасанидских монет, где они восполняли отсутствие в денежном обращении золота и серебра.

Так, согласно экономическому разделу «Суйшу», в провинциях, расположенных к западу от Хуанхэ, употребляются золотые (т. е. византийские) или серебряные (сасанидские) монеты из западных земель, что не запрещено правительством. В династийных хрониках Северной Вэй и Северной Чжоу говорится об обращении серебряных сасанидских монет. Подтверждают это и тексты из Дуньхуана и могильника Астана [92. С. 255].

Третий период

Этот период движения монет по Великому шелковому пути характеризуется прекращением поступления сасанидского серебра (в связи с разгромом Сасанидского Ирана в 651 г. н. э. арабами) и по сравнению с предшествующим периодом значительно возросшей ролью китайской (танской) монеты, активно проникающей в западные, центральные и южные (в пределах Северного Тохаристана) области Средней Азии и оказавшей здесь значительное влияние на сложение монет местной чеканки. В Средней Азии найдено три типа монет династии Тан.

1. С легендой «Кай-юань тунбао» выпускались с 621 г. по 907 г.
2. С легендой «Дали-юань-бао» выпускались в 769 г.
3. С легендой «Цзянь юань чжун бао» выпускались в 758-760 гг.

Чаще всего в означенных областях Средней Азии встречаются монеты первого типа. Начиная с востока на запад, они зафиксированы в следующих местах: остров «Китай-город» на Иссык-Куле — 2 экз. [112. С. 96-120]; на городище Красная речка — 3 экз. и 2 фрагмента [18. С. 30]; на городище Баласагун [18. С. 92]; на городище Турткуль у с. Новопавловка, вблизи г. Фрунзе (Бишкек), — 1 экз.; в Ташкентской области на городище Канка — 3 экз. и на Ханабате — 1 экз.; на городище Афрасиаб — несколько экз.; в Пенджикенте — 1 экз.; в Сурхандарьинской области на городище Шуроб-курган — 2 экз. и в Старом Термезе — 3 экз. (согласно данным музейной коллекции); в шурфе, заложенном в медресе Надир-Диванбеги в Бухаре, — 1 экз.

Всего нами учтено около 30 экз. танских монет, найденных в Средней Азии, но это, видимо, далеко не полный реестр их находок. В отличие от монет ушу, подавляющее число данных монет найдено в культурных слоях поселений и городищ, как, например, при раскопках жилого дома на городище Шуроб-курган. Это позволяет считать, что танские монеты употреблялись в ряде областей Средней Азии как реальные рыночные средства обращения.

В Среднюю Азию, вероятно, через Киргизию и Фергану, танские монеты поступали из Восточного Туркестана, где их найдено огромное количество [275. Р. 19-20].

В ареал обращения танских монет входит Семиречье, Фергана, Чач, Согд, Северный Тохаристан. За их пределами, к западу, найдена лишь одна монета — в Бухаре. Такой ареал этих монет свидетельствует, что через эти области в данное время проходила одна из самых главных трасс Великого шелкового пути. По ней шли китайские товары в Тохаристан (через Железные ворота) и далее в Индию (известны находки танских монет в Северном Афганистане на Чакалактепа). Этой дорогой, в частности, прошел китайский монах Сюань-Цзянь во время своего паломничества к буддийским святыням Индии [207].

О большой роли танских монет свидетельствует тот факт, что они оказали заметное влияние на сложение ряда монетных систем в Средней Азии.

Бронзовые монеты с квадратной легендой и согдийской легендой выпускались тюргешами, отдельными тюркскими правителями Семиречья, Согда и Чача, владельцами Пенджикента и других согдийских княжеств [182. С. 62-63].

Эмиссия монет по танскому образцу производилась согдийскими ихшидами, начиная со времени Шишпира (642 — не позднее 655 г.) и по середину VIII в. н. э., в купеческом городе Пайкенд.

В Отраре (Южный Казахстан) выпускались бронзовые монеты с квадратным отверстием и иероглифами [184. С. 49-50]. Литые бронзовые монеты с квадратным отверстием и согдийской легендой выпускались в одном из владений Северного Тохаристана — Вахше [196. С. 257].

Такие же монеты, но с бактрийской, еще не прочитанной, легендой обращались в долине р. Кафирниган в Южном Таджикистане [196. С. 257]. Находки мелких тонких и плоских монет с квадратным отверстием и остатками бактрийской (?) легенды зафиксированы на городище Старый Термез (раскопки Ш. Р. Пидаева). В Согде, вероятно, в середине VII в. был налажен выпуск бронзовых монет с двуязычной согдийско-китайской легендой.

Монеты подобного типа найдены в Пенджикенте [182. С. 6] и в районе мечети Биби-Ханым в Самарканде.

О влиянии китайского монетного дела в Согде и ряде других областей Средней Азии, возможно, свидетельствует согдийское слово «р⁹пу» — деньга, монета. Оно зафиксировано на монетах тюргешей, на чачских монетах с изображением верблюда, на монетах правителя Бенакета — Арчанибага (другое чтение В. А. Лившица — Шчанийбаг) [159; 182. С. 43].

Согласно О. И. Смирновой, в VII в. в Китае слово «фень», от которого, по ее мнению, происходит согдийское «р⁹пу», обозначало весовую и монетную единицу [182. С. 43]. Однако, по мнению В. Хеннинга, слово «р⁹пу» заимствовано из санскрита.

Нумизматические данные и сведения письменных источников констатируют, что восточные и центральные области Средней Азии, а также частично южные (в пределах Северного Тохаристана) являлись зоной китайских политических и экономических интересов. Далее к западу влияние Китая если и было, то незначительным.

В первый период юго-западная часть Средней Азии входила в состав Парфянского государства, которое строго соблюдало торговые интересы, препятствуя как проникновению китайских товаров на запад, так и римских на восток. Во второй период та же часть Средней Азии являлась владением Сасанидов, которым в определенное время подчинялся Северный Тохаристан, а также, вероятно, Бухара, где в V в. начинают чеканиться бухарские монеты по образцу драхм Варахрана V.

В третий период эти области были захвачены арабами, положившими после битвы в Таласе в 751 г. конец китайской гегемонии в Средней Азии. Таким образом, проанализированные выше материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Для первого периода нет достаточных данных для утверждения, что та или иная монета играла роль международной валюты на Великом шелковом

пути. Римские и парфянские монеты, находимые в Средней Азии и Китае, могли попасть сюда вместе с общим потоком товаров, шедших с запада на восток, а не в качестве средства денежного обращения как такового.

2. Во второй период международной валютой, обслуживающей торговлю на Великом шелковом пути, становятся сасанидские и византийские монеты. Если на раннем этапе роль сасанидской монеты была еще незначительна, то на позднем, со времени Пероза (459-484 гг.), ее значение неизменно возрастает. Находки сасанидских монет известны вдоль всей центральной и восточной части Великого шелкового пути. Одновременно по северному пути на восток стала поступать золотая византийская монета, удовлетворявшая потребности торговли в золоте.

3. В третий период, в связи с созданием Арабского халифата, прекращается приток сасанидской серебряной и византийской золотой монеты. Роль международной валюты стала играть танская монета, циркулировавшая по всей восточной и центральной части Великого шелкового пути — от Китая до Согда и Северного Тохаристана и оказавшая большое влияние на сложение ряда монетных систем раннесредневековой Средней Азии.

4. За все время существования Великого шелкового пути (конец II в. до н. э. — VII-VIII вв. н. э.), монетные системы, существовавшие в Среднеазиатском Двуречье, имели только локальный круг обращения и предназначались для обслуживания местной торговли.

5. Среднеазиатское Двуречье в денежном обращении на Великом шелковом пути выступает как передаточный пункт западных монет (парфянских,

римских, сасанидских, византийских) далее на восток, в Восточный Туркестан (Сериндия) и Западный Китай.





ФИСКАЛЬНАЯ СЛУЖБА В ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Существование государственности как таковой определяется наличием различного рода институтов, в том числе и такого, как институт сбора налогов. О наличии фискальных служб на территории Средней Азии и, в частности, древнего Узбекистана, известно только со времени ее вхождения в состав Ахеменидской империи. Около 518 г. до н. э. царь Дарий I (522-486) начал свои реформы по реорганизации административной системы и финансовых служб государства. Согласно Геродоту, вся территория Ахеменидского государства была разделена на 20 сатрапий, из которых Бактрия, Саки, Хорезм, Парфия, Согд и Харайва находились в пределах Средней Азии. Каждая из них обязана была вносить в царскую казну определенную сумму налогов, выраженную в весовой единице — таланте, равной 25,92 кг.

Так, с Бактрии взималось 360 талантов серебра, т. е. 9331,2 кг (более 9 тонн); с саков — 250 талантов (6480 кг); с Хорезма, Парфии, Согда и Харайвы — совокупно 300 талантов (7776 кг) (Нер., III).

Таким образом, со всей территории Средней Азии, подвластной Ахеменидам, уплачивался ежегодный налог в 910 талантов, или более 23 тонн серебра. Очевидно, что по общей сумме собираемого денежного налога области Средней Азии занимали одно из ведущих мест в Ахеменидском царстве, ус-

тупая лишь сатрапам Месопотамии — 1000 талантов и Малой Азии — более 1000 талантов.

Известный рассказ Геродота о реке Акес, отождествляемой с рекой Теджен [97. С. 172-176], показывает, что налоги в казну ахеменидских царей за пользование водой также взимались в денежной форме. «Я знаю, — пишет Геродот, — что царь, сверх обычной подати, взимает большие деньги за открытие шлюзов» (Her., III, 117). Сатрапии Ахеменидского царства, в том числе и среднеазиатские, помимо денежных налогов, должны были вносить подати и натурой. Так, для строительства дворца Дария I в Сузах из Бактрии доставлялось золото, из Согдианы — ляпис-лазурь и сердолик, из Хорезма — синий самоцвет (бирюза ?) [1. С. 130]. На известных рельефах дворца в Персеполе изображены представители разных сатрапий, несущие дань ахеменидскому царю. В частности, бактрийцы изображены с сосудами и двугорбыми верблюдами, саки ведут лошадей и несут какие-то предметы, согдийцы помещены с кубками в руках и двумя двугорбыми верблюдами, а хорезмийцы — с мечом, браслетами и лошадьми [45. С. 144-145].

Эти предметы и виды животных, изображенные на стенах дворца в Персеполе, отражают как бы специфическую для каждой области дань, вносимую в казну Ахеменидской империи.

Ответственность за сбор налогов лежала на сатрапах, номархах, градоначальниках, сельских старостах и племенных вождях. Существовали специальные царские сборщики налогов и налоговые инспектора. Причем, по мнению ряда ученых, сбор налогов с населения в определенных сатрапиях Ахеменидской империи осуществлялся не непосредственно от жителей, а с помощью откупщиков, т. е. какое-либо лицо вносило заранее подати в царскую казну, а затем собирало их с населения, увеличивая при этом сумму собираемых налогов. Непосредственных данных о технике сбора налогов с налогоплательщиков на территории Средней Азии не имеется, но, по всей вероятности, здесь также существовала одна из фискальных систем, практиковавшихся в других частях Ахеменидской империи [45. С. 196-202].

После завоевания южных областей Средней Азии Александром Македонским они вошли в состав Селевкидского и Греко-Бактрийского царств (начало III в. до н. э. — середина II в. до н. э.). Здесь установилась фискальная система, характерная для эллинистического мира, но, возможно, с учетом местных особенностей. До недавнего времени, однако, отсутствовали какие-либо сведения о характере налоговой службы и системы налогов, взимаемых с населения на этой территории. Открытие в последние десятилетия остраков с греческими надписями в Ай-Ханум (Северный Афганистан) и на городище Кампыртепа (Южный Узбекистан) позволяют в какой-то мере осветить эту проблему.

Так, в Кампыртепа, находящемся в 30 км к западу от г. Термеза на берегу Окса, были найдены два острака с греческим граффити. На одном из них проставлено обозначение денежной единицы или меры веса — 15 драхм, на другом — меры жидкости — 7 хоев (хой — древнегреческая мера жидкостей, равная 3,28 литра) [255. P.21-23].

Эти два небольших по содержанию греческих граффити имеют большое значение для характеристики определенных сторон налоговых отношений в Северной Бактрии в эллинистическое время. До сих пор здесь, как, впрочем, и во всей Средней Азии, не было прежде известно находок надписей этого времени с обозначением денежных единиц и мер веса.

В сокровищнице дворца Ай-Ханум, как известно, было найдено несколько сосудов, покрытых надписями — этикетками, в которых наряду с названием древнеиндийских клейменных монет — каршпана упоминаются драхмы. По мнению Кл. Рапэна, эти сосуды предназначались для хранения денежных поступлений от налогоплательщиков специальным налоговым чиновником, осуществлявшим сбор этих поступлений для последующей их передачи в царскую казну, где они и хранились. В надписях упоминаются даже имена чиновников — хранителей этой сокровищницы: Зенон, Тимодем, Стратон, Филиск, Никерат [147. С. 108-120].

Другой тип налоговых финансовых документов, принятых в эллинистическом мире, — это остраки птолемеевской эпохи, происходящие из Египта. Они представляют собой своего ро-

да квитанции, выдаваемыми банкирами и ситологами при получении фискального сбора [147. С. 115].

Из-за краткости содержания и уникальности весьма трудно определить, какого рода финансовый документ представляет собой греческое граффити из Кампыртепа с обозначением 15 драхм. Очевидно, однако, что оно являлось иного рода документом, чем айханумские надписи, так как в последних, как правило, упоминаются имена нескольких должностных лиц, тогда как кампыртепинское граффити анонимное. К тому же оно нанесено не на целый сосуд, а на его фрагмент, который не мог использоваться для хранения денежных поступлений.

По всей вероятности, данное граффити являлось остраком — квитанцией типа остраков птолемеевского Египта, упомянутых выше.

К уникальным документам такого же рода относится и второе граффити с обозначением семи хоев. Семь хоев — это 22,96 литра, тогда как данная надпись была нанесена на фрагмент сосуда, который, даже если бы он был целым, едва ли вмещал бы один литр. Надпись нанесена на острак, являвшийся, вероятно, своего рода квитанцией, выдаваемой для учета поступления какой-то жидкости, скорее всего вина. Такого рода учетные документы характерны для парфянской Нисы [47].

Находки в Ай-Ханум и в какой-то мере в Кампыртепа позволяют говорить о том, что в греко-бактрийское время на юге Средней Азии существовала развитая система сбора и учета налогов и, следовательно, института фиска.

Это подтверждает и замечательный налоговый документ на пергаменте начала II в. до н. э., приобретенный в Северо-Западном Афганистане, а затем поступивший в «Ашмолеан Музеум» Оксфорда. Его публикация осуществлена на английском и французском языках [208. P. 264-269; 251. S. 261-280]. В этом документе, составленном в Бактрии при царе Антимахе Теосе, упоминается некий Менодот — сборщик налогов, а также Диодор — контролер государственных доходов, т. е. лицо, осуществлявшее надзор над сбором налогов [208. P. 264-269].

По мнению Кл. Рапэна, упоминаемый в документе топоним Асангорна соответствует средневековому Сангараку и более позднему Сангараку — небольшому городу или району, расположенному в верховьях Балхаба в Западной Бактрии [208. Р. 289-290].

О наличии налоговой системы в другом государстве Средней Азии — Парфянском царстве — позволяют судить остраки с парфянскими надписями, найденные на городище Новая Ниса.

Надписи на остраках из Нисы, как показали их исследования, отражают систему налоговых обложений виноградников, расположенных в округе этого города — первой столицы Аршакидов в III-II вв. до н. э. [47. С. 16-17].

В них приводятся названия податных виноградников, таких, как, например, Накбакан, Натпак, Кашаши, наименование большого сосуда для хранения вина — хумб, сумма подати, год взноса, а также, что весьма важно, имя составившего документ чиновного лица с титулом «марубар» — т. е. счетовод. Например:

1. «По расписке этой (?) из виноградника податного... хумов 10 (?) доставили. Вахуман, счетовод. Взнос на год 141 (или 140)».

2. «По расписке (?) этой из виноградника податного, из (местности) Нтрк называемой, сосудов 8 (или 7), взнос на год 133 доставили. Михредат, счетовод (?)» [47. С. 42].

Подробное исследование содержания надписей нисийских остраков, проведенное М. Е. Массоном, И. М. Дьяконовым, М. М. Дьяконовым, В. А. Лившицем, позволило им сделать следующие выводы:

1. Прием подати оформлялся специальным документом, своего рода налоговой квитанцией.

2. Существовали две категории земель — подлежащих и не подлежащих обложению налогом. Причем употребленный в надписи термин «(а) вâž» (средневек. «vâž») применялся для обозначения поземельного налога.

3. Количество вносимого налога измерялось в больших сосудах — хумах, которые были стандартных размеров и исполняли роль мер емкости.

4. Налог взимался не с какого-либо конкретного лица, а с общины, на что указывает безличный характер формулы «доставили, ... доставили».

5. При взимании налога велся строгий ежегодный государственный учет.

6. Непосредственным сборщиком налогов или его преемником был чиновник-счетовод, мадубар (?) или марубар.

7. Налоги доставлялись из округи в административный центр — Михридаткерт.

8. Эти остраки являлись копиями расписок, хранившихся в счетной канцелярии, тогда как сами подлинники выдавались владельцам натуры для исключения повторного сбора [47. С. 62-63].

Сравнение налоговых документов примерно близкого времени из различных государств — Греко-Бактрийского и Парфянского, в состав которых входили южные области Средней Азии, свидетельствует о наличии, по крайней мере, двух видов налогов: денежном и натуральном. Для осуществления их сбора существовал сложный и развитый административный аппарат, в котором служили различного ранга чиновники, осуществлявшие фискальный сбор, учет и контроль доходов.

Вероятно, та же система управления, характер фискальных служб и источники сложения налогов существовали в древних государствах Средней Азии и в первых веках нашей эры, но конкретных данных об этом пока почти не имеется.

Хозяйственные документы из дворца Хорезмшахов в Топрак-кале, датированные III в. н. э., представляют собой перечень, по-видимому, налоговых поступлений от отдельных лиц, осуществляемых мукой, вином и скотом в определенных объемах, вероятно, в царскую «казну» [88. С. 251-286].

Не исключено, что такого же рода документы обнаружены в одном из помещений здания, принадлежавшего большой семье, на городище Кампыртепа в слое первой половины II в. н. э., но они сохранились очень плохо.

Важный материал для изучения нашей проблемы может дать также клад золотых предметов из Дальверзинтепа, зарытый, по-видимому, в начале III в. н. э. в связи с сасанидским

завоеванием этого города, хотя некоторые предметы (украшения) в нем, несомненно, более ранние. В составе клада, помимо других предметов, имеются 21 золотой литой брусок двух групп: первая — размером 85x24-25x20 мм, весом от 876,2 до 877,8 г; вторая — размером 68x16-17 мм, весом от 358,1 до 449,7 г [32. С. 72-80].

Десять брусков содержат надписи кхароштли, на которых, согласно чтению М. И. Воробьевой-Десятковской, обозначен вес каждого из них в статерах, драхмах и дхане, а также имена собственные, возможно, должность и слово «шрамана», обозначающее буддийского монаха. Приведем перевод трех, наиболее наглядных, примеров:

1. «51 статер, 1 драхма, 2 дхане. Митрой данное».

2. «25 статеров, половина драхмы. Начальника. Дано Митрой».

3. «50 статеров. Кальяны. Шраманы (дали)».

По поводу интерпретации содержания надписей и назначения самих брусков высказано несколько предположений. Согласно мнению М. И. Воробьевой-Десятковской, имя «Митра», учитывая специфический характер дальверзинских надписей, имел один из чиновников кушанского казначейства. В то же время Е. В. Зеймаль предположил, что употребленная в надписи формула «Mitrena dite» имела сакральное значение, где правильность написанного подтверждается именем бога Митры, что связано с главной функцией этого божества — гаранта договора и обязательства. Однако М. И. Воробьева-Десятковская отвергает данное предположение [32. С. 76]. Касаясь употребления в надписях на четырех брусках слова «шраманы», означающее буддийского монаха, она предполагает, что дальверзинские бруски были частью собственности буддийской общины этого города. По ее мнению, они могли предназначаться для покрытия расходов, связанных с сооружением буддийских ступ, а также изготовления золотых статуэток Будды и украшений храмовой скульптуры, что предусмотрено правилами «Виная» [32. С. 78].

Г. А. Пугаченкова рассматривала дальверзинский клад в качестве военной добычи, захваченной в Северо-Западной

Индии владельцем обширного дома ДТ-5, принадлежавшим, по ее мнению, к кушано-бактрийской военной знати [135. С. 64-72].

Возможно, однако, и другое предположение, представляющее мне более реальным. Эти бруски (как с надписями, так и без них), по моему мнению, являлись налоговыми поступлениями, осуществляемые золотыми брусками определенного веса; в данном случае двух весовых групп: первая — 358,1-449,7 г; вторая — 876,2-877,8 г. Подобного рода поступления драгоценного металла определенного веса в качестве налога, как нами показано выше, существовали в Средней Азии уже с середины первого тыс. до н. э., причем поступали они в казну ахеменидского царя.

В таком случае в формуле надписей на брусках «Даны Митрой, шраманы (дали)» следует усматривать налоговые уплаты, вносимые определенными лицами: в одном случае — богатым земледельцем или купцом Митрой, в другом — представителями богатой буддийской общины города (Дальверзинтепа), владевшей в нем двумя храмами.

Эти надписи изготовлялись при помощи пунсона-штампа специальным налоговым чиновником, ведающим учетом поступающего налога, подобно мадубару-счетоводу в парфянском Михридаткерте или учетчику налоговых поступлений в греко-бактрийском Ай-Хануме.

В Ай-Хануме денежные поступления хранились в особых сосудах в сокровищнице дворца правителя города, откуда они передавались в царскую казну. Не исключено, что объект ДТ-5 на Дальверзинтепа являлся дворцовым зданием сатрапа Чаганиана, куда поступали налоговые сборы со всей области для последующей их передачи в царскую казну. На возможность трактовки этого здания не как дома представителя знати, а дворца указывали Г. А. Пугаченкова и В. М. Массон [103. С. 10].

На Дальверзинтепа найден еще один важный документ — острак с пехлевийской надписью, датируемой серединой III — серединой IV вв. н. э. Согласно В. А. Лившицу и А. Б. Никитину, надпись переводится как «Год 12. Навбун (?) пусть заплатит денаров 100 (?)...». Они полагают,

что речь здесь идет о выплате весьма крупной суммы в 100 и даже 1000 (допустимо такое чтение) золотых монет, связанной с деловыми операциями, которые вели персидские купцы, прибывшие из Ирана в Дальверзинтепа [84. С. 66-72]. Причем это лишь черновик документа, так как финансовые документы в окончательном варианте писались на коже. Однако и этот острак мог быть налоговым документом — напоминанием о необходимости выплаты задолженности некоему лицу (Навбуну), или памятная запись учета налогов, которую вел специальный чиновник.

Дальверзинтепа, как и вся Северная Бактрия, по-видимому, в середине III в. н. э. была завоевана сасанидами и в присутствии здесь сасанидской администрации, а не только приезжих из Ирана купцов, нет ничего странного.

Приведенные факты пока еще немногочисленны, но они, безусловно, отражают существование в древней Средней Азии установившейся фискальной системы, получившей дальнейшее развитие в раннее и развитое средневековье.





МОДЕЛИ ГЕНЕЗИСА МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ДВУРЕЧЬЕ

Проблема возникновения собственной монетной чеканки в Средней Азии до недавнего времени обсуждалась лишь в хронологическом и территориальном аспектах: где и когда впервые монета стала использоваться здесь в качестве средства обращения [65. С. 87-92; 94. С. 46]. Характер и особенности ранних этапов ее становления теоретически и конкретно на основе обширного нумизматического материала обоснованы только в ряде исследований Е. В. Зеймаля, изданных в последние годы [53. С. 61-81; 56. С. 71-76].

Согласно его мнению, возникновение денежного обращения и появление самостоятельной монетной чеканки в Трансоксиане происходило по следующей модели: первоначально сюда в качестве сокровища поступали иноземные монеты, к числу которых, наряду с ахеменидскими монетами, тетрадрахмами и драхмами греческих городов V-IV вв. до н. э., он относит также селевкидские и греко-бактрийские монеты; затем по образу иноземной монеты, наиболее «привычной» для той или иной области, стали чеканиться местные подражания этим монетам, являющиеся не только начальной формой монетной чеканки, но и начальной формой денежного обращения в областях и странах, соседствующих с государствами, уже обладавшими развитым денежным обращением. Заключительная фаза этого процесса — выпуск самостоятельных

монетных эмиссий, возникших на основе «варварских» подражаний. В целом эта модель вполне приемлемо отражает становление самостоятельных монетных эмиссий, но, возможно, лишь в некоторых областях Среднеазиатского Двуречья. Однако если даже согласиться с данным предположением, остается все же неясным вопрос о том, являлись селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты иноземными по отношению к Согду и Северной Бактрии или же они обращались здесь по причине того обстоятельства, что обе эти области входили в состав эллинистических государств. Вопрос этот упирается в политическую историю Среднеазиатского Двуречья в III-II вв. до н. э., которая, в свою очередь, базируется на скудных сведениях письменных источников и нумизматических данных.

Сомнительно, что селевкидские и греко-бактрийские монеты всегда выполняли здесь функции сокровищ, а не средства обращения, тем более что среди находок нередко медные дихалки и халки, очень редко выходившие за пределы того государства, где они чеканились. Очевидно, что привозными и иноземными для территории Средней Азии являлись ахеменидские дарики, вероятно, найденные здесь, хотя обстоятельства их находок неясны, или монеты Амударьинского клада, в том числе греческие серебряные монеты V-IV вв. до н. э., статеры ахеменидских сатрапов Малой Азии, подражания монетам Афин, монеты царей Македонии [53. С. 61-64].

Действительно, эти монеты, являющиеся случайным вкраплением в мир натурального обмена, не оставили никакого следа в последующей истории среднеазиатской нумизматики. Они не стали основой для возникновения здесь впоследствии монетной чеканки, в то время как селевкидские и особенно греко-бактрийские монеты на несколько веков определили процесс становления и развития денежного обращения и монетной чеканки в Средней Азии. Они явились тем базисом, на основе которого возникают здесь вначале подражательные эмиссии, а затем и свои чеканы.

Очевидно также, что модель, предложенная Е. В. Зеймалем (как показывает анализ нумизматических данных), не была универсальной. В различных историко-культурных об-

ластях Среднеазиатского Двуречья становление самостоятельной монетой чеканки происходило иным путем. Задача нашей статьи — проанализировать и показать наличие различных моделей генезиса и эволюции монетной чеканки в этих областях в древний и раннесредневековый периоды.

Северная Бактрия. Денежное обращение в этой области возникает в селевкидское время, вероятно, в первой половине III в. до н. э. Сейчас отсюда происходит уже 11 селевкидских монет Антиоха I (280-261 гг. до н. э.): с городища Тахти-Сангин — 4 халка, из Старого Термеза — 3 драхмы и халк, Кампыртепа — 2 халка [53. С. 66-68; 163. С. 47-49; 166. С. 72]. Преобладание среди находок медных халков указывает на развитие мелкой розничной торговли, а также на то, что монета была для данной области не иноземной, а государственной, обслуживавшей сферу торговли в пределах выпускавшего ее государства.

Значительны и разнообразны в этой области находки греко-бактрийских монет. По последним данным, всего здесь обнаружено около ста монет, в том числе серебряные — тетрадрахмы, драхмы и оболы, и медные — дихалки и халки [53. С. 48-57; 166. С. 72-73; 256. Р. 79-83]. Среди них монеты Диодота, Евтидема, Антимаха, Агафокла, Евкратиды, Аполодота, Гелиокла, т. е. всех великих греко-бактрийских царей. Основная масса находок греко-бактрийских монет (около 80 экз.) концентрируется в приамударынской зоне (Тахти-Сангин — 27 экз., Старый Термез — более 30 экз., Кампыртепа — 20 экз.). Второй район сосредоточения находок этих монет — 15 экз. — верховья рек Сурхандарья и Каратагдарья (Дальверзинтепа, Денау, Регар, Халчаян, Шахинау). По обстоятельствам находок эти монеты делятся на три группы — подъемные; происходящие из археологических слоев юечжийского и кушанского времени и перемещенные из нижележащих слоев, найденные в слоях с керамикой эллинистического времени.

Согласно мнению Е. В. Зеймаля, большинство областей Средней Азии, за исключением округа Термеза, в III-II вв. до н. э. не знали товарно-денежных отношений и представляли собой монетный вакуум, куда греко-бактрийские монеты при-

шли в качестве иноземных [58. С. 197]. Нами уже показана несостоятельность этого вывода [144. С. 31-39]. Греко-бактрийские монеты для всей Северной Бактрии были своими, а не иноземными, обращавшимися в пределах территории, находившейся под контролем государства, выпускавшего их в обращение.

Проанализированные выше данные показывают: когда мы имеем реальные и конкретные находки эллинистических монет, а не сомнительные монетные клады типа Амударьинского, то, очевидно, что эти монеты поступали в Северную Бактрию не как иноземные и не в качестве сокровища, а как монеты государственные, обращавшиеся в пределах государства, их выпускавшего. Следовательно, изначальные посылки Е. В. Зеймаля и построенная им модель начального этапа денежного обращения в Средней Азии являются некорректными. Более того, начальный этап возникновения денежного обращения в различных историко-культурных областях Средней Азии был далеко не равнозначным в хронологическом отношении. Выше мы показали, как шло возникновение и становление денежного обращения в Северной Бактрии.

Кеш и Нахшеб. Время возникновения и пути становления денежной чеканки в Кеше и Нахшебе, соответствующих древним областям Наутака и Ксениппа и зачастую объединяемых в историко-географическое понятие «Южный Согд», остаются не совсем ясными. Наиболее ранняя монета, происходящая отсюда, — тетрадрахма Александра Македонского или первых селевкидских царей, обнаруженная вблизи Карши [56. С. 65]. Найдены здесь и греко-бактрийские монеты: халк Диодота на Сигиртепа в восточной части Кашкадарьи (определение М. Е. Массона), клад, включающий оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратиды в Китабе [110. С. 284]. Три оболы Антимаха приобретены Б. Н. Кастальским в окрестностях Шахрисабза [70. С. 339-347].

Подражания селевкидским драхмам Антиоха I обнаружены в Ер-Кургане [56. С. 75]. Не исключено, что в Южном Согда чеканились раннесогдийские оболы первых веков н. э. с изображением на лицевой стороне стоящего Геракла, а на оборотной стороне — сидящего Зевса Этофора в окруже-

нии согдийской легенды [59. С. 68, 73]. Только эта область дала два пункта точного местонахождения — Малое Кыз-биби [65. С. 77, 90] и Турткультепа в восточной части Кашкарьинской области.

Находки других раннесогдийских монет здесь также пока редки. На Каландартепа в Китабе найден обол Гиркода [121. С. 26], а на Зиндантепе в Шахрисабзе (раскопки З. И Усмановой) и Большом Кыз-биби — монеты с изображением лучника на оборотной стороне [65. С. 77, 80].

Если для античного периода существование своей монетной чеканки в Южном Согде пока гипотетично, то для следующего периода имеются более достоверные сведения. Вероятно, в III-IV или V в. н. э. здесь чеканятся оригинального типа медные монеты с изображением головы правителя в своеобразной прическе на лицевой стороне и сцены единоборства героя со львом — на оборотной стороне. Историческая интерпретация этих монет в значительной степени затруднена правильным чтением сложной согдийской легенды, имеющейся на лицевой стороне этих монет. Опираясь на предложенное О. И. Смирновой чтение данной легенды как «кšпк», С. К. Кабанов полагал, что они выпускались позднекушанскими династиями, якобы пришедшими к власти в Нахшебе после распада Кушанской империи.

Исходя из того, что все находки этих монет до недавнего времени происходили только из Нахшеба, он предложил называть их нахшебскими монетами [66. С. 97].

Иную историческую интерпретацию данных монет предложил М. Е. Массон, который считал, что они выпускались побочной ветвью династии Аршакидов, укрепившейся в Южном Согде после гибели Парфянского государства.

Вместе с тем В. А. Лившиц в первоначальном своем чтении согдийской легенды на этих монетах дает ее перевод как «кšп'к MLK», «Кешский царь» [83. С. 170], что, как нам представляется, является более правильным чтением, нежели предложенное О. И. Смирновой, тем более что последние находки этих монет, сделанные в Шахрисабзе, указывают на их обращение в области Кеша.

С иконографической точки зрения весьма любопытно, что прототип сцены единоборства героя со львом выдержан в ахеменидских традициях. Эта сцена изображалась на монетах IV в. до н. э. ахеменидских сатрапов Малой Азии.

Очевидно, что собственный тип монет Кеша создавался на основе местной, согдийской, а также, видимо, ахеменидской и парфянской традиций при полном отсутствии сохранения эллинистических влияний.

В раннее средневековье в Кеше и Нахшебе продолжается развитие собственной монетной чеканки. В VII или начале VIII в. н. э. в Кеше чеканятся медные монеты правителя Ахурпата, иконографический тип которых в какой-то мере следует бухархудатским (в изображении правителя) и согдийским монетам (имитация квадратного отверстия). В это же время в Нахшебе выпускаются монеты с изображением на лицевой стороне неоседланной лошади, а на оборотной стороне — тамги.

Соغد. В этой области известны находки селевкидских и греко-бактрийских монет. Среди селевкидских монет ди-халк Селевка I и халк Антиоха I, происходящих из Афрасиаба и правого берега Сиаба вблизи него [53. С. 65-66]. Более многочисленны находки греко-бактрийских монет, в том числе драхмы Деметрия и Антиоха, оболы Евкратиды [256. Р. 70-72]. Соغد дает наиболее ранний пример возникновения в Среднеазиатском Двуречье подражаний эллинистическим монетам. В данном случае — это серебряные подражания селевкидским драхмам Антиоха I, детально проанализированные Е. В. Зеймалем. По его мнению, начало чеканки подражаний монетам Антиоха I в Среднеазиатском Двуречье приходится на конец III — начало II в. до н. э. и предположительно продолжается до середины I в. до н. э. [56. С. 68-75]. По мнению Е. В. Зеймаля, подражания последнего пятого периода являются уже самостоятельной монетной чеканкой, выросшей из подражаний драхмам Антиоха I и стадияльно параллельны монетам с изображением лучника (раннесогдийским) и монетам Гиркода [56. С. 73].

К ранним согдийским эмиссиям принадлежат также мелкие серебряные монеты с изображением лучника на об. ст.,

которые сменяют в Согде подражания монетам Антиоха I с головой коня на об. ст. Согласно предложенной Е. В. Зеймалем периодизации, в их чеканке возможно выделить четыре периода — с греческой легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ или ее имитацией на оборотной стороне, с согдийской легендой 𐭃𐭆𐭅𐭆 на лицевой стороне; с согдийской легендой 𐭅𐭆𐭅𐭆 ; с плохо читаемой и почти несохранившейся легендой [53. С. 269-271]. Их чеканка, по-видимому, началась в I в. н. э. (первый период) и продолжалась вплоть до VI в. (четвертый период). Судя по ареалу этих монет, они, по всей вероятности, выпускались в Самарканде и имели сравнительно небольшую территорию обращения: в пределах современной Самаркандской и частично восточной части Кашкадарьинской областей, а также в Пенджикенте [53. С. 269].

Бухара. Наиболее ранними монетами, найденными в этой области, являются греко-бактрийские тетрадрахмы Диодота, Евтидема и Агафокла из клада, найденного вблизи Бухары и включающего 50 экз. [169. С. 54-58; 256. Р. 61-69; 1988].

Становление здесь своей монетной чеканки начинается с выпуска, по-видимому, во II в. до н. э. подражаний греко-бактрийским тетрадрахмам Евтидема, вначале с искаженной греческой (потом рядом с ней появляется тамга), а затем и согдийской легендой [58. С. 209-210; 83. С. 112]. Следовательно, происходит постепенное перерастание подражательных выпусков в самостоятельный монетный чекан. Е. В. Зеймаль называет эти монеты «согдийским чеканом» [58. С. 209], но нам представляется более верным обозначить его как раннебухарский чекан по образцу тетрадрахм Евтидема.

В чеканке этих монет, продолжавшейся, видимо, с I в. до н. э. и вплоть до второй половины или конца IV в. н. э., выделяются два периода (правитель в диадеме — I в. до н. э.— I в. н. э., правитель в тиаре — II-IV вв. н. э.) [58. С. 210]. Находки данных монет на территории Бухарской области, в том числе клада, не редкость [168. С. 35-38].

По-видимому, в юго-западной части Бухарского оазиса выпускались мелкие серебряные монеты Гиркода, хронологически параллельные раннебухарским монетам, битым по образцу тетрадрахм Евтидема [58. С. 209]. Это подтверждается

недавними их находками А. Наймарком на городище Кум-Савтан в количестве нескольких десятков экземпляров. В чекане Гиркода монеты различаются по типу оборотной стороны на две основные группы: стоящее божество с пламенем у плечей и легенда $\text{AP}\Delta\text{H}\Theta\text{POY MAKAPOY}$; протома скачущей лошади и легенда $\text{YPKO}\Delta\text{OY}$.

Таким образом, в античный период Бухарский Согд являлся крупным центром монетной чеканки, полностью обеспечивающим потребности внутреннего рынка собственной монетой.

Период V-VIII вв. н. э. в Бухарском Согде характеризуется дальнейшим развитием денежного обращения и разнообразием монетной чеканки. В IV-V вв. н. э. на смену бухарским «тетрадрахмам» приходят мелкие серебряные монеты с изображением головы правителя вправо и согдийской легендой, которую, по нашему мнению, следует читать как «государь Мовач». В это же время здесь осуществляются массовые выпуски медных скифатных монет с изображением головы правителя на лицевой стороне и алтаря огня сасанидского типа в окружении согдийской легенды $\text{MR}^9\text{Y}^9\text{sb}^9\text{r}$ — «государь Асбар» [83].

С середины V в. в Бухаре начинается чеканка серебряных бухархудатских монет, битых по образцу сасанидских драхм Варахрана V с легендой бухарским вариантом согдийского письма «государь — царь Бухары». Выпуск этих монет продолжается здесь с небольшим перерывом до второй половины VIII в. н. э., когда они заменяются подражаниями бухархудатским монетам с арабскими легендами.

В конце V — начале VI в. н. э. в одном из районов Бухары обращались подражания драхмам Варахрана V с наложенной на лицевой стороне тамгой, выпуск которых, судя по составу Шафирканского клада, хранящегося в Бухарском музее, был достаточно обилён. VII — первая половина VIII в. добавляют к этому реестру еще ряд новых монетных типов, выпускавшихся в области Бухары. Это, в частности, медные монеты с изображением на лицевой стороне двугорбого верблюда и алтаря огня на оборотной стороне, с согдийской легендой по обеим его сторонам [184. С. 28-30].

В целом, оценивая генезис и развитие денежного обращения и становления самостоятельной монетной чеканки в Бухаре, можно допустить, что здесь, как ни в одной области Среднеазиатского Двуречья, применима изложенная выше модель Е. В. Зеймаля: приток иноземных монет (греко-бактрийских — Бухарский клад), чеканка местных подражаний по образцу тетрадрахм Евтидема, выпуск самостоятельных монетных типов — бухарских тетрадрахм. Начиная с первых этапов, денежное обращение в Бухаре было под влиянием эллинистических традиций. Эти традиции, несмотря на появление самостоятельного монетного типа — бухарских тетрадрахм, в сильно видоизмененном типе продолжали сохраняться вплоть до конца IV в. н. э. С этого времени монетная чеканка здесь находилась под влиянием сасанидского монетного дела, а во второй половине VII-VIII вв. н. э., вероятно, посредством согдийского чекана и китайских традиций, отразившихся в чекане монет Пайкенда.

Хорезм. Для этой области характерно отсутствие в эллинистическое время денежного обращения и чеканки собственной монеты, почти не было притока иноземной монеты. Известны всего лишь три находки греко-бактрийских монет в этой области: это тетрадрахма Евкратида из Джанбаскалы; халк, найденный в Яккепарсанском замке № 5 [25. С. 176]; тетрадрахма Евтидема, происходящая из Хивы [113. С. 6].

Сложение собственной монетной чеканки сейчас прослеживается довольно четко. Образцом для нее послужили не собственно эллинистические монеты, а «варварские» подражания тетрадрахмам Евкратида. Наиболее ранний период становления монетной чеканки Хорезма представлен выделенной Б. И. Вайнберг группой А, на монетах которой отчетливо прослеживается введение новых элементов — хорезмийской царской тамги и изображение всадника вместо Диоскуров на оборотной стороне и появление изображения царя на лицевой стороне. Всего в этой группе выделены три последовательные стадии, отражающие становление хорезмийского монетного чекана (AI, AII, AIII). Наиболее ранней в ней признана монета, впервые опубликованная В. М. Массоном [101. С. 164], отличающаяся от тетрадрахм Евкратида деталями изображе-

ния лица на лицевой стороне и наличием на оборотной стороне хорезмийской царской тамги. Следующую стадию отражают монеты типа АII Самаркандского музея, образцом для чеканки которого послужили, по мнению Б. И. Вайнберг, монеты типа АI [25. С. 50]. Наконец, монеты типа АIII демонстрируют при сохранении некоторых признаков предшествующих типов принципиально новые изменения: появление на лицевой стороне бюста безбородого царя, позади которого схематизированное изображение богини Ники, венчающей царя, а на оборотной стороне — всадника на идущем вправо коне [25. С. 50]. Монеты группы А серебряные, по весовым данным близки к тетрадрахмам. Датируются в пределах второй половины II в. до н. э. — начала I в. н. э. [25. С. 49-51].

Не решен, однако, вопрос о месте чеканки монет первой стадии типа АI. В. М. Массон полагал, что они чеканились в районе Сырдарьи [101. С. 167-169], тогда как С. П. Толстов отстаивал их хорезмийское происхождение [187. С. 59-60]. Б. И. Вайнберг колеблется в определении места ее появления: не исключается чеканка этой монеты на юге Среднеазиатского Двуречья в Хорезме после захвата данной области кочевыми племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии [25. С. 49]. В это же время чеканку монет АII и АIII она уверенно относит к Хорезму [25. С. 50].

Монеты группы Б представлены множеством типов, с изображением на лицевой стороне бюста царя, а на оборотной стороне едущего на коне всадника в сопровождении остатков искаженной греческой легенды и надписи хорезмийским письмом, передающей имя царя и его титул. В этот же период незадолго до времени правления царя Вазамара (тип Б2У) возникает медный хорезмийский монетный чекан, а в его правление устанавливается стабильный тип медных монет [25. Таб. XVII].

Монеты БI, по мнению Б. И. Вайнберг, датируются около середины или третьей четвертью I в. н. э. и свидетельствуют о новом и принципиально важном этапе монетного дела Хорезма — на них впервые появляется тамга, ставшая традиционной в монетном чекане Хорезма вплоть до конца VIII в. и местная легенда, содержащая имя царя и титул [25. С. 52].

Монеты VI демонстрируют уже полный разрыв с эллинистическими традициями, на них полностью исчезает искаженная греческая легенда, присутствующая на всех монетах предшествующих групп.

Уструшана. Денежное обращение в этой области возникает сравнительно поздно. За исключением нескольких находок кушанских монет, в том числе Кадфиза II, и клада римских монет из Ленинабада [53. С. 63-69] нет никаких данных о находках здесь иных монет. По-видимому, римские монеты оказались здесь в связи с торговлей, которая велась по Великому шелковому пути.

Самостоятельная монетная чеканка возникает в Уструшане только во второй половине VII в. н. э. — это медные монеты близкого размера и веса. Отсутствие предшествующих традиций способствовало развитию эклектичного стиля в иконографии уструшанских монет. Здесь очевидны сасанидские традиции, выразившиеся в деталях головного убора, византийской иконографии, но не прямое, а опосредованное, через чачские монеты, что отразилось в частности на изображении правителей не в профиль, как на большинстве монет этого времени из Средней Азии и сопредельных стран, а в трехчетвертном повороте, как на монетах Византии и Чача. На монетах правителя Сатачари появляются индийские символы — слон, отдельные знаки, на монетах Роханча — христианские (несторианские) кресты. Таким образом, Уструшана показывает совершенно иную модель становления самостоятельной монетной чеканки, без предшествующих стадий, как в ряде других областей Средней Азии: обращение иноземной или государственной монеты — «варварские» подражания — самостоятельные монетные типы.

Чач. Наиболее ранние монеты, обнаруженные в Чаче, — кушанские. На городище Киндиктепа найдена монета Сотера Мегаса, а также Канишки [49. С. 123], в районе ташкентской обсерватории — монета Васудевы. Проникновение кушанских монет в Чач, видимо, связано с торговлей, осуществлявшейся по одной из трасс Великого шелкового пути, но оно отнюдь не свидетельствует о существовании здесь уже в начале I тыс. н. э. денежного обращения.

Становление самостоятельной монетной чеканки в Чаче происходит по иной модели, нежели в Бактрии, Согде и Хорезме. Местный монетный чекан возникает без предшествующих стадий: государственная или иноземная монета — «варварские» подражания — самостоятельный монетный тип. Наиболее ранние выпуски монеты Чача относятся, вероятно, к III-IV вв. н. э. [105], хотя В. М. Массоном предлагалась и более ранняя датировка их выпуска — I-II вв. н. э. Это медные монеты с изображением на лицевой стороне деформированной головы правителя вправо в оригинальной причёске, а на оборотной стороне — кангюйской тамги в окружении согдийской надписи, содержащей имя, титул правителя и название области «Чач». Среди синхронных монет, выпускавшихся в других областях Средней Азии, иконографический тип данных монет не имеет аналогий, хотя тамга, изображённая на них, почти идентична тамгам на монетах Хорезма, что можно рассматривать как свидетельство политической зависимости Чача и Хорезма или, скорее всего, как династическую общность кангюйских владений Среднеазиатского Двуречья.

Эмиссии этих монет были весьма значительны — в Ташкентской области найден клад, содержащий более 1000 экз., нередки находки и на городищах Бенакет, Канка, Киндыктепа и других поселениях. Обращения золотых и серебряных монет в это время в Чаче не существовало. Выпускавшиеся здесь монеты имели локальный круг обращения и почти не выходили за пределы данной области. Нам известны только две находки чачских монет в иных областях — одна в Фергане, другая — в буддийском комплексе Фаязтепа в Старом Термезе (находки Л. И. Альбаума).

Раннее средневековье в Чаче характеризуется исключительным разнообразием монетных типов, превосходящих в этом отношении, пожалуй, все остальные области Среднеазиатского Двуречья [159]. Как и прежде, в этой области не чеканились золотые и серебряные монеты. Все известные нам многочисленные монеты как литые, так и чеканные, — медные или, вероятнее всего, бронзовые. Подавляющее большинство монет на лицевой стороне имеет погрудное изо-

бражение правителя в фас или с поворотом в три четверти. На лицевой стороне одной группы монет, выпускавшихся в Чаче, изображены правитель и правительница, в чем справедливо усматривается влияние византийской монетной традиции, где парные изображения появляются впервые на монетах Юстина II (565-577 гг.) [107]. Нередки также изображения хищного зверя, неоседланной лошади и верблюда. Уникальны другие иконографические схемы на монетах: сидящий на троне и с зооморфными фигурами правитель со скрещенными ногами или две сидящие фигуры, вероятно, божество и правитель [159. С. 181-182; 171. С. 39]. Обратная сторона монет стандартна: в центре — различного типа тамга в окружении легенды согдийским письмом, передающей титул и имя правителя и название области.

Анализ иконографии чачских монет показывает, что в отличие от ряда других областей Среднеазиатского Двуречья, например, Северного Тохаристана и Бухары, в ней полностью отсутствует влияние сасанидского монетного дела. В иконографии этих монет четко прослеживается следование местным традициям более древних чачских монет по схеме: голова правителя, тамга в окружении надписи, но, вероятно, под влиянием византийской традиции изображение правителя на раннесредневековых чачских монетах передается уже не в профиль, а в фас или три четверти.

Еще одна, но значительно менее распространенная группа чачских монет, выпускавшихся тюркскими правителями, — это литые монеты с квадратным отверстием, следующие китайско-согдийской традиции.

Кроме собственно чачских монет, на территории этой области в раннее средневековье в достаточно большом количестве обращались монеты тюркшей и согдийских ихшидов, в особенности Тархуна и Гурека, танские монеты, находки которых имеются на городищах Канка и Ханабад. Отмечены также находки византийских монет, серебряных подражаний монетам Пероза и монеты Тухусов на городище Актепа.

В целом для раннего средневековья, если исходить из количественных показателей, так как других не имеется, можно констатировать для всей области Чача исключительно

высокий уровень денежной торговли, разнообразие монетных чеканов и обращавшихся здесь монет. По нашему мнению, в большей мере данное явление вызвано тем, что именно в это время через Чач проходила важнейшая трасса Великого шелкового пути.

По имеющимся данным, Чач демонстрирует нам иную, чем бактрийско-согдийская и хорезмийская модель становления самостоятельной монетной чеканки. В Чаче чеканка монет начинается сразу же на местной основе, без предшествующих стадий — обращения эллинистических монет и подражаний им.

Фергана. В этой области становление монетной чеканки прошло аналогичный с уструшанской путь. В первые века н. э. сюда проникают китайские монеты типа «ушу», но находки сравнительно редки и вряд ли свидетельствуют о реальности существования в это время денежного обращения. Вероятнее всего, они поступали сюда с общим потоком товаров, шедших по трассам Великого шелкового пути.

Только в VII или начале VIII в. н. э. в Фергане начинается развитие денежных отношений, не исключено, что в связи с согдийской экспансией.

Фергана так же, как и Уструшана, дает пример наиболее позднего в Среднеазиатском Двуречье возникновения денежного обращения и появления самостоятельной монетной чеканки. Однако по основным признакам: отсутствие предшествующих стадий обращения эллинистических монет и подражаний им, эти области входят в чачскую модель, несмотря на то, что в Чаче денежное обращение и монетная чеканка возникают на несколько столетий раньше.

Наряду с танскими и тюркешскими монетами здесь обращаются монеты, относимые О. И. Смирновой к тухуской орде.

Таким образом, анализ имеющихся данных показывает, что в областях Среднеазиатского Двуречья существовали, по крайней мере, три модели становления денежного обращения и самостоятельной монетной чеканки (бактрийско-согдийская, хорезмийская и чачская), отличающиеся друг от друга рядом существенных признаков: хронологическим и стадийным различием, типологическим своеобразием монетной

иконографии, составом металла монет. Не исключено наличие бухарской модели, которая в определенной мере соответствует модели Е. В. Зеймаля, однако ее исходный прототип остается пока неясным.

В том разнообразии монетных чеканов, которые существовали в Среднеазиатском Двуречье в древности и раннем средневековье, возможны и иные варианты и отклонения от тех моделей, которые даны нами.





ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ
МОНЕТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ



НАХОДКИ РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНЕТ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1983 г. вышла в свет статья Е. В. Зеймаля, в которой он обобщил все известные к тому времени монеты Александра Македонского и селевкидских царей, хранящиеся в музеях Средней Азии и найденные на конкретных археологических памятниках этого региона [56. С. 61-81]. Таковых оказалось не так уж и много. За прошедшие же почти двадцать лет количество находок данных монет значительно возросло, причем среди них как случайные находки, так и монеты, обнаруженные при археологических раскопках в храме Окса в Тахти-Сангине [271. Р. 89-111] и на городище Кампыртепа [163]. Ряд из этих монет опубликованы в сборниках и журналах, издаваемых малым тиражом, другие — вовсе еще не опубликованы. Все это и определило написание этой статьи, учитывая к тому же, сколь важную научную значимость имеет любая новая находка подобных монет для характеристики не только начального периода денежного обращения в Средней Азии, но также для определения ареала политического влияния раннеэллинистических правителей в этом регионе.

Монеты Александра Македонского

В статье Е. В. Зеймаля учтено девять тетрадрахм, три драхмы и два халка, хранящиеся в коллекции Государственного



*Таб. IV. Драхма Александра Македонского из Тахти-Сангина.
Лицевая и оборотная стороны.*

Музея истории Узбекистана в Ташкенте и Музея истории и культуры народов Узбекистана в Самарканде. Однако все эти монеты были без паспорта находки, хотя для шести из них Е. В. Зеймаль не исключал их среднеазиатского происхождения [56. С. 65-66]. Кроме того, он же привел сведения о якобы найденных в 1871 г. двух медных халков Александра Македонского в окрестностях Самарканда, а также о его тетрадрахме, обнаруженной на городище Куня-Фазли в 35 км. к юго-западу от Карши [56. С. 65-66]. К этим данным нами были добавлены сведения, извлеченные из отчета Г. В. Парфенова о находке в 1931 г. тетрадрахмы с изображением и легендой Александра Македонского на развалинах караван-сарая Абдулла-хана [160. С. 90-91]. Этот караван-сарай находится в 3 км к западу от к. Дарбанд Сурхандарьинской области и в 800 м от хорошо теперь известной пограничной стены Кушанского государства [11. С. 42-43; 164. С. 34-39].

Недавно ташкентский нумизмат Д. В. Бирюков опубликовал статью, где привел сведения о находках трех драхм Александра Македонского, зафиксированные им у коллекционеров, на трех археологических объектах Трансоксианы: на городище Варахша, в храме Окса в Тахти-Сангине в местности Ялан-су

вблизи Термеза [20. С. 96-98]. Это драхмы обычного типа: лицевая сторона — изображение Александра-Геракла в львином скальпе / оборотная сторона — Зевс, сидящий на троне, в правой протянутой вперед руке — птица, а в левой — откинутой назад, жезл. Драхма из Тахти-Сангина ныне хранится в коллекции Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана [274. Р. 14] (таб. IV). Здесь однако необходимо одно уточнение. Смее утверждать, что я хорошо знаю район Термеза, т. к. неоднократно производил там археологические разведки, а в течение многих лет веду раскопки Кампыртепа лишь в 20 км к западу от Термеза, и местности под названием Ялан-су в этом районе не имеется. Вероятнее всего имеется в виду Карасу — местность и река, впадающая в Амударью в 20 км к западу от Термеза и неподалеку от Кампыртепа. Представляется, что эта драхма Александра найдена, вероятнее всего, на этом городище, тем более что там имеются культурные слои этого времени.

Селевкидские монеты

Фиксация находок селевкидских монет на территории Средней Азии, как и многих других, была начата М. Е. Массоном, упомянувшим о наличии в коллекции священника Зампаева, собранной им в Термезе, трех драхм и халка Антиоха I (281-261 гг. до н. э.) [110. С. 283]. Им же отмечены находки селевкидских халков Антиоха III (223-187 гг. до н. э.) и Александра Бала (150-145 гг. до н. э.) на городище Ниса [91. С. 8; 115. С. 152].

Позднее в двух своих работах, напечатанных в 1983 г., Е. В. Зеймаль не только привел все известные к тому времени находки селевкидских монет в Средней Азии, а также хранящихся в музейных собраниях и частных коллекциях, но и впервые охарактеризовал особенности денежного обращения в Трансоксиане в раннеэллинистический период [53. С. 27-43; 56. С. 64-65].

Он пришел к выводу, что приток монет Антиоха I за Окс имел целенаправленный характер и что эти монеты положили начало денежному обращению, самые первые шаги кото-

рого там можно датировать, начиная со второй четверти или с середины II в. до н. э. [56. С. 66].

Фиксация находок селевкидских монет в Средней Азии с точным указанием их местонахождения, что фактически не было раньше, приходится на 80-90-е годы XX века.

Так, полный реестр находок из Тахти-Сангина опубликован Е. В. Зеймалем [56. С. 65-66]. Селевкидские монеты из Кампыртепа изданы Э. В. Ртвеладзе [163. С. 60]. Также опубликованы сведения о находках селевкидских монет из Кушки [37. С. 13-14] (Туркменистан), городища Шахри-Мунк (Таджикистан) [44. С. 5-8], канала Занг [2. С. 50-52], кишлака Хаприн [3. С. 11-14], Джартепа (Узбекистан) [128. С. 14-17]. Все эти монеты происходят из различных археологических памятников, расположенных в Северной Бактрии и Согде. Находки селевкидских монет в Маргиане на городище Гяуркала (Старый Мерв) описаны в статье Н. М. Смирновой [181. С. 243-245].

Кроме того, опубликованы селевкидские монеты (тетрадрахмы и драхма) Антиоха I из коллекции Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана, найденные на Афрасиабе и приобретенные в Ургуте [274. Р. 14-15].

Эти данные легли в основу обобщающей характеристики развития денежного обращения в Трансоксиане в раннеэллинистический период [173. С. 63-66].

Вместе с тем разбросанные по различным изданиям, эти данные малодоступны для специалистов, в особенности зарубежных, что и определило публикацию этой статьи, в которой приведены все известные автору находки раннеэллинистических монет как опубликованные, так и еще неизданные.

Селевк I (311-281 гг. до н. э.). Монеты Селевка I, присоединившего в 306 г. до н. э. Бактрию и, вероятно, Согд к своему царству, как в этих областях, так и на другой территории Средней Азии встречаются пока крайне редко.

Доподлинно известно о трех местах находок его монет. Так, дихалк Селевка I — голова Геракла в львиной шкуре / слон, шагающий вправо, — найден на городище Афрасиаб в Согде) [56. С. 66]. Аналогичного типа халк, но без паспорта находки хранится в Музее истории Узбекистана в Таш-



*Левая колонка —
тетрадрахма Антиоха I
из Самаркандской
области. Лицевая
и обратная стороны.*



Таб. V.



*Правая колонка —
халк Антиоха I
из Кампыртепа.
Лицевая и обратная
стороны.*



кенте. Скорее всего, он также происходит из Трансоксианы, так как хранящиеся в этом музее беспаспортные находки эллинистических монет, как говорил мне М. Е. Массон, имеют местное происхождение.

Другого типа халки — голова коня вправо / морской якорь — найдены на городище Шахри-Мунк в Северной Бактрии [44. С. 5-8] и в районе Кушки в Ареи [37. С. 3-14].

47 тетрадрахм и драхм Селевка I имеются в составе Амударьинского клада [56. С. 62], который, как считают Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян, происходят из храма Окса в Тахти-Сангине [89. С. 29-36; 132].

Антиох I (281-261 гг. до н. э.). Монеты этого селевкидского царя встречаются в Средней Азии в значительно большем количестве, чем монеты его предшественника, что, видимо, не случайно, так как до восшествия на селевкидский престол Антиох I был соправителем Селевка I на востоке государства. Причем среди найденных в Средней Азии монет Антиоха I преобладают халки.

В Средней Азии монеты Антиоха I найдены в трех историко-культурных областях: Северной Бактрии, Согде и Маргиане.

Северная Бактрия. Халки Антиоха I найдены на четырех городищах и поселениях Северной Бактрии. В храме Окса и Тахти-Сангине — пять халков, относящихся к двум типам :

1. Голова Геракла вправо / бык-зебу вправо.

2. Голова Афины вправо / стоящая Ника [271. Р. 105].

3. На городище Кампыртепа найдены два халка также двух типов: 1) Голова Геракла вправо / бык-зебу вправо; 2) Голова Аполлона в фас в лавровом венке / Ника, стоящая вправо перед трофеями [163. С. 30] (таб. VIII, 1).

4. Окрестности Денау — I экз., голова Геракла вправо в львиной шкуре / вертикально стоящая шишковатая палица [56. С. 67].

5. Окрестности Хаитабадтепа — I экз. Тип — Апполон / Ника [2. С. 51].

Одна драхма Антиоха происходит из храма Окса в Тахти-Сангине [155. С. 122]. К этому перечню, по-видимому, следует добавить драхмы Антиоха I из коллекции священника Зампаева, якобы из Старого Термеза и 46 драхм из Амударьинского клада, хотя обстоятельства находки и тех и других остаются неясными.

Согд. В этой области зафиксированы находки тетрадрахм и халков Антиоха I.

Халк этого царя найден на берегу Сиаба к востоку от Афрасиаба. Шагающий вправо олень (?) / Кадуцей, стоящий вертикально [56. Ч. 67].

Халк — голова Геракла вправо / стоящая вертикально палица — по данным Д. В. Бирюкова, происходит из Джизака.

Еще один халк, вероятно, Антиоха I, по определению М. Е. Массона, найден на городище Кургантепа в Самаркандской области.

Тетрадрахмы зафиксированы в двух пунктах. Тетрадрахма — царь вправо / сидящий Аполлон влево — найдена в кишлаке Хаприн (табл. V). Тетрадрахма Антиоха I — голова царя вправо / протома лошади — происходит с городища Афрасиаб. Ныне хранится в коллекции Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана [274. Р. 14].

Кроме того, по данным Д. В. Бирюкова, в Ургуте (Самаркандская область) частными коллекционерами приобретены

две тетрадрахмы Антиоха I с протомой лошади и сидящим Аполлоном.

Маргиана. В Старом Мерве на городище Гяуркала найдены три халка Антиоха I или Антиоха II (261-243 гг. до н. э.), опубликованные Н. М. Смирновой [181. С. 244]. Представлены три типа: а) голова рогатого коня / якорь; б) голова Антиоха I вправо / Афина (или) Ника вправо; якорь вправо; в) голова Антиоха I вправо / Зевс, сидящий на троне, держащий на правой руке Нику с венком.

Кроме этих монет, в музеях Ташкента и Самарканда находится несколько монет Антиоха I, имеющих среднеазиатское происхождение находок.

Таким образом, общее число находок селевкидских монет (Селевка I и Антиоха I) с точным местонахождением в Средней Азии составляет 24 экз., из которых 4 экз. принадлежит Селевку I, а 20 экз. — Антиоху I. Вместе же с монетами Амударьинского клада и находящихся в музеях и частных коллекциях количество их составляет более 130 экз. Важно отметить, что среди монет Антиоха I количественно преобладают медные монеты — 15 экз., найденные на довольно обширной территории, включающей Согд, Северную Бактрию и Маргиану, причем не только в крупных городах, таких, как Мараканда и Мерв, но также на небольших поселениях.





ГРЕКО-БАКТРИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ТРАНСОКСИАНЫ

Отдельные находки греко-бактрийских монет в Средней Азии были известны уже в прошлом веке [205. С. 9-18; 235. Р. 38]. Но только спустя много лет, благодаря накоплению и регистрации монетных находок, появляются статьи, в которых рассматривались отдельные вопросы денежного обращения в Средней Азии в греко-бактрийское время. Первые шаги в этом направлении были предприняты М. Е. Массоном [110; 111; 113]. В обобщающей работе, посвященной денежному хозяйству древней Средней Азии, В. М. Массон пришел к выводу о том, что развитая монетная система имела здесь не только во II-I вв. до н. э., но уже и в III в. до н. э. [94. С. 46].

В противовес этому мнению Б. Г. Гафуров полагал, что в древней Средней Азии денежное хозяйство не было развито [33. С. 89]. Заметим, однако, что в то время явно не хватало фактического материала для столь ответственных выводов. В пополнении его значительная роль принадлежит Е. В. Зеймалю, издавшему в ряде работ реестр находок наиболее ранних монет, происходящих из различных районов Средней Азии [52; 53. С. 43-48; 58. С. 61-81]. Несколько греко-бактрийских монет из Сурхандарьинской области Узбекистана были опубликованы нами [170].

Анализ полученных данных привел ученых к двум диаметрально противоположным точкам зрения. Согласно одной из

них, высказанной Е. В. Зеймалем, большинство областей Средней Азии, за исключением округа Термеза, в III-II вв. до н. э. не знали товарно-денежных отношений и представляли собой некий монетный вакуум, куда греко-бактрийская монета притекала в качестве иноземной, а регулярного обращения здесь еще не могло существовать [53. С. 47; 58. С. 197; 61. С. 38-42].

Согласно второй, развиваемой автором статьи и Г. А. Пугаченковой, не только в округе Термеза, но и в других районах Северной Бактрии и Согда имелось регулярное денежное обращение, а натуральный обмен в значительной степени потерял свое былое значение [144. С. 31-39].

В последние годы в Северной Бактрии и Согде был обнаружен ряд греко-бактрийских монет, среди них особый интерес представляет клад этих монет из окрестностей Бухары. Он был найден краеведами С. Ткачевым и А. В. Миллером при осмотре строящегося канала, к юго-западу от Бухары. Клад находился в небольшом гончарном сосуде с грушевидным туловом и остатками ручки сбоку, красно-коричневого цвета.

Осмотр канала показал отсутствие в нем культурного слоя, синхронного времени, поэтому можно предположить, что он попал сюда из расположенного поблизости Тахмачтепа, откуда привозили землю для сооружения дамбы канала. Археологическими раскопками, проведенными на этом тепа отрядом Бухарского пединститута в составе Н. Юлдашева, Д. Абдиримова, Ш. Адылова и М. Ниязовой, в раскопе и стратиграфическом шурфе выявлены культурный слой со II-I в. до н. э. и вплоть до XI-XII в. н. э.


Клад монет был передан краеведами в областной музей г. Бухары, научным сотрудником которого М. Ниязовой были выполнены метрологические характеристики монет, а также дано описание места и обстоятельства находки клада.

Он содержит 50 тетрадрахм греко-бактрийских царей: Диодота (250-235 гг. до н. э.) — 5 экз., Евтидема (235-200 гг. до н. э.) — 43 экз. и Агафокла (180-165 гг. до н. э.) — 2 экз.

Описание монет клада

Диодот

Тип I

1. Л. ст. Голова Диодота в диадеме вправо. Об. ст. Зевс, шагающий влево, с перуном и эгидой, у ноги орел. Слева в поле под рукой монограмма в виде трезубца . Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.


Д. — 2,4 см; В. — 16,4 г.

2. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 15,7 г.

3. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,1 г. Та же монограмма.

4. Тип тот же. Д. — 2,5 см; В. — 15,9 г. Монограмма как № 3.

Тип II

5. Л. ст. В точечном круге голова царя в диадеме вправо. Об. ст. Зевс, шагающий влево с перуном и эгидой. Слева в поле под рукой монограмма . Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ.

Д. — 2,5 см; В. — 16,5 г.

Евтидем

Монограмма —

6. Л. ст. Голова царя в диадеме вправо. Об. ст. Геракл, сидящий на груди камней, в правой руке бугристая палица, опирающаяся одним концом на грудь камней. Легенда: справа ΒΑΣΙΛΕΩΣ; слева ΕΥΘΥΔΕΜΟΥ.

Д. — 2,6 см; В. — 15,8 г.

7. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,8 г.

8. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 15,8 г.

9. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,7 г.

10. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 16,4 г.

11. Тип тот же. Д. — 2,5 см; В. — 15,8 г.

Монограмма —

12. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,9 г.



Таб. VI. Монеты Евтидема из Бухарского клада. Лицевые (вверху) и оборотные (внизу) стороны.



13. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 15,6 г.
 14. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 15,6 г.
 15. Тип тот же. Под сиденьем дополнительный знак в виде буквы.
 Д. — 3,0 см; В. — 15,9 г.
 16. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 12,5 г.
 17. Тип тот же. Д. — 2,9 см; В. — 15,8 г.
 18. Л. ст. Портрет пожилого Евтидема. Об. ст. Тип тот же.
 Д. — 2,8 см; В. — 16,0 г.
 19. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,6 г.
 20. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,6 г.

Монограмма —

21. Тип тот же. Монограмма на об. ст. помещена справа в поле за легендой. Д. — 2,8 см; В. — 15,3 г.
 22. Тип тот же. Д. — 3,0 см; В. — 16,2 г. Зарубка.
 23. Тип тот же. Д. — 2,4 см; В. — 15,7 г.
 24. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,2 г.
 25. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 16,5 г.
 26. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,0 г.
 27. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,3 г.

Монограмма —


28. Л. ст. Тип тот же. Об. ст. Тип тот же. Геракл сидит на омфале, покрытом львиной шкурой, палицей опирается на правое колено. Монограмма помещена под сиденьем. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ.
 Д. — 2,8 см; В. — 16,1 г.
 29. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 15,6 г.
 30. Тип тот же. Д. — 2,9 см; В. — 15,5 г.
 31. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 13,6 г.
 32. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 15,4 г.
 33. Тип тот же. На л. ст. и об. ст. зарубки.
 Д. — 2,9 см; В. — 16,3 г.
 34. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,9 г.
 35. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 16,3 г; маленький омикрон.
 36. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 15,8 г.
 37. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 16,5 г.

38. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,4 г.
 39. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,4 г.
 40. Тип тот же. Д. — 2,7 см; В. — 16,3 г.
 41. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 16,3 г.
 42. Тип тот же. На л. ст. глубокая зарубка.
 Д. — 2,8 см; В. — 15,4 г.
 43. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 15,9 г.
 44. Тип тот же. Д. — 2,6 см; В. — 16,3 г.
 45. Тип тот же. Д. — 2,8 см; В. — 16,6 г.


Монеты с неразличимой монограммой

46. Тип тот же. Геракл опирается палицей на грудь камней.
 Д. — 2,8 см; В. — 15,3 г.
 47. Тип тот же. Д. — 3,0 см; В. — 16,2 г.
 48. Тип тот же. Д. — 2,4 см; В. — 15,7 г.

Агафокл

49. Л. ст. Голова Антиоха в диадеме вправо. Легенда: справа ΑΝΤΙΟΧΟΥ, слева ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ. Об. ст. Шагающий влево Зевс с перуном в правой и эгидой в левой руке. У левой ноги орел. Слева в поле венок, справа рядом с легендой монограмма . Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ.

Д — 3,1 см; В — 16,2 г.

50. Л. ст. Голова Евтидема в диадеме справа. Легенда: справа ΕΥΘΥΔΗΜ[ΟΥ] слева ΘΕ[ΟΥ]. Об. ст. Геракл, сидящий на груди камней, опершись палицей на колено правой ноги. Внизу за сиденьем монограмма . Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ.

Д. — 2,8 см; В. — 16,3 г.

Монеты анализируемого клада не представляют собой что-то новое, все они обычного типа. Его значение в другом. Это первый, целиком дошедший клад греко-бактрийских монет из Средней Азии, анализ которого дает важные исторические данные к характеристике денежного обращения в Бухарском Союзе в греко-бактрийское время, а также к вопросу — почему именно здесь возникла чеканка монет по типу тетрадрахм Евтидема.



Таб. VII. Монеты из Бухарского клада.

Наиболее ранними монетами клада являются тетрадрахмы Диодота, относящиеся к двум периодам его правления. Первый период — 250-246 гг. до н. э. — представлен четырьмя тетрадрахмами с именем селевкидского царя Антиоха II. Ко второму периоду (после 246 г. до н. э.) относится одна тетрадрахма с именем Диодота. Эти монеты хорошо представлены в различных изданиях греко-бактрийских монет (таб. VII).

В частности, тетрадрахмы Диодота с именем Антиоха с аналогичной монограммой изданы Э. Ньюэллом [250. P. 247, №717, pl. LIII. 10]. Имелись они и в составе приписываемых к Амударьинскому кладу монет [52. С. 82-83, № 0461]. Аналогичные монеты из Кундузского клада отличаются от них только монограммами [221. P.14-15. pl. 1, 4-8].

Основу клада составляют тетрадрахмы Евтидема (235-200 гг. до н. э.) — 43 экз. (таб. VII).

Они одного типа, но различаются между собой рядом признаков: на лицевой стороне эти отличия сводятся к возрастным показателям в портрете царя; на одной группе он изображен юношей, на другой — молодым мужчиной, на третьей — зрелым мужем, что, вероятно, соответствует трем основным периодам монетной чеканки Евтидема.

На оборотной стороне иногда отлична манера и иконография изображения Геракла и его атрибутов. Для монет с портретом юного молодого Евтидема характерно изображение Геракла, сидящего на обломках скалы, опершись палицей на груды камней, тогда как на монетах с портретом пожилого Евтидема Геракл показан сидящим на покрытом львиной шкурой омфале, а палица одним концом покоится на колене правой ноги.

Различны монограммы и их местоположение на монетах, под сиденьем или справа в поле за легендой. Всего выделяется четыре основные монограммы, в соответствие с которыми все тетрадрахмы Евтидема из клада сведены в несколько групп.

На трех тетрадрахмах Евтидема имеются сделанные каким-то острым инструментом глубокие длинные выемки, представляющие, возможно, своего рода пробы для определения содержания серебра и лигатуры в металле монет.

На многих из тетрадрахм Евтидема прослеживаются довольно значительные следы изношенности — стертые буквы и монограммы, царапины, бороздки и иного рода механические повреждения.

Это, вероятно, говорит о том, что данные монеты находились в обращении достаточно долго.

Наиболее поздними монетами клада являются коммеморативные монеты — медали, выпущенные Агафоклом в честь Антиоха и Евтидема, обычного типа [223. Р. 2-3; 236. Р. 75].

Они имеют большое значение для датировки времени зарытия клада. Хронология правления Агафокла установлена еще недостаточно точно. По мнению ряда ученых XIX в., он правил во второй половине III в. до н. э. [268. Р. 455-473]. Более точной, хотя и приблизительной, является точка зрения А. К. Нарайна, считавшего, что время правления Агафокла относится к 180-165 гг. до н. э. [249. Р. 61]. Если опираться на эти данные, то можно предположить, что клад был зарыт в середине или начале второй половины II в. до н. э. Не исключено, впрочем, что клад мог быть привезен сюда со стороны и тогда время его сокрытия соответственно отодвигается на несколько десятилетий. Однако более вероятно, что он был накоплен на месте и отражает характер реального денежного обращения в Бухарском Согде в конце III — первой половине II в. до н. э. За это, по нашему мнению, говорит ряд обстоятельств.

Первое. Наличие в этой области, хотя и немногочисленных пока, но достаточно выразительных отдельных находок греко-бактрийских монет.

Так, еще в 1824 г. академик Келлер издал привезенную из Бухары серебряную монету Деметрия, а среди собранных А. Борнсом монет имелись греко-бактрийские — Евтидема и Деметрия [213. Р. 455-473]. Еще одна тетрадрахма Евтидема была найдена на городище Варахша в 50-х годах нашего столетия [41. С. 169].

Второе. Как установлено М. Е. Массоном [119] и другими учеными, Бухарский Согд являлся местом чеканки и обращения подражаний монетам Евтидема обоих типов [58. С. 210; 96. С. 87]. Это мнение подтверждается отдельными находка-

ми подражаний Евтидему в этой области и кладом монет второго типа подражаний, в количестве 86 экз., найденного в 1937 г. на тепа Мурда-Партоб в 3 км к востоку от Бухары [96. С. 87]. В Бухарском краеведческом музее в настоящее время хранится клад аналогичных монет, найденный, согласно записи в инвентарной книге музея, в 1937 г. в канале Шахруд в Бухаре [168].

Находка клада греко-бактрийских монет в Бухаре, который в подавляющем своем большинстве состоит из подлинных тетрадрахм Евтидема, делает очевидным не случайность выпуска здесь серебряных монет по типу тетрадрахм Евтидема. Их чеканка возникла на реальной основе — широком обращении в предшествующее время в этой области тетрадрахм Евтидема. Полученные данные позволяют наметить основные черты денежного хозяйства Бухарского Согда в эллинистическое время.

Вероятно, в правление Евтидема (235-200 гг. до н. э.) эта область вошла в состав Греко-Бактрийского царства, после чего сюда проникают его монеты. Весьма возможно, что после Евтидема Бухара уже не принадлежала греко-бактрийским царям, поэтому монеты других правителей проникают сюда лишь эпизодически (тетрадрахма Деметрия, монеты-медали Агафокла), а поскольку здесь уже имелось большое количество монет Евтидема, то они по-прежнему продолжали обращаться на рынке.

После захвата Бухарского Согда саками или юечжами в середине — второй половине II в. до н. э. новые правители, учитывая нужду рынка в монете и уже сложившиеся традиции денежного хозяйства, выпускают монеты по образцу тетрадрахм Евтидема. Вероятно, по содержанию серебра эти новые монеты были более низкого качества, чем предшествующие, поэтому подлинные греко-бактрийские монеты, как весьма ценное сокровище, стали выпадать из обращения.

Находки кладов греко-бактрийских монет на территории Средней Азии весьма редки. В 1927 году в Самарканде у антиквара Шакирянца М. Е. Массоном было осмотрено около 100 серебряных греко-бактрийских монет из клада, найденного в окрестностях Китаба [110. С. 28]. Большую его часть со-

ставляли оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратида двух типов: голова царя в шлеме и голова царя в диадеме, а также несколько оболов и драхм Деметрия. Еще один клад, найденный в 1886 г. около Тахта-Базара (Южный Туркменистан), разошелся по рукам, генералу Комарову удалось приобрести у местных жителей две тетрадрахмы Антимаха и Евкратида [110. С. 284. Сноска].

В отличие от кладов отдельные находки греко-бактрийских монет Средней Азии сравнительно часты.

В составленной Е. В. Зеймалем сводке греко-бактрийских монет из Таджикистана учтено 90 экз., 64 монеты из которых происходят из Амударьинского клада, тогда как 26 монет найдены на разных городищах [53]. Попутно Е. В. Зеймаль опубликовал сведения о находках аналогичных монет из других областей Средней Азии, однако некоторые из этих монет, в частности происходящие из Маргианы, не были учтены им. Кроме того, ряд новых находок греко-бактрийских монет был сделан в последние годы в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях Узбекистана. Здесь мы приводим обобщенную сводку находок греко-бактрийских монет в Средней Азии. В статье учтены только те из них, для которых известно точное местонахождение и не включены монеты Амударьинского клада и музейных собраний, поскольку происхождение их в большинстве случаев не установлено, хотя, вероятнее всего, они обнаружены в Средней Азии*.

Диодот (около 250-235 гг. до н. э.)

Наиболее ранними греко-бактрийскими монетами, происходящими из Средней Азии, являются серебряные и медные монеты Диодота. Помимо пяти тетрадрахм из Бухарского клада, две тетрадрахмы Диодота с именем Антиоха найдены в Шахринау и его окрестностях, у селения Батош в Таджикистане [77; 169; 256. Р. 63]. Два халка и дихалк Диодота

* Только в Музее истории (г. Ташкент) по данным, любезно сообщенным нам А. Мусакаевой, хранится 31 греко-бактрийская монета Диодота, Евтидема, Деметрия, Панталеона, Агафокла, Евкратида, Гелиокла.

найжены на Тахти-Сангине в кушанском слое [53. С. 44-45]. Халки Диодота обнаружены на Гяуркале (Старый Мерв) [108. С. 20] и на Сингыртепа в Южном Согде. Два халка Диодота происходят из Старого Термеза [113. С. 7-8]. Дихалк Диодота найден в районе Денау*. Два его халка обнаружены на Кампыртепа [12. С. 78] (таб. VIII, 2-3).

Таким образом, ареал монет Диодота в Средней Азии уже достаточно широк: Северная Бактрия, Согд (Бухарский и Кашкадарьинский), Маргиана. Причем среди находок имеются как серебряные (тетрадрахмы), так и медные (дихалки и халки).

Медные монеты Диодота, найденные в Средней Азии, двух типов:

1. Голова Зевса в лавровом венке / Артемида. Они происходят из Маргианы (Гяуркала), Северной Бактрии (Кампыртепа, Старый Термез), Южного Согда, а также Ай-Ханум — 14 экз.

2. Голова Гермеса в петасе / Афина. Данный тип монет обнаружен на Тахти-Сангине (Северная Бактрия) и Гяуркале (Маргиана). Некоторые исследователи относят эти монеты к чекану Диодота II, однако я пока, как и в случае с выделением монет Евтидема II, не вижу сколько-либо серьезных аргументов для этого и поэтому отношу их к группе под общим названием монет Диодота и Евтидема.

Евтидем (230-200 гг. до н. э.)

Для Таджикистана известна находка только одной плакированной драхмы Евтидема I, обнаруженной в 1968 году близ Файзабада. Более многочисленны находки монет Евтидема I в Узбекистане. Тетрадрахмы этого царя имелись в составе вывезенных А. Борнсом монет из Бухары, найденных в местности Ходжа Обон-Варахша [192. С. 13]. Еще одна подобная монета была найдена в 50-х годах в районе Варахши [41. С. 169]. Драхма Евтидема встречена в окрестностях Хивы [113. С. 6]. В 1912 г. драхма и тетрадрахма Евтидема приобретена в Самарканде [53. С. 44]. Две тет-

* Осмотрен в Денау у местных жителей.



Таб. VIII. Эллинистические монеты из Камыртена.
Лицевые и оборотные стороны

1. Халк Антиоха I (281-261 гг. до н. э.). **2-3.** Халки Диодота (250-230 гг. до н. э.). **4.** Халк Евтидема (230-200 гг. до н. э.). **5.** Драхма Евтидема (230-200 гг. до н. э.). **6.** Дихалк Деметрия (200-185 гг. до н. э.). **7.** Медная «тетрадрахма» Евкратиды (171-155 гг. до н. э.). **8.** Драхма Евкратиды (171-155 гг. до н. э.). **9.** Подражание оболу Евкратиды (конец II в. до н. э. - I в. до н. э.). **10.** Драхма Гелиокла (155-140 гг. до н. э.). **11.** Халк Гелиокла II (вторая половина II в. до н. э. - I в. до н. э.).

радрахмы обнаружены на городище Старая Ниса [53. С. 44]. Сорок три тетрадрахмы происходят из Бухарского клада [256. Р. 65].

Весьма значительны находки медных халков Евтидема обычного типа: голова Геракла / скачущий конь. В Таджикистане подобных монет найдено пятнадцать экземпляров: Гиссарский канал, Тамашотепа, Тепаи-Шах, Шахринау — 2 экз., Тахти-Сангин — 9. Здесь же найден халк Евтидема II с головой Апполона на аверсе [53. С. 32; 48].

Семнадцать монет Евтидема с головой Геракла происходят из Сурхандарьинской области Узбекистана: Термез — 8 экз., Кампыртепа — 7 экз., Шортепа — 1 экз., Дальверзинтепа — 1 экз. [12. С. 78-79; 170. С.45; 256. Р. 70]. Четыре халка Евтидема зарегистрированы на Гяуркале в Маргиане [108. С. 20; 181. С. 248-250]. Здесь же найдены два халка с изображением вздыбленного коня на об. ст., которые Н. М. Смирнова относит к чекану Евтидема II [181. С. 249]. Драхма Евтидема обнаружена на Кампыртепа (таб. VIII, 5).

Деметрий

Драхмы Деметрия одинакового типа: голова царя в шлеме / стоящая Афина — найдены в Халчаяне [139. С. 109] и Дальверзинтепа [144. С. 34]. Тетрадрахма Деметрия обнаружена в Пастдаргомском районе Самаркандской области [61. С. 38-42]. Известны находки тетрадрахм Деметрия из района Бухары. Обол этого царя найден в Старом Термезе [113. С. 6]. Два дихалка Деметрия — голова слона / кадуций — обнаружены на Кампыртепа [12. С. 79], такие же монеты в Турсунзаде и на канале Занг [2. С. 51-52]. Из долины Сурхандарьи происходит дихалк с изображением на об. ст. Артемиды [53. С. 45]. Аналогичные монеты найдены в 2001 г. и на Кампыртепа — 2 экз. (таб. VIII, 6).

Антимах (190-180 гг. до н. э.)

Коммеморативная тетрадрахма этого царя, выпущенная в честь Евтидема, обнаружена в Пенджикенте. Три обобла Антимаха происходят из окрестностей Шахрисабза [70.

С. 339-347]. Две драхмы Антимаха обнаружены в районе Термеза [143. С. 102-103]. По мнению Е. В. Зеймаля, к шахрисабзской находке, возможно, принадлежат драхма, тетрадрахма и два обола Антимаха, купленные в Самарканде в 1912 г. [53. С. 45-46].

Агафокл (180-165 гг. до н. э.)

В 30-х годах в Кулябском районе Таджикистана, в 8-10 км от Кызыл-Мазара, в овраге на восточном склоне хребта Джильганы-тау найдена тетрадрахма Агафокла, принадлежащая, возможно, к продукции фальшивомонетчика [114. С. 43-49]. Купроникелевая монета Агафокла — бюст Диониса / леопард — происходит из Термеза [113. С. 6]. Бронзовая монета Агафокла аналогичного типа поднята на городище Зартепа [98. С. 141]. Две коммеморативные тетрадрахмы Агафокла имеются в Бухарском кладе. Драхма Агафокла — бюст царя / Зевс Гекатофор — найдена на Дальверзинтепа [177. С. 15-19].

Евкратид (171-155 гг. до н. э.)

В Таджикистане в различные годы найдено пять тетрадрахм (Сарай-Камар (ныне город Пяндж), безымянное городище в Вахшском районе Курган-Тюбинской области, на правом берегу сая Дарай-шур, на берегу Нурекского водохранилища, в низовьях Кафирнигана), две драхмы (Шахринау, Калаи-Мир), один диобол (Калаи-Мир) и один обол (Тахти-Сангин) [53. С. 55-56]. Там же найдена бронзовая прямоугольная монета [271. Р. 90].

В Узбекистане находки этих монет нередки. Тетрадрахмы этого царя имелись в кладе из района Китаба. Два обола Евкратида — голова царя в шлеме / шапки Диоскуров — найдены на городище Афрасиаб [193. С. 245]. Халк Евкратида происходит из Старого Термеза [113. С. 6]. На Кампыртепа* найдены шесть оболков двух типов: голова в шлеме / шапки

* В перечень находок греко-бактрийских монет из Кампыртепа включены и еще неопубликованные.

Диоскуров; обол — голова царя в диадеме / шапки Диоскуров и одна драхма [12. С. 79; 256. Р. 63]. В Хорезме обнаружены две монеты этого царя: тетрадрахма (в окрестностях Джанбас-калы) и халк (в Яккепарсанском оазисе) [25. С. 176]. В Туркменистане тетрадрахмы Евкратиды обнаружены на поселении Гарры-Кярыз [131. С. 72-76] и в Ашхабаде [181. С. 252], а один обол и семь медных монет в Гяуркале [181. С. 252]. На Кампыртепа найдена драхма (таб. VIII, 8) и две бронзовые «тетрадрахмы» этого царя (VIII, 7).

Гелиокл (155-140 гг. до н. э.)

Драхмы Гелиокла найдены в Старом Термезе [113. С. 8] и Кампыртепа, а также в Согде [256. Р. 72] (таб VIII, 10).

Монет других греко-бактрийских царей на территории Средней Азии пока не зафиксировано, но имеются находки индо-греческих монет — Аполлодота из Тахти-Сангина [53. С. 90] и типа Филоксена из Гяуркалы в Старом Мерве [108. С. 20].

Таким образом, общее количество учтенных греко-бактрийских монет, обнаруженных в Средней Азии, без кладов, составляет немногим более 100 экземпляров. Значительное их число хранится также в музеях Ташкента и Самарканда. Подавляющее большинство греко-бактрийских монет — более 60 экз. — найдено в Северной Бактрии, они происходят из двадцати пунктов. Помимо Термеза и его округа (Кампыртепа — 22 экз.), выявляется еще несколько районов распространения этих монет. Это верховья Сурхандарьи и Каратага, откуда происходит 14 монет из шести пунктов (Дальверзинтепа-3, Денау-1, Халчаян-1, Шахринау, Регар, трасса Гиссарского канала), а также приамударьинские районы Таджикистана и, вероятно, область Кобадияна.

В Согде пока учтено более двадцати отдельных находок греко-бактрийских монет, но отсюда (Бухара, Китаб) происходят два единственных пока для Средней Азии клада монет (около 100 экз. и 50 экз.). Основными районами распространения этих монет в Согде являлись Кеш (Китаб-Шахрисабз), Самарканд и его округа, Бухарский оазис. За пределами

Северной Бактрии, Согда и Маргианы греко-бактрийские монеты встречаются редко. В Парфии — 3 экз., в Хорезме — 3 экз., Уструшане — 1 экз. В Фергане и Чаче находок греко-бактрийских монет еще не отмечено.

По правителям эти монеты распределяются следующим образом: наибольшее их число в кладах и среди отдельных находок приходится на монеты Евтидема и Евкратида. Примерно в равном количестве встречаются монеты Диодота, Деметрия, Антимаха, более редки монеты Агафокла и Гелиокла.

По мнению Е. В. Зеймаля, греко-бактрийские монеты к северу от Амударьи начали поступать во II в. до н. э. и, видимо, во второй половине III в. до н. э. Вместе с тем, он считает, что эти монеты могли проникать и обращаться здесь значительно позднее времени их выпуска — в кушанский период [53. С. 47].

В доказательство своего тезиса он ссылается на эпизодические находки греко-бактрийских монет в кушанских слоях и на отсутствие находок греко-бактрийских монет в синхронных по времени стратиграфических слоях. Так, в отношении Согда Е. В. Зеймаль пишет, что «с 30-х годов XX века, когда в долине Заравшана были начаты широкие археологические исследования и до настоящего времени ни одной греко-бактрийской монеты не было найдено при раскопках, хотя вскрыты сотни курганных погребений первых веков до н. э. — первых веков н. э. и исследовались десятки городищ, замков и поселений разного времени» [53. С. 197]. Но ведь это весьма шаткие аргументы! Не обязательно, чтобы кочевники Согда придерживались обычая помещения монет в погребения. Что же касается десятков городищ и замков и поселений, вскрытых якобы в Согде, то это не совсем так. До сих пор Согд эллинистическо-античного периода изучен крайне плохо. Слои этого времени исследовались на небольших площадях, в основном в шурфах и разрезах, на сравнительно ограниченном количестве памятников (Афрасиаб, арк Бухары, Тали-Барзу, Ер-Курган, Китаб и еще несколько более мелких памятников). И в Северной Бактрии слои греко-бактрийского времени изучались на небольших по площади шурфах (Дальверзинтепа, Кампыртепа, цитадель Термеза, Гиссарская крепость, Тамошотепа).

Известно несколько находок греко-бактрийских монет в кушанских слоях, но они не настолько показательны, чтобы на их основании делать весьма важные исторические выводы. Например, на Дальверзинтепа халк Евтидема найден в верхнем слое Р-7, в распавшемся кирпиче. В Кампыртепа обол Евкратида и халк Гелиокла находились в кирпичках крепостной стены. В обоих случаях эти находки доказывают лишь тот факт, что в кушанские стены они попали из иного по времени слоя, откуда брали глину для изготовления кирпичей.

В Тахти-Сангине греко-бактрийские монеты, найденные вместе с кушанскими, могли быть принесены в храм Окса в качестве даров или перемещены из нижележащих слоев.

При раскопках городища Шахри-Бану близ Таш-Кургана были найдены монеты в таких соотношениях: на глубине 2 м — «греческие», на глубине 1,8-1,7 м — монеты Евтидема, три — Гелиокла, причем одна из группы варварских подражаний; на глубине 0,9-0,7 м — две Сотера Мегаса и одна Хувишки, а в 30 см ниже дневного слоя — одна Кадфиза II и одна «греческая» [230. Р. 66-73].

Ту же картину перемещения монетных кружков в вышележащий слой дают раскопки в Сиркапе [244. Р. 761-777], Джигатепе [144. С. 33], Дильберджине [30. С. 177-180].

Все дело в том, что находки греко-бактрийских монет в процессе раскопок возможны лишь на больших площадях, причем на «стерильных» памятниках синхронного времени, как в городе греков Ай-Ханум. При раскопках же на многослойных городищах слишком велико влияние различных причин.

И, наконец, возражение иного, нумизматического характера. Если, скажем, можно еще допустить, что серебряные монеты могли иметь обращение в юечжийское и даже в кушанское время в качестве сокровища (как драгоценный металл), то необходимость в медных греко-бактрийских халках вызывает большое сомнение, поскольку при каждом кушанском царе в обращение поступали обильные выпуски медных монет. Не получает объяснения и следующее обстоятельство, почему кушанские цари, наладившие собственный выпуск медной и золотой монеты с определенной иконографией (своей и почитаемых божеств), тем не менее якобы оставили в обращении греко-бактрийские

монеты, и не только не подвергли их перечеканке, но даже не нанесли надчеканы, что было обычным в практике использования монет предшествующих династий? [144. С. 93].

Примечательно, что сейчас греко-бактрийские монеты уже найдены на цитаделях Старого Термеза и Кампыртепа в археологических слоях с керамикой айханумского типа.

Таким образом, находимые в Северной Бактрии греко-бактрийские монеты, вероятнее всего, отражают действительное их обращение в III-II вв. до н. э. Весьма существенно, что в их составе имеются как серебряные (тетрадрахмы и драхмы, предназначенные для обслуживания сферы крупной торговли), так и медные, обеспечивавшие мелкую рыночную торговлю.

Наряду с денежной торговлей, затронувшей в основном экономически наиболее развитые области Средней Азии, в этот период здесь продолжали сохраняться в сельских районах различные формы натурального обмена, который, видимо, все еще являлся преобладающей формой торговли.

Итак, при всем том греко-бактрийское время является периодом, когда деньги становятся, вероятно, уже привычным средством обращения у населения Бактрии и Согда, широкого проникновения монеты в различные формы торговли.





**МОНЕТЫ
ПОСТЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ
ПРАВИТЕЛЕЙ БАКТРИИ И СОГДА**





ПОДРАЖАНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ МОНЕТАМ

Подражания монетам Деметрия

Совсем недавно подражания монетам греко-бактрийского царя Деметрия (200-185 гг. до н. э.) в науке не были известны. В 1986 г. при раскопках на цитадели Кампыртепа, в помещении 92, в культурном слое, относящемся к периоду правления Канишки I, была найдена бронзовая монета, лежавшая на дне хума. После ее расчистки выяснилось, что она по своим иконографическим и эпиграфическим особенностям может быть отнесена к подражаниям монетам Деметрия.

Л. ст. «Варваризованная» голова царя вправо в шлеме (?), за головой видны две прямые ленты диадемы / Об. ст. В центре монеты фигура стоящего Геракла с палицей в левой руке, под ней знак, правая рука поднята вверх. Справа и слева остатки греческой легенды искаженными буквами: справа — ВΛΠΕΩΣ, слева — ΜΝΙΟ. Бронза. Д. — 1, 6 см. (таб. IX, 1).

При общем сходстве с иконографией монет Деметрия она несомненно является подражанием. Об этом свидетельствует несколько варваризованный облик царя и искажение греческих надписей. Так, в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ вместо трех букв — сигмы, йоты и лямбды проставлены две вертикальные черты; в имени ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ (так, на монетах, в форме родительного падежа) после второй эты и перед омикроном вместо трех



1



2



3

Таб. IX.

- 1) Подражание оболам Деметрия.
- 2) Халк Гелиокла.
- 3) Драхма Гелиокла Великого.

букв тау, ро и йоты употреблена одна вертикальная черта — йота. Может быть, это другое имя?

Вторая такая же бронзовая монета, была обнаружена в 1986 г. мною в коллекции майора Ю. Ермешкова, по словам которого, она была найдена на городище Старый Термез.

Впоследствии обнаружилось, что чеканились также и серебряные подражания монетам Деметрия. В 1991 г. археолог Н. Нефедов передал мне на определение монеты, найденные на раскопках южносогдийского городища Ер-Курган в 20 км к северу от г. Карши Кашкадарьинской области Узбекистана. Среди этих монет, большинство из которых составляют монеты нахшебского чекана со сценой единоборства, имелись два серебряных хемиобола. Один из них оказался уникальной монетой правителя с греческим именем, а второй — подражанием оболам Деметрия.

Л. ст. Голова царя вправо в слоновьем шлеме. / Об. ст. Стоящая в фас фигура обнаженного Геракла с палицей в левой руке. Правая поднята к голове. Справа и слева от нее остатки плохо сохранившейся надписи. Д. — 1,1 см; В. — 0,5 г.

Некоторые детали, в частности, то обстоятельство, что заглавные буквы в словах ΒΑΣΙΛΕΩΣ и ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ переданы с искажением, позволяют считать эту монету подражанием оболам Деметрия. Судя по весу, это скорее всего хемиобол, а не обол.

Эти подражания интересны, в первую очередь, тем, что они воспроизведены с монет Деметрия, правившего до Евкратида (171-155 гг.) и Гелиокла (155-140 гг.), подражания монетам которых считались для Бактрии наиболее ранними типами подражаний монетам греко-бактрийских царей. В отличие, например, от Согда, откуда происходят наиболее ранние типы подражаний — селевкидским монетам Антиоха I (281- 261 гг. до н. э.) и греко-бактрийским Евтидема (235-200 гг. до н. э.).

Проблема возникновения т. н. «варварских» подражаний в историко-культурных областях Средней Азии — одна из важнейших в истории денежного обращения в этом регионе [51. С. 56]. Подражания являются наиболее ранней, начальной формой монетной чеканки в обществах или ранее вообще не имевших собственных традиций и знакомых с монетой по

иноземным образцам, проникавшим в основном в виде сокровищ на территорию их расселения или в обществах, сложившихся на территории государств, уже имевших развитую монетно-денежную систему, после их падения, когда в силу политических причин, повлекших полное расстройство экономической системы, в том числе и денежного хозяйства — естественную убыль обращавшихся прежде монет восполняют чеканкой той же монеты, но на более низком техническом и художественном уровне. Это происходит до тех пор, пока не складываются новые владения и государства с прочной политико-административной системой [51. С. 56-57]. Обе эти модели сосуществовали в древней и раннесредневековой Средней Азии.

Считается, что в Бактрии наиболее ранние типы подражаний греко-бактрийским монетам тетрадрахмам Гелиокла и оболам Евкратиды появляются впервые в северной ее части — первые во второй половине II в. до н. э., вторые с конца II в. до н. э. — рубежа I в. до н. э. [53].

Следовательно, по мнению исследователей, должно было пройти несколько десятилетий после падения Греко-Бактрийского царства для того, чтобы началась чеканка «варварских» подражаний — т. е. тогда, когда из-за естественной убыли прежних монет начинается острая нехватка монеты. Причем обращение подражаний в пределах государства с развитой денежной системой вряд ли возможно. Поэтому можно предположить, что подражания монетам Деметрия появляются после юечжийского завоевания Бактрии, каковое произошло между 140-130 гг. до н. э. [104].

Судя по немногочисленности подражаний монетам Деметрия и ограниченному их ареалу, они выпускались в небольших владениях, расположенных в приамударьинских районах Северной Бактрии в пределах Термеза — Кампыртепа. Обычно выпуск подражаний связывают с приходом в развитое общество кочевых, т. н. «варварских» племен, в Бактрии, в частности, с саками и юечжами. Это вполне оправданно, но не исключено, что начальные выпуски подражаний были произведены не ими, а осуществлялись в небольших владениях, управляемых греческой или бактрийской знатью, образовав-

шихся после падения греко-бактрийских владений. На наличие таких владений в Бактрии прямо указывает Чжань-Цзянь, посетивший эту область в 128 г. до н. э. или между 130 и 125 гг. до н. э. Он сообщает, что «у них — бактрийцев (Э. Р.) — нет больших царей или правителей, но всюду в своих укрепленных стенами городах и поселениях они возвели маленьких правителей» [22].

Не случайно, что начальные типы подражаний почти копируют греко-бактрийские тетрадрахмы, драхмы и оболы и их трудно отличить от подлинных монет.

Монета Гелиокла

В 1987 г. при раскопках на цитадели Кампыртепа была найдена бронзовая монета. Она находилась между сырцовыми кирпичами в кладке северной стены помещения 48.

Л. ст. Голова правителя в профиль вправо, непокрытые головным убором волосы повязаны диадемой, два конца которой видны за головой. У него покаты́й лоб, крупный нос, полные губы, несколько выдающийся вперед подбородок. / Об. ст. В центре монеты изображение орла с длинной шеей, большим клювом и распахнутыми крыльями. По кругу греческая надпись из двух слов; верхнее — лишь частично попало на монетный кружок, нижнее — хорошо читается $\text{H}\Lambda\text{.OK}\Lambda\text{EOY}$, Д. — 1,7 см (таб. IX, 2).

Монета, судя по иконографическим особенностям, принадлежит к числу неизвестных прежде типов греко-бактрийских монет. Содержание сохранившейся надписи показывает, что она выпущена правителем по имени Гелиокл. Верхняя часть надписи содержала, по-видимому, титул этого Гелиокла, но его смысл остается неизвестным.

В греко-бактрийской нумизматике хорошо известны разного достоинства монеты царя Гелиокла, считающегося наряду с Платоном последним великим базилевсом греко-бактрийской державы. Однако сравнение монет, выпущавшихся Гелиоклом Великим с найденной монетой Гелиокла, показывает более вероятным то, что эта монета принадлежала разным правителям, носившим одинаковое греческое имя (таб. IX, 3).

Монеты Гелиокла Великого имеют устойчивый тип: голова царя в диадеме вправо / стоящий в фас Зевс с пучком молнии и трезубцом; греческая надпись, содержащая три слова: «царя Гелиокла справедливого» размещена в виде перевернутой буквы П.

Анализируемая монета Гелиокла отличается от них рядом существенных признаков: в частности, иным обликом лица, расположением надписи и наличием изображения орла с распахнутыми крыльями, отсутствующем на монетах Гелиокла.

Подобное изображение орла с такой же длинной шеей, но с повернутой влево, а не вправо головой, как на анализируемой монете Гелиокла, с распахнутыми крыльями помещено у ног Зевса на монетах Диодота I и II (250-230 гг. до н. э.) с именем Антиоха I. Однако нет оснований, только на этой аналогии относить анализируемую монету Гелиокла к столь раннему времени.

Сравнивая особенности букв в легенде на этой монете и на монетах Гелиокла Великого, отметим, что начертания сигмы и омикрона на них различны: на монете Гелиокла Великого сигма и омикрон квадратной формы, на монетах Гелиокла сигма с изогнутой спинкой, а омикрон круглой формы. Такой же формы эти буквы имеются в легендах на всех монетах греко-бактрийских царей, а также в легендах на монетах мелких индо-греческих правителей, правивших вплоть до конца I в. до н. э. [211].

В парфянской нумизматике квадратная и округлая сигма, наряду с сигмой с изогнутой спинкой появляется с середины I в. до н. э., но к I в. н. э. полностью вытесняет изогнутой формы сигму.

Интересно также сопоставить эпиграфические особенности анализируемой монеты с таковыми же на монетах, выпускавшихся в Бактрии после падения греко-бактрийского царства.

На подражаниях монетам Гелиокла, датированных в пределах конца II в. до н. э. — первой половины I в. н. э., квадратная сигма появляется как третья буква в слове ΒΑΣΙΛΕΥΣ уже в первой более ранней группе подражаний [95. С. 72-73].

На монетах группы Кушана («Герая»), относимых к концу II в. до н. э. — первой половине I в. н. э., повсеместно встре-

чается форма сигмы с изогнутой спинкой, но омикрон квадратной формы, как на описываемой монете Гелиокла [218].

На монетах Сападбиза, выпускавшихся, вероятно, в конце I в. до н. э. — первой половине I в. н. э., сигма только квадратной формы, такие же очертания она имеет на монетах Фсейгахариса [259].

На подражаниях оболам Евкратиды, чеканившихся весьма длительное время — с конца II в. до н. э. по первую половину I в. н. э., по Е. В. Зеймалю, даже до конца I — начала II в. н. э., сигма бывает как квадратной формы, так и с изогнутой формой спинки [53. С. 93-110; 57. С. 189; 145. С. 48-49].

Следовательно, можно отметить, что в греческой монетной эпиграфике Бактрии юечжийского периода встречается легенда двух типов: первый тип сочетает более раннюю форму букв с квадратным начертанием некоторых из них, во втором типе легенд формы букв только квадратные.

Характерно, что на раннекушанских монетах Куджулы Кадфиза и Сотера Мегаса, за очень редким исключением, встречаются только квадратные начертания таких букв, как сигма и омикрон.

По этим эпиграфическим признакам легенда на монете Гелиокла Неизвестного относится к выделенному нами второму типу легенд и может быть датирована в пределах I в. до н. э.

Таким образом, найденная монета Гелиокла представляет чрезвычайно важный и ранее неизвестный факт существования в Бактрии, в период господства в ней юечжей, небольшого владения (возможно, не одного), управляемого греческим царем. Видимо, здесь, так же как и в Северо-Западной Индии и Кабулистане, не были полностью упразднены греческие династии и их политическое господство в некоторых владениях Бактрии продолжалось спустя много лет после падения греко-бактрийского царства.

Судя по месту находки монеты, владения Гелиокла могли находиться в долине Амударьи в районе Термеза — Кампыртепа.

Уникальная серебряная монета греческого правителя

История бассейна Кашкадарьи — древних областей Ксениппа и Наутака, раннесредневековых Кеша и Несефа, объединенных названием Южный Согд, в античное время фактически мало известна. Связано это с отсутствием сведений письменных источников, а также нумизматического материала. Тем более важно в историческом плане обнаружение здесь уникальной серебряной монеты.

В 70 м к югу от внешней крепостной стены известного городища Ер-Курган, напротив ворот расположен небольшой холм, в котором при археологических работах в 1984 г. был вскрыт холм-усыпальница, возможно, правителей древнего Ер-Кургана*. Здание было возведено на ступенчатой платформе с входом со стороны городских ворот. Перед его фасадом находилась довольно обширная ступенчатая открытая площадка. Само здание имело продольно-осевую композицию и состояло из святилища (пом. 2), вытянутого в широком направлении; айванного портика (пом. 1), вдоль западного и восточных его фасадов находились погребальная камера (пом. 6) и комната для ритуальной трапезы (пом. 9).

Описываемая монета найдена в пом. 6, на характеристике которого подробно остановимся.

Оно прямоугольное в плане (5,7 x 2,5 м.). Пол его выложен из квадратного сырцового кирпича, скрепленного раствором. Параллельно северной стене помещения расположен подиум (1,6 x 0,8 м), выложенный из античного кирпича, со всех сторон он обложен вертикально поставленными кирпичами. На его поверхности местами сохранились пятна золы и угольки.

У западной стены помещения, рядом с подиумом, отмечено овальное углубление 0,26 x 0,30 м, глубиной 0,25 м, вырезанное в выкладке пола. Оно заполнено рыхлой глиной с золой и угольками, на дне углубления лежала нижняя часть

* Описание объекта и условий находки монеты принадлежит Н. Нефедову.

сосуда, изнутри покрытого толстым слоем копоти, в котором сохранились сгоревшие растительные остатки.

Другие два углубления были вырезаны у восточной и западной стен помещения. На дне одного из них лежал фрагмент стенки крупного сосуда, а на поверхности выкладки пола и в швах между кирпичами довольно крупные куски и порошок ярко-красной охры. На полу и в слое над ним обнаружены большое количество сильно коррозированных железных пластин, золотые нашивки костюма в виде круглых и ромбовидных бляшек, трубочки, палочки с изображением хищной птицы. Найдены также отдельные кости животных, а также описываемая монета.

Судя по характеру культурных отложений, помещение уже в древности было ограблено.

Монета серебряная, небольшая, судя по ее метрическим данным (Д. — 0,94 см, В. — 0,45 г) — это хемиобол. Приводим ее описание: Л. ст. — бюст правителя влево с непокрытой головой, у него прямой с горбинкой нос, тонкие губы, волосы зачесаны назад, ниспадают вниз, слегка загибаясь в районе шеи. / Об. ст. — в центре монеты шапки Диоскуров, по трем сторонам их легенда греческими буквами из двенадцати букв, читающаяся слева направо. Сохранность легенды средняя.

Первая, плохо сохранившаяся буква, вероятно, дельта; вторая — несомненно, йота, третья буква — альфа или омикрон; четвертая — сигма; пятая, скорее всего, — омикрон; шестая — несомненно, эта; седьмая — тау; восьмая буква, возможно, ро; девятая — омикрон; десятая — кхи; одиннадцатая и двенадцатая буквы — йота.

Таким образом, легенда может быть восстановлена как ΔΙΟΥΣΟΝΤΡΟΧΙΙ (?), т. е. легенда передает, вероятно, имя, так как подобной титулатуры среди известных довольно многочисленных титулов различного ранга как греческого, так и иранского происхождения не имеется.

Само имя, вероятнее всего, греческое, относящееся к типу широко распространенных в эллинистическом мире имен с конечным суффиксом «ий» (срав.: Евтихий, Плиний, Полибий).

Трудно определить его этимологию, но обращает на себя внимание наличие в первой части этого сложносоставного имени компонента, ΔΙΟΥ г. е. — Зевс — имени главного бога древнегреческого пантеона; данное слово обозначает в греческом языке также понятие «божественный». Пока не представляется нам понятным второй компонент этого имени.

Любопытно также, что изображение шапок Диоскуров — Кастора и Полидевка, божественных сыновей Зевса в греко-бактрийской нумизматике, отмечено только на оболах Евкратида (170-145 гг. до н. э.) и монетах Антиалкида (115-95 гг. до н. э.) [211. Pl. 16], а также на подражаниях оболам Евкратида, чеканившихся в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э. Видимо, в пределах II-I вв. до н. э., исходя из монетных аналогий, следует датировать описываемую монету, хотя по археологическим данным и, в первую очередь, керамическому материалу, храм I строительного горизонта, в котором найдена монета, датируется концом II-III вв. н. э. Интересно, что в том же слое найдена еще одна уникальная монета — подражание оболам греко-бактрийского царя Деметрия.

В историческом плане эта монета исключительно важна. Хотя на основании находки одной монеты трудно делать какие-либо выводы, но все же можно допустить, что одно время правителем древнего Ер-Кургана был грек, выпускавший свои монеты. Но если это даже не так и данная монета попала из соседней Бактрии, она интересна своей уникальностью.



ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ГЕЛИОКЛА

Эти монеты составляют значительную группу. Они уже давно известны в науке, но во многом еще недостаточно исследованы. Впервые два типа подражаний были опубликованы в 1834 и 1835 гг., хотя специальные статьи о них появились совсем недавно. В них дана не только подробная классификация, но и метрологическая, и историческая характеристика монет, которые в основном были известны по музейным собраниям [95. С. 63-76; 99. С. 109-114]. В последующем подражания монетам Гелиокла, в основном первого типа, неоднократно находили при археологических раскопках на городищах и поселениях Северной Бактрии, что позволило дополнить ранее сделанные исследователями этих монет выводы [136. С. 81-82; 143. С. 101-105, 103-105; 185. С. 112-116].

Публикуемые в каталоге подражания первого типа найдены на семнадцати городищах и поселениях, расположенных в речных долинах Сурхандарьинской области:

Аккурган — 8 экз.

Айртам — 4 экз.

Бараттепа — 1 экз.

Джайранхана 3 экз.

Дальверзинтепа — 4 экз.

Зартепа — 2 экз.

Занг — 1 экз.
 Кампыртепа — 10 экз.
 Мирзакултепа — 1 экз.
 Талашкантепа — 2 экз.
 Район Термеза — 4 экз.
 Халчаян — 6 экз.
 Хатын-рабад — 2 экз.
 Хайтабатепепа — 1 экз.
 Шералитепа — 1 экз.
 Шортепа — 4 экз.
 Совхоз «Сурхан» — 1 экз.

К отмеченным 55 экземплярам следует добавить еще семь аналогичных монет из Амбарсая (близ Денау) [185. С. 239], Зартепа и Фаязтепа [8. С. 37; 10. С. 57]. Известны также неоднократные случаи обнаружения этих подражаний на городище Старый Термез. Таким образом, точно зарегистрированных находок подражаний первого типа в Сурхандарьинской области насчитывается 62 экземпляра. Гораздо меньше их обнаружено в Таджикистане, где, согласно сведениям, обобщенным Б. Я. Стависким по научной литературе и по музейным коллекциям, зафиксировано 12 монет [185. С. 240]. Однако это, по-видимому, далеко не полные данные. Так, несколько аналогичных подражаний найдено в Чимкургане [13. С. 553]. Ни одной находки таких монет в Южной Бактрии не зафиксировано, что, впрочем, не исключает возможного их обращения здесь, но, очевидно, в значительно меньшем объеме.

За пределами же Бактрии отмечены только единичные находки подражаний первого типа в Гандхаре (Таксила), в Маргиане (Койне-Кишман) [123. С. 96] и в Фергане (Кайноват) [95. С. 62].

Три публикуемых в каталоге экземпляра принадлежат ко второму типу подражаний — с изображением лошади на оборотной стороне. Они найдены в Аккургане, Дальверзинтепа и Халчаяне. Две такие монеты обнаружены в Шахринау [95. С. 66; 185. С. 240], который с долиной Сурхана в древности составлял единую историко-культурную область. Еще одна аналогичная монета поднята в 1979 году в Старом Термезе.

Кроме Северной Бактрии, одно подражание этого типа встречено при раскопках Таксилы, но не случайно Д. Маршалл отнес его в разряд редких и уникальных монет [244. P. 836, vol. III. P. 236, 67].

Таким образом, топография находок первого типа подражаний показывает, что основной их ареал приходится на Северную Бактрию, главным образом, на ту ее часть, которая сейчас входит в Сурхандарьинскую область. Вероятно, именно здесь в одном или нескольких городах — таких, как Термез, Дальверзинтепа, Шахринау, — могли находиться монетные дворы, где чеканились эти монеты. Отсутствие же их в Южной Бактрии, при всей неналаженности учета монетных находок позволяет говорить о различных политических объединениях, которым подчинялись обе эти области. Из-за немногочисленности монетных находок труднее решить вопрос о месте выпуска подражаний второго типа. Соотношение между найденными в Северной Бактрии подражаниями обоих типов составляет примерно 1:15, т. е. на одно подражание второго типа приходится пятнадцать подражаний первого типа. Такая большая разница позволяет, бесспорно, считать, что подражания второго типа чеканились в течение весьма незначительного промежутка времени, видимо, в небольшом локальном районе Северной Бактрии. Если учесть топографию этих находок, то таким районом, вероятнее всего, являлась нынешняя Сурхандарьинская область.

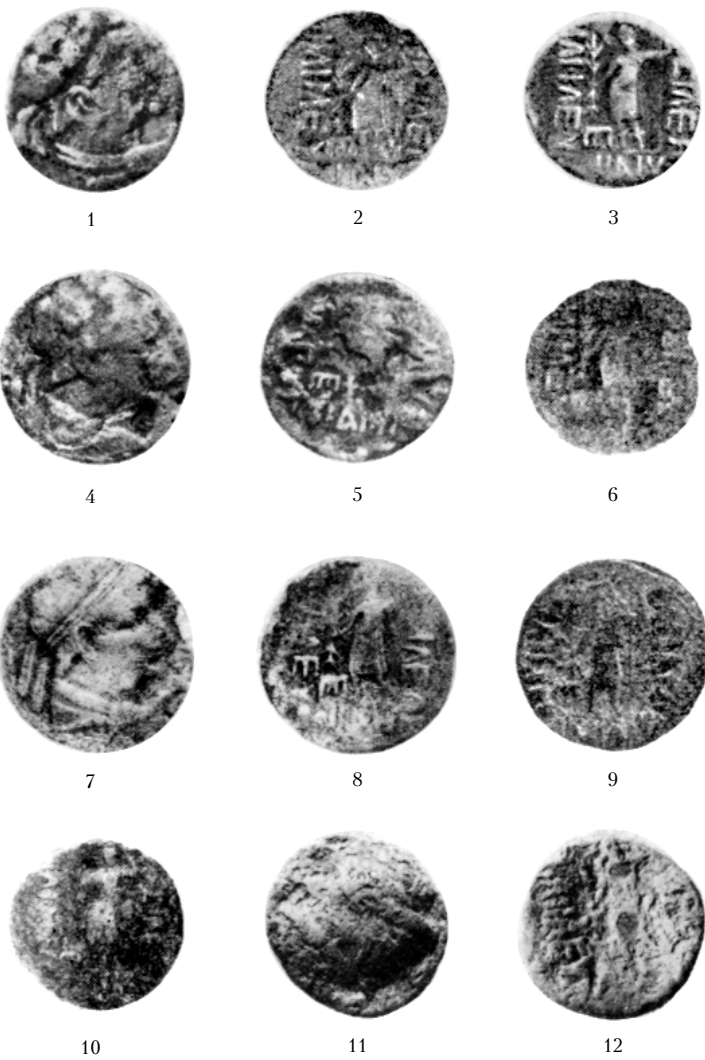
Обратимся теперь к некоторым иконографическим, эпиграфическим и метрологическим особенностям изучаемых монет.

Изображения на лицевой стороне подражаний монетам Гелиокла подробно рассмотрены В. М. Массоном. Он отметил, что вначале на некоторых монетах приведен не совсем устойчивый тип погрудного изображения государя, но впоследствии устанавливается совершенно определенный канон; на обеих группах монет изображено лицо с резкой складкой на щеке, мясистым крупным носом и выделяющимся вперед жирным подбородком. В. М. Массон обратил внимание на изменение характера прически по сравнению с портретом Гелиокла и на наличие складки одежды, продолженной впе-

ред, за линию груди. По его мнению, эта складка одежды передает выдвинутую вперед правую руку, что сопоставляется им с положением руки на монетах Сотера Мегаса. На этом основании В. М. Массон считает, что на более поздних подражаниях изображен какой-то конкретный правитель [95. С. 69]. Наши материалы подтверждают эту в общем-то верно намеченную линию формирования нового образца государя или, возможно, нескольких государей на подражаниях монетам Гелиокла. Возражение вызывает лишь трактовка складки одежды как руки. Просмотр монет показал, что на ряде монет, в том числе и с образом нового правителя, имеется след от второй складки, окутывавшей другую сторону шеи. По всей вероятности, на штемпеле эта малозначительная деталь вырезалась неглубоко, в результате чего на монетах она отчеканивалась не всегда и не совсем четко. Кроме того, на штемпеле данная складка изображалась по сравнению с монетами Гелиокла несколько вверх, что создавало впечатление выдвинутой вперед руки, но в принципе это вырез одежды на груди, как и на портрете Гелиокла.

Отметим также ряд незамеченных иконографических особенностей на лицевой стороне подражаний. Концы лент диадемы всегда прямые и их две, тогда как на монетах Гелиокла обычно три конца ленты, верхняя из которых загнута вверх. Ободок из чередующихся точек и тире на подражаниях чаще всего небольшого диаметра, он почти соприкасается с изображением (таб. XI, 5). На подлинных же монетах Гелиокла ободок значительно больше, между ним и изображением остается некоторое пространство.

Изображение божества на оборотной стороне с нимбом вокруг головы, как уже отметил В. М. Массон, почти точно повторяет изображение Зевса на монетах Гелиокла второго класса [95. С. 69]. Это особенно заметно на более ранних подражаниях, где Зевс изображен с характерным для подлинных монет Гелиокла традиционным для эллинистического искусства мягким изгибом (таб. X, 2,3). Затем изгиб фигуры становится менее заметным, а на поздних экземплярах подражаний корпус тела передается прямо и более жестко. Положение стопы также заметно изменяется. В отличие от монет



Таб. X. Подражания монетам Гелиокла из Северной Бактрии.

Гелиокла, где стопы божества показаны вовнутрь, на поздних подражаниях, особенно на монете, опубликованной А. Канингхемом [220. Р. 309. Pl. XIII, № 10], она помещена врозь, как у кушанских царей. В то же время изображение атрибутов божества — связки молний и жезла — не искажается, но несколько грубеет.

Самым значительным изменениям подвергаются легенды, точнее два слова: имя государя и его эпитет, тогда как начертание слова царь — ΒΑΣΙΛΕΩΣ — остается почти таким же. Однако и здесь происходит трансформация некоторых букв. На ранних подражаниях третья буква в этом слове — сигма — имеет форму Σ, причем подобное написание встречается обычно в сочетании с позой божества в мягком изгибе и чаще всего с монограммами ΠΛ или ΠΔ (табл. X, 2, 3, 5). В более поздних подражаниях, где фигура божества дана прямо и появляется монограмма ΠΠ, эта сигма неизменно имеет квадратную или лунарную форму: □, ∪.

Конечная сигма в слове почти постоянна со значительным или слабым изломом задней спинки. Однако на монете из Шортепа, что было уже нами отмечено, она имеет квадратную форму [143. С. 104]. На одной из монет в кладе из Аккурмана, который, по нашему мнению, составляют наиболее поздние эмиссии первого типа подражаний Гелиоклу, конечная сигма приобретает уже форму I (табл. XII, 16). Имя Гелиокла на наиболее ранних подражаниях начертано почти так же, как и на подлинных, только омикроны передаются в виде слабо рельефных кружков, боковые же черточки каппы не соединены, а переданы раздельно. Зачем исчезает один или оба омикрона, черточки каппы превращаются в точки или совсем опускаются, конечная сигма приобретает квадратную форму.

На подражаниях из Аккурманского клада (№ 52 и № 54) представлены два наиболее поздних начертания этого имени (таб. XII, 12, 13), почти полностью теряющих свой подлинный смысл. В слове ΔΙΚΑΥ изменения на самых ранних подражаниях вначале коснулись только третьей буквы — каппы, которая превратилась в вертикальную палочку (монеты № 2 и № 3 из Шералитепа) (таб. X, 2,3), затем опускается оми-

крон (монета № 19 из Айртама), передававшийся на предыдущих подражаниях в виде точки. На монетах № 52 и № 54 из Аккурганского клада это слово уже передано как ΛΙΛΥ и ΛΠΑΙΥ (таб. XII, 12, 16).

Таким образом, на наиболее поздних подражаниях первого типа вся легенда имеет два варианта начертаний, весьма отдаленно напоминающих первоначальный ее вид. Очевидно, что эта надпись потеряла свое прежнее значение, но по каким-то причинам ее сохранили даже на подражаниях второго типа, представляющих, собственно, уже самостоятельный монетный тип.

Обратимся теперь к монограммам, которых на подражаниях монетам Гелиокла отмечено четыре вида: $\overline{\Lambda}$, $\overline{\Delta}$, $\overline{\Gamma}$, $\overline{\Pi}$. Монеты с первыми тремя видами монограмм встречаются редко, всего их зарегистрировано 14 экземпляров. Эти подражания, особенно с монограммой $\overline{\Lambda}$, по характерным иконографическим и эпиграфическим деталям относятся к наиболее ранним. Они найдены в южной части Сурхандарьинской области (Термез, Айртам, Шералитепа, Шортета), тогда как в северных районах (Дальверзинтепа, Халчаян, Шахринау) не известно пока ни одной монеты с аналогичными монограммами. Монет же с монограммой $\overline{\Pi}$, представленной на поздних подражаниях, найдено уже более 30, повсеместно в нынешней Сурхандарьинской области и в других районах Северной Бактрии.

Не свидетельствует ли это о том, что данная монограмма является династическим знаком юечжийских правителей Северной Бактрии? Примечательно, что она схожа с верхней частью тамг кушанских царей, тогда как другие виды монограмм представляют собой, по нашему мнению, сочетание греческих букв: в первом случае сигмы с альфой, во втором — сигмы с дельтой и сигмы с лямбдой. По-видимому, они повторяют монограммы на подлинных монетах Гелиокла.

Метрология юечжийских подражаний монетам Гелиокла еще недостаточно отражена в научной литературе. В. М. Массон, суммировав по весу все известные в то время подражания, каких-либо выводов об их номиналах не сделал, указав

лишь, что этот вопрос может быть решен в зависимости от определения их субэратными или бронзовыми [95. С. 72-73]. К тому же в его распоряжении имелось небольшое количество монет. Г. А. Пугаченкова в связи с новыми находками на поселениях Сурхандарьинской области отметила, что наряду с монетами основного стандарта имелись более мелкие и более крупные номиналы [136. С. 81-82]. Б. Я. Ставиский считает, что подражания монетам Гелиокла первого вида составляют, по всей вероятности, одну весовую группу от 10,18 до 15,64 г, а второго — две группы: от 13,41 до 14,72 г и от 8,4 до 3,8 г [185. С. 115]. В отношении первого типа подражаний монетам Гелиокла это деление весьма условно и не отражает подлинного положения вещей.

Накопленный сейчас материал хотя еще недостаточен, но тем не менее позволяет более конкретно рассмотреть этот вопрос. Прежде всего отметим, что почти на всех этих представленных в каталоге монетах нет следов посеребрения, однако некоторые экземпляры большого веса имели темно-фиолетовый цвет поверхности в отличие от других, покрытых зеленоватыми окислами. Возможно, что это остатки тонкой пленки серебра, покрывавшей монеты. Как показал спектральный анализ, они содержат серебро в тысячных и десятитысячных долях процента, вероятно, в качестве естественной примеси. По своему составу это бронзовые монеты, где к основному металлу — меди добавляли кобальт, мышьяк, олово или молибден.

Весовые и линейные показатели монет хорошей сохранности сведены в табл. I, в которой также учтены данные, приведенные в статье В. М. Массона.

В соответствии с этими показателями подражания монетам Гелиокла первого типа можно разделить на четыре весовые группы, различающиеся между собой не только весом, но и диаметром. Первую группу составляют монеты наименьшего веса — от 2,28 до 4,20 г. Всего известно пять экземпляров таких монет, происходящих из Зартепа-2, Халчаяна-2 и Шорттепа-2. Довольно значительные колебания в весе (в пределах 2 г) можно было бы объяснить различной их сохранностью,

однако отличие их диаметров — 12-13 мм и 18-20 мм — позволяет считать их двумя разными номиналами.

Во вторую группу входят среднеразмерные монеты весом 7,6-7,9 г при диаметре 20-24 мм. Они представлены тремя экземплярами из Айртама, Дальверзинтепа и Шортепа.

подавляющее большинство монет (39 экз.) относится к третьей группе. Их вес колеблется в пределах 10,3-15,6 г при диаметре 25-30 мм. Они имеют при общем-то одинаковом или близком диаметре большое расхождение в весе (5 г). Однако это не должно приниматься во внимание, так как, во-первых, многие монеты довольно долго находились в обращении и сильно потертые, во-вторых, степень их сохранности неодинакова, поверхности многих монет изъедены ржавчиной, в-третьих, часть монет взвешивалась до очистки, а другая — после. В тех же случаях, когда экземпляры монет хорошей сохранности и взвешивание их производилось до очистки, колебания в весе были незначительными, в пределах 1,5-2 г. Такие монеты весили обычно 14-16 г.

В четвертую группу выделены монеты весом 23,2-26,6 г и диаметром 31-38 мм. Они представлены двумя экземплярами из Зартепа и одним из Айртама.

Опираясь на эти данные, можно, правда, с некоторыми оговорками, допустить, что существовало четыре разных номинала первого типа подражаний Гелиокла, три из которых встречаются эпизодически (см. табл. I), так как чеканились короткое время. Вполне возможно, что выявленный ряд номиналов не соблюдался на всем протяжении чеканки подражаний первого типа. К сожалению, из-за недостаточности фактического материала пока трудно уточнить сроки их обращения. Но все же кое-что заметить по данному вопросу можно. Так, монет самой большой — четвертой весовой группы не имеется в серии поздних подражаний с портретом местного правителя, но в ней отмечены все три первые группы. Среди ранних подражаний, помимо четвертой, встречаются монеты третьей весовой группы.

Эти данные не позволяют согласиться с высказанным В. М. Массоном мнением о развитии весовых норм подражаний от меньшего веса к большему. Опираясь на наблюдения

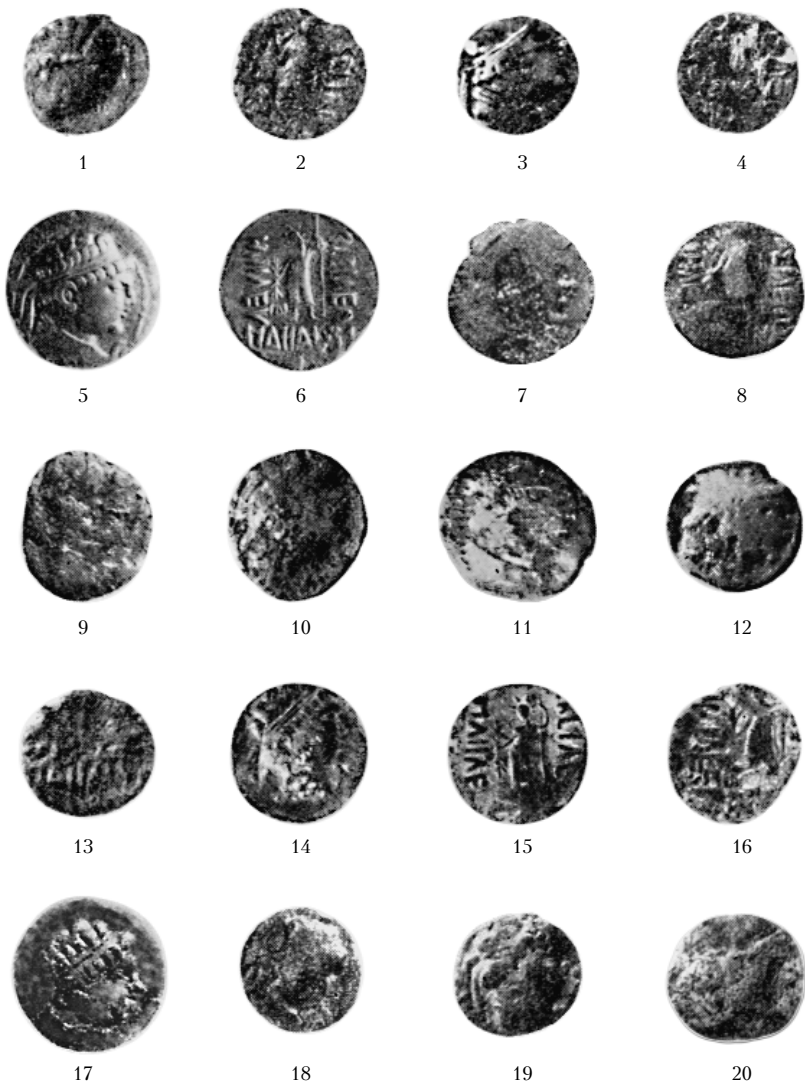
Е. А. Давидович, отмечавшей, что малый вес характерен для образцов, стоявших по степени искаженности ближе всего к исходному типу [40. С. 174], он рассматривает первоначальные серии как аттические тетрадрахмы резко пониженного стандарта. Затем, по его мнению, происходит определенная денежная реформа, вес монеты повышается, приближаясь к аттическому стандарту греко-бактрийских эмиссий [100. С. 14]. При этом он считает, что вес 9-12 г свойственен монетам с изображением на лицевой стороне Гелиокла, тогда как монеты с «портретом местного правителя» весят 13,0-15,5 г.

В действительности картина несколько иная. Так, монеты из Шералитепа (№ 2, 5, 6), Айртама (4), Шортепа (№ 1), Термеза (№ 42, 45, 46), принадлежавшие к серии ранних подражаний, весят 13-16 г. В то же время вес подражаний из Аккурганского клада уже с портретом местного правителя, являющихся наиболее поздними эмиссиями, колеблется от 10 до 12 г.

Эти данные позволяют предположить, что в первом типе подражаний происходит не повышение, а постепенное снижение веса монет. Существенно также и ухудшение качества поздних подражаний первого типа (монеты становятся тоньше, с неровными краями, нечетким изображением, искаженными легендами по сравнению с более ранними, в которых еще весьма ощутимы высокие традиции греко-бактрийского монетного дела).

Нет видимых оснований считать, что реконструируемая денежная реформа произошла в тот период, когда появляется второй тип подражаний. В них лишь заменено греческое божество на изображение идущей лошади, что скорее всего имело прокламативное значение, тогда как и во втором типе подражаний мелкие номиналы весят в пределах 3-4 г, крупные — 10-11 г или 15-16 г при одинаковых диаметрах монетных кружков. Остается прежним и состав металла.

Денежная реформа произошла, вероятнее всего, на начальных этапах правления юечжей в Северной Бактрии, когда взамен полновесным и высококачественным драхам и тетрадрахам стали выпускаться близкого веса, но бронзовые подражания монетам Гелиокла. Поскольку эти монеты не имели



Таб. XI. Подражания монетам Гелиокла из Северной Бактрии.

фактической ценности, то они не могли применяться при крупных международных и межобластных торговых операциях. Именно поэтому эти монеты столь редко встречаются за пределами Северной Бактрии. Они имели лишь внутриобластное хождение и применялись, вероятно, не только в мелкой розничной торговле, но и в более крупных сделках и в какой-то степени были приравнены к прежним серебряным номиналам греко-бактрийских монет.

В вопросе о времени выпуска и сроках обращения данных подражаний наиболее приемлема точка зрения В. М. Массона, который вначале полагал, что они выпускались в конце II — первой половине I в. до н. э. [95. С. 74], а затем передвинул верхнюю хронологическую границу их чеканки до правления Кадфиза I или даже Кадфиза II [100. С. 11]. Существенны в этом плане наблюдения Г. А. Пугаченковой над стратиграфией залегания подражаний первого типа в Айртаме, в связи с чем ею был поставлен вопрос о возможном обращении этих монет еще на начальном этапе правления Сотера Мегаса [136. С. 82]. Это предположение подтверждается также найденными Ш. Р. Пидаевым подражаниями первого типа и монетами Сотера Мегаса в одном культурном слое на Мирзакул-тепа и полнейшим отсутствием здесь монет других кушанских царей. Следует, впрочем, отметить, из 60 зарегистрированных монет Сотера Мегаса только в двух случаях они обнаружены в одном стратиграфическом слое с подражаниями тетрадрахам Гелиокла первого типа. Подобное обстоятельство вряд ли случайно, оно свидетельствует о кратковременности их совместного обращения, а также о прекращении чеканки подражаний. Примечательно к тому же полнейшее отсутствие находок этих монет вместе с халками Кадфиза II.

Таким образом, время правления Сотера Мегаса, вероятно, самое его начало, является для подражаний монетам Гелиокла *terminus post quem*. Начало их чеканки и обращения, учитывая несомненную и очень тесную связь ранних подражаний первого типа с подлинными монетами Гелиокла, должно быть отнесено ко времени, весьма близкому к правлению этого царя, т. е. к последней четверти II в. до н. э. Для



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



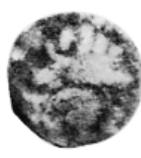
12



13



14



15



16

Таб. XII. Подражания монетам Гелиокла из Северной Бактрии.

установления абсолютной даты верхнего хронологического рубежа их обращения пока нет достаточно твердых аргументов из-за общей неразработанности хронологии царствования кушанских государей. Но, принимая во внимание, что большинство исследователей относит правление Сотера Мегаса к середине или второй половине I в. н. э. [118. С. 30, 47] и учитывая эпиграфические особенности легенд, допустимо датировать его первой половиной I в. н. э.

В относительной же хронологической классификации подражаний первого типа можно наметить три последовательные группы.

Первая — наиболее близкая к исходному типу — характеризуется только незначительными изменениями букв легенды в словах и изображения на лицевой стороне очень близки, а на оборотной полностью следуют подлинным образцам монет Гелиокла. Для монет этой группы свойственны монограммы $\overline{\Lambda}$, $\overline{\Lambda}$, $\overline{\Lambda}$.

Во второй, следующей по времени, группе несколько изменяется поза божества, изображение правителя становится менее похожим на «портрет» Гелиокла. В легендах происходит дальнейшая трансформация букв: в имени $\text{HAIOKAEY}\Sigma$ почти полностью исчезает омикрон, каппа превращается в вертикальную черточку с двумя точками вместо косых линий, в слове ΔKAIOY также опускается омикрон и искажается каппа. Прежние монограммы остаются, но появляется новая: $\overline{\Pi}$.

В третьей группе вместо «портрета» Гелиокла появляется изображение местного правителя, фигура божества передается прямо, а не в изгибе, как прежде. В слове $\text{BACIAEY}\Sigma$ в начале изменяется форма первой сигмы, которая становится квадратной или лунарной, а затем ту же форму приобретает конечная сигма. Эпсилон в этом слове чаще всего также лунарной формы. Почти полностью искажаются имя царя и его эпитет. На всех зафиксированных монетах этой группы представлена только вышеуказанная монограмма, которая, возможно, являлась тамгой или династическим знаком юечжийских правителей Северной Бактрии.

Таб. XIII. *Распределение юечжийских подражаний монетам Гелиокла по весовым данным.*

Группа	Диаметр, мм	Вес, г	Количество находок
Первый тип			
	12-13	2,21-3,31	3
I	18-20	3,21-4,21	2
II	20-24	7,61-7,91	3
III	25-30	10,3-15,6	39
IV	31-37	23,2-26,5	3
Второй тип			
I	18-19	3,14-3,84	8
II	25-29	11,00-14,72	9





О ТИПОЛОГИИ МОНЕТ КУШАНА («ГЕРАЯ-САНАБА»)

*(К истории становления
Кушанского государства
в Бактрии и Гандхаре)*

За более чем тысячелетнюю историю, до наступления так называемого мусульманского периода, Северо-Западная Индия и южные области Среднеазиатского Двуречья, по крайней мере, шесть раз находились в составе одних и тех же государственных объединений.

Вот эти государства: Ахеменидское (VI-IV вв. до н. э.), Селевкидское (конец IV — середина III в. до н. э.), Греко-Бактрийское (середина III в. до н. э. — начало второй половины II в. до н. э.), царство Больших Юечжей, или Кушанское (начало второй половины II в. до н. э. — первая четверть III в. н. э.), Сасанидское (со второй половины III в. н. э.), Эфталитское (середина V — середина VI в. н. э.).

Как для Индии, так и для Средней Азии эти государства были иноземными, т. е. были созданы не представителями автохтонных народов обоих регионов, а были включены в состав государственных объединений, образованных представителями иной этнической среды: тохарской (юечжи-кушаниды), западно-иранской (Ахемениды, Сасаниды) и эллинской (Селевкиды, греческие цари Бактрии), за исключением для



1



2



3

Таб. XIV. Типы монет Кушана («Герая»).

Средней Азии Эфталитского государства, созданного выходцами из Бактрии, по Э. В. Ртвеладзе, или Бадахшана, по Л. Н. Гумилеву.

Из всех этих государств наибольший след в истории Индии и Средней Азии оставило государство Великих Юечжей, как верно называют его древнекитайские источники, исходя из этнической принадлежности правителей этого государства, или Кушанское, как именуют его в науке.

Именно в пору существования этого государства высочайшего уровня достигли политические, экономические, торговые, культурные и религиозные связи Индии и Средней Азии, особенно с Бактрией — Тохаристаном.

Неясным, однако, остается вопрос о том, когда и при каком кушанском царе они были объединены в одно государство и где, собственно, началась история Кушанского царства — в Северо-Западной Индии, Кабулистане или в Бактрии?

Многие исследователи полагают, что Кушанское государство сформировалось в Бактрии и уже при Куджуле Кадфизе (Кадфиз I) — Гандхара, Кабулистан и Бактрия были объединены под его эгидой.

Недавние открытия в Рабатаке и иная трактовка нумизматических данных позволяют по-иному взглянуть на самую раннюю стадию становления государства Кушанидов и последовательность включения в него тех или иных областей, о чем я уже писал в двух своих статьях [158. С. 6-7; 260. Р. 83-114].

Обратимся вначале к монетам правителя, вошедшего в науку под именем «Герай» (иногда «Санаб»), так как они являются наиболее ранним свидетельством прихода к власти в первом юечжийском, докушанском государстве особой династии, создателем которой был юечжийский вождь по имени Кушан.

Единственным «свидетелем» этого исторического события являются монеты, научная литература, которая весьма обширна. Однако до сих пор остаются дискуссионными хронология, ареал распространения и интерпретация легенды на этих монетах.

Они двух номиналов: тетрадрахмы, В. — 11-16 г, Д. — 28-30 мм и оболы — 0,5-0,6 г. Изображения на монетах, как

считалось ранее, якобы одинаковы: л. ст. — портрет правителя вправо в диадеме; об. ст. — конный всадник, за его спиной парящая Ника с венцом. На оболах, об. ст. — стоящая фигура «божества». До недавнего времени ученые полагали, что и легенда на тетрадрахмах якобы также идентична и состоит из четырех слов: ΤΥΡΑΝΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΟΥ ΣΑΝΑΒ ΚΟΠΑΝΟΥ [42; 53; 63; 185. С. 149-160].

Существуют разные переводы этой легенды на русский язык, основные из которых следующие: «Правящий Герай Санаб кушанец» и «Властвующего (ябгу) кушана Санаба», где в обычной трактовке первое слово понималось как титул, второе как личное имя (Герай), третье (Санаб) — личное имя или название области, а четвертое (Кушан) — как обозначение племени или династии, данное в родительном падеже.

Последующие находки этих монет, однако, убеждают в их далеко не полной идентичности. В частности, выявлены монеты, где на об. ст. отсутствует изображение парящей Ники, а портреты помещенного на л. ст. правителя значительно отличаются друг от друга. Наконец, теперь имеются тетрадрахмы, легенда на которых отличается от легенд на тетрадрахмах подобного типа. Это касается как общего содержания легенды, так и особенно третьего или четвертого слова: «ΣΑΝΑΒ», где на месте этого иранского слова, означающего, по В. А. Лившицу, усеченную форму от ΣΑΝΑΒΑΡΑ «отражающий врага», имеется греческое слово «ΑΝΤΕΙΧ». Монеты с этим словом из коллекции Сеньора впервые опубликованы Дж. Криббом [218. Р. 107], а затем мною также из частной коллекции в Коканде [151. С. 17-23]. Я же предположил, что оба этих термина, греческий и иранский, равнозначны по своему содержанию и передают эпитет правителя, чеканившего монеты, — «отражающий врага», подобно эпитету при именах греко-бактрийских царей на их монетах: ΔΙΚΑΟΥ — справедливый, ΤΕΟΥ — божественный, ΑΝΙΚΤΟΥ — победоносный и т. д.

Все это привело меня к следующему пониманию данной легенды: первое ее слово — это греческий титул, второе — также титул, возможно, бактрийского или юечжийского происхождения, третье — эпитет, на более ранних монетах греческий ΑΝΤΕΙΧ, а на более поздних — иранский ΣΑΝΑΒ, и, наконец,

четвертое слово легенды — личное имя правителя — Кушан [151. С. 22-23]. Вероятно, именно так — Кушан, а не надуманный «Герай» звали основателя новой юечжийской династии.

Впоследствии все цари Кушанского (Юечжийского) государства, сохраняя пиетет к основателю династии, помещали его имя на своих монетах, подобно тому, как правители Парфянского государства — выходцы из такой же кочевой среды парнов — сохраняли в течение ряда столетий в легендах на монетах имя основателя парфянской династии Аршака.

Укажем и на другие весьма значительные параллели из области среднеазиатской нумизматики, подтверждающие наше толкование этой легенды. Сочетание двух титулов, но арамейского происхождения, встречается уже на монетах Хорезма I в. до н. э. — I в. н. э. — MR⁹Y MLK⁹ [25] и позднее на монетах Бухархудатов XWB K⁹W, что означает «государь-царь» [182]. Полагаю, что в такой же интерпретации должны быть поняты и два первых слова в легенде на тетрадрахмах и оболлах Кушана.

Второе обстоятельство. Как показывает проведенный нами анализ, в легендах монет, чеканенных в древних государствах и владениях Средней Азии, вплоть до III-IV вв. н. э. никогда не проставлялись этнические и династические наименования или названия владений, где чеканились монеты. На них имеются только титул + имя, изредка почетное прозвище или эпитет, либо просто имя, также имя основателя династии — на парфянских и, как теперь выясняется, на кушанских монетах. Имя основателя династии, как нам представляется, проставлено и на других монетах, в частности, согдийских — Гиркода или Уркода, чеканившихся на протяжении нескольких столетий [58], но в легендах, на монетах которых неизменно присутствует это имя.

Эфталиты — выходцы из Бактрии, создавшие в середине V в. н. э. два государства: в Индии и Бактрии, — также помещали на своих монетах имя основателя династии — общего предка (патронима) — Алхона или Алхана [234. С. 209-212]. Имя AΛXONO иногда в сочетании с титулом χδηο появляется впервые на монетах, чеканенных в Бактрии [228], а затем регулярно, на протяжении более ста лет, проставляется в бакт-

рийском написании на монетах всех эфталитских царей Индии — Тороманы, Михиракулы и др. [228].

Все это позволяет предположить, что монеты Кушана («Герая») принадлежали эмиссиям не одного, а нескольких правителей, традиционно не проставлявших своего имени (как на парфянских монетах), а помещавших только имя основателя династии — Кушана.

1. Видимо, наиболее ранними из них следует признать весьма редкие пока экземпляры с греческим эпитетом ANTEIX, легенда на которых еще греческая. Их известно сейчас 4 экз., один из коллекции Сеньора, один куплен недавно Дж. Криббом в Лондоне для Британского музея и два зафиксированы в Ташкенте, один из них, опубликованный мною, находится в Музее истории этого города (таб. XIV, 1).

2. Следующую стадию в чеканке этих монет представляют экземпляры, на которых греческий эпитет заменен иранским SANAB (таб. XIV, 2).

3. Одну из завершающих их стадий представляет монета, недавно опубликованная ташкентским нумизматом Д. В. Бирюковым [19. С. 18-29]. Эта тетрадрахма, вывезенная из Афганистана, отличается от всех известных ранее экземпляров рядом существенных иконографических и эпиграфических признаков, как-то: превращением диадемы на голове правителя в обруч, наличием обреза и отсутствием фигуры Ники за спиной всадника, почти полностью искаженной легендой, где только первое слово более или менее схоже: TVIONNOVTOΣ OAOY NOΔION.

Д. В. Бирюков пришел к правильному, на наш взгляд, выводу о том, что данный экземпляр хронологически отделен от прототипа целым рядом промежуточных выпусков, и что мы имеем здесь дело с традицией, которая складывалась на протяжении многих десятилетий. Он считает, что начало выпуска монет «Герая» следует, видимо, отнести ко второй половине II в. до н. э. По его мнению, они заполняют промежуток между эмиссиями греко-бактрийских царей и началом подражательной чеканки юечжей [19. С. 23].

Не исключая столь раннюю дату возникновения чеканки монет с именем Кушана, я все же склоняюсь к несколько бо-

лее позднему времени — концу II — началу I вв. н. э. и более продолжительному периоду их чеканки: от этого времени и вплоть до включения Бактрии в состав Кушанского (Юечжийского) царства при Виме Так(то), — по-видимому, это вторая половина I в. н. э., т. е. к одновременности выпуска этих монет с монетами иных юечжийских правителей — подражательной чеканки по образцу монет Гелиокла и Евкратиды, а также, на завершающей стадии, с монетами Сападбиза и Фсейгахариса.

Весьма важно, что эта монета, судя по ряду иконографических признаков, непосредственно примыкает к чекану Сотера Мегаса, т. е. Вимы Так(то). Об этом свидетельствуют, в частности, фигура конного всадника, головной убор и длинный развивающийся плащ (на месте богини Ники ранних выпусков).

4. Наконец, завершающую стадию выпуска монет представляют две крупные медные монеты из коллекции А. Канингхема, хранящиеся в Британском музее: правитель вправо / конный всадник и парящая Ника. Изображение правителя далеко от прототипа, но легенда по кругу та же: TVRANOYNTOS NIAOY KOPIANOY, однако слова ΣΑΝΑΒ или ANTEIX отсутствуют. Зато перед лицом правителя имеются знаки, передающие, по Дж. Криббу, монограмму кхароштии, очевидно, **jatha** [218. P. 119]. Эта монета весьма важна, так как может свидетельствовать о проникновении представителей рода Кушана за Гиндукуш, в область, населенную индийским этносом.

В истории старшего дома Хань сказано, что в Бактрии находилось пять владений — хи-хэу, зависимых от Больших Юечжей: Хюми, Шуаньми, Гуйшуан, Хэй-гунь и Гаофу, тогда как в истории младшего дома Хань говорится, что после переселения в Бактрию Дом Юечжей разделился на пять хи-хэу: Хюми, Шуаньми, Гуйшуан, Хисие и Думи. Вероятно, с тех пор в этих владениях началась чеканка собственной монеты, в одних из них по образцу греко-бактрийских монет Гелиокла и Евкратиды, а в Гуйшуане — самостоятельного монетного типа — тетрадрахм и оболон Кушана — основателя ранней юечжийской династии. Учитывая близость их прото-

типа — первой стадии их чеканки — к греко-бактрийским монетам, начало их эмиссии следует отнести к концу II в. до н. э. — началу I в. до н. э. Необходимо здесь отметить, что падение Греко-Бактрийского царства, происшедшее в середине или начале второй половины II в. до н. э., вовсе не означало прекращение хождения греко-бактрийской монеты вообще и особенно серебряной. Как доказал Е. В. Зеймаль и показали наши исследования на Кампыртепа, серебряные греко-бактрийские монеты еще долго ходили на рынках Бактрии, восполняя недостаток в серебряной монете в ряде юечжийских владений, где за исключением владения Кушана, не чеканились серебряные монеты крупных достоинств, а только оболы и бронзовые монеты.

Теперь обратимся к сложному вопросу о местонахождении первоначального владения Кушана. Сейчас накоплен большой нумизматический материал, позволяющий достаточно уверенно говорить о топографии различных групп монет, обращавшихся в Бактрии в юечжийское время. Наибольшее число монет Кушана («Герая») — 17 оболов и клад тетрадрахм найдены в Южном Таджикистане, в низовьях Кафирнигана и в храме Окса на Тахти-Сангине. В остальных местах Бактрии и за ее пределами найдены единичные экземпляры (Дильберджин, Термез, Кабулистан, Гандхара) [42; 53. С. 149-160; 63; 89. С. 393-405]. Ни одной находки этих монет не зафиксировано в античном Чаганиане, что исключает эту область (впрочем, как и другие) из числа местоположения хи-хэу Гуйшуан, хотя здесь, в Халчаяне, найдена целая скульптурная группа, названная Г. А. Пугаченковой «Гераевым» родом, а на городище Дальверзинтепа локализуется столичный город владения Гуйшуан-Ходзо [137; 139]. Однако топография монетных находок в этом случае — более строгий критерий для определения местоположения того или иного владения, нежели памятники искусства, которые могут создаваться и спустя много лет в отличие от монет, чеканившихся только во времена правления того или иного властителя.

Вместе с тем наличие находок монет в Южном Таджикистане вовсе не говорит о том, что именно здесь находились

первоначальные владения представителей юечжийского рода Кушана.

Эти находки, на наш взгляд, означают лишь наиболее крайний северный ареал распространения данных монет и, вероятно, пределы этого владения на севере. Центр же его находился, по моему мнению, в нынешней афганской провинции Баглан. Как известно, именно здесь располагались главные династийные храмы Кушан: в Сурх-Котале [261] и, как теперь выясняется, в Рабатаке [264. Р. 73-145].

И вовсе не случайно возведение их именно здесь: вероятно, великие кушанские цари Канишка I и Хувишка, при которых они были возведены, рассматривали Баглан как родину своих предков, место, где зародилась династия Кушана. Как известно, из Баглана ведут прямые дороги через Гиндукуш в Кабулистан, где вначале в качестве соправителя греко-бактрийского царя Гермея, а затем вождя (ябгу) начал свою политическую карьеру один из представителей рода Кушана — Куджула Кадфиз. Титулатура, помещенная на монетах этого Кушанида, показывает постепенное его возвышение от князя (ябгу) до царя царей, сына бога: *Maharajasa Mahatrasa Kuhanasa Kaphasa devaputra* [215], а надписи на его монетах, исполненные на кхароштии, демонстрируют включение в состав созданного им царства областей с индийским этносом.

Только в Кабулистане и Гандхаре найдены монеты Куджулы Кадфиза, причем количество их находок здесь исчисляется сотнями и даже тысячами экземпляров [227; 244. Р. 67-68]. В то же время ни одной монеты Куджулы Кадфиза до сих пор не обнаружено в Южной и тем более Северной Бактрии, что совершенно исключает принадлежность их Куджуле Кадфизу. Вероятно, в юго-восточной Бактрии продолжали управлять члены рода Кушана, а в других частях Бактрии — представители иных юечжийских династий, выпускавшие монеты — подражания Гелиоклу и Евкратиду и монеты самостоятельной чеканки — Сападбиз, Фсейгахарис, подробно исследованные мною [254. Р. 81-83].

При каком же Кушаниде произошло объединение Бактрии и Северной Индии в единое государство? Ответ на этот вопрос, прежде далеко не ясный, дают недавно открытая ба-

ктрийская надпись из Рабатака, исследованная Н. Симс-Вильямсом и Дж. Криббом, и нумизматические данные. В этой надписи, в частности, говорится, что царь Канишка приказал каралрангу Шафаро возвести святилище, где были поставлены изображения, т. е. скульптуры предшествующих царей: прадеда — Куджулы Кадфиза, деда — Вимы Так(то) и отца — Вимы Кадфиза, а также самого Канишки.

Особенно важно наличие в надписи неизвестного ранее науке имени царя Вимы Так(то), что вносит существенные коррективы в историю создания великого царства Кушанидов. Дж. Криббом имя этого царя выявлено также в эпиграфических памятниках и монетных легендах. Так, он установил наличие в надписи кхароштки на известной скульптуре сидящего царя из Матхуры имени «Vima», которое идентифицируется с именем «Vima Так(то)» надписи из Рабатака. Согласно Дж. Криббу, имя этого царя, а не Вимы Кадфиза, как считалось прежде, наличествует в бактрийской надписи из Дашт-и-Навур (Кабулистан). Дж. Крибб впервые определил также три группы бронзовых монет, принадлежавших Виме Так(то). Первая группа — монеты с изображением быка и верблюда, в легенде их имеется имя Вима, в связи с чем их ранее приписывали Виме II Кадфизу. Имеется два варианта этих монет. Мелкие — весом 4 г с надписью кхароштки и большие — весом около 10 г, также с надписью кхароштки, в которой Дж. Крибб прочитал имя Вимы Так(то) — *Maharyasa rayatigasa devapytrasa Vema Tak(to)*. Вторая группа содержит две монеты Сотера Мегаса с именем *Vema (Vemasa)*, имеющимся в конце легенды на кхароштки. Теперь очевидно, по мнению Дж. Крибба, что это монеты Вимы Так(то). Третья группа представлена единственной монетой, опубликованной еще в 1898 г. В. Смитом и тогда непонятой. На ее аверсе изображен сидящий царь в сопровождении символов, аналогичных символам на монетах Сотера Мегаса, и с бактрийской легендой, читаемой сейчас Дж. Криббом как ООНМО ТАК..., т. е. Вима Так(то).

Что касается самих монет Сотера Мегаса — безымянного царя, приписываемых до сих Куджуле Кадфизу или Виме II Кадфизу, то Дж. Крибб относится к их идентификации с не-

которой долей сдержанности. По его мнению, не обоснована связь монет Сотера Мегаса с Вимой II Кадфизом, вероятнее всего, их начали чеканить в конце правления Куджулы Кадфиза и продолжали при Виме Так(то) [264. Р. 97-101].

Однако в свете ряда данных, мне представляется, что эмиссия монет Сотера Мегаса принадлежит целиком Виме Так(то). Хорошо известно, что все кушанские цари осуществляли массовые выпуски монет, особенно бронзовых. Поэтому мало вероятно, что один из великих создателей Кушанской империи — Вима Так(то) почти не имел собственного чекана монет, за исключением той немногочисленной группы, о которой сказано выше.

Монеты Сотера Мегаса в значительном количестве встречаются в Северной Бактрии, где нет монет Куджулы Кадфиза. Согласно китайским письменным источникам, первому кушанскому царю Qiu-jiu-gue (что передает в китайской транскрипции имя Куджулы Кадфиза) наследовал его сын Yen-gao-zhen, завоевавший Индию, в котором все прежние исследователи видели Виму Кадфиза, на чем и строилась ранее последовательность правления кушанских царей. Однако данные бактрийской надписи из Рабатака убедительно свидетельствуют, что Yen-gao-zhen — это Вима I Так(то) и именно он завоевал Индию, во всяком случае до Матхуры, знаменитое святилище которой, согласно Дж. Криббу, возведено Вимой Так(то). Таким образом, есть основание считать, что монеты безымянного царя Сотера Мегаса принадлежали не Виме II Кадфизу, а Виме Так(то).

Бактрийская надпись из Рабатака позволяет выдвинуть новую интерпретацию ряда проблем истории ранних Кушан, а также определить подлинного создателя могущества Кушанской империи — Виму I Так(то). При нем, в частности, были завоеваны Северная и часть Центральной Индии, а также вся Северная Бактрия вплоть до Гиссарского хребта (судя по массовым находкам здесь монет Сотера Мегаса), где, вероятно, при этом царе в районе Железных ворот была создана мощная фортификационная система, защищавшая Кушанскую империю от набегов кочевников с севера [145. С. 57-58; 157. С. 70; 164. С. 34-39; 165. С. 4-5].

Это была именно система, так как различного рода фортификационные сооружения закрывали все перевалы и проходы, ведущие из Согдианы в Бактрию, а не только Дарбандский проход — Железные ворота, как мы полагали ранее. Среди них и мощные крепости типа Узун-дара, выявленной нами в 1992 г. на самой вершине Кугитанга и перекрывающей одну из главных дорог из Согда в Бактрию [165. С. 4-5].

В связи с этим я и предполагал, что Северо-Западная Бактрия (в пределах нынешней Сурхандарьинской области) представляла собой пограничную область (маркграфство), во главе которой стояло особое лицо — канаранг, в бактрийском написании — каралрагго. Титул этот, как известно, выявлен в эпиграфических памятниках Сурх-Котала и Рабатака в сочетании с именами — каралрагго Ноконзок, каралрагго Шафар. Не исключено, что в какое-то время при царе Хувишке канарангом этой области был Шодийа, имя которого выявлено в бактрийской надписи из Айртама. Судя по содержанию этой надписи, прочитанной В. А. Лившицем и мною, Шодийа руководил работами по восстановлению святилища — багалагго в Айртаме и осуществлял здесь другие работы, в частности, по очистке ирригационных сооружений [190].

В свете этих фактов представляется некорректным недавно высказанное Б. Я. Стависким мнение о том, что Дарбандская стена принадлежала к типу так называемых длинных стен, возводимых вокруг некоторых оазисов, и не означала границу государства, в данном случае Кушанского [186]. Это была именно граница, которая отделяла Кушанское государство от согдийских владений, где правили представители того же юечжийского этноса (дом Чжаову), но иных династий, в частности, династии Гиркода. Нет никаких свидетельств кушанской политической доминанты в Среднеазиатском Двуречье или вассальной зависимости юечжийских владений Согда и Хорезма от Кушанской державы. Напротив, это были совершенно самостоятельные владения, а Хорезм — царство, что подтверждается титулом MR⁹ MLK⁹ — государь-царь, со своей четко выраженной символикой, а денежное обращение и товарное производство там достигли высокого уровня раз-

вития. Об этом, в частности, свидетельствуют разнообразие и массовость монетных эмиссий.

Таким образом, именно во время правления Вимы Так(то) была создана Великая Кушанская империя, включавшая в себя современную территорию юга Узбекистана и Таджикистана, Афганистан, Пакистан, Северную и Центральную Индию, т. е. во много раз превышавшая по площади царство его отца Куджулы Кадфиза, занимавшее область Кабулистана и Гандхары. Усилия Вимы Так(то) по укреплению могущества Кушанской империи были успешно продолжены его внуком — Канишкой I.





МОНЕТЫ САПАДБИЗА

История Бактрии в период после падения греко-бактрийского царства и вплоть до вхождения ее в состав Кушанского государства весьма сложна и во многом неясна, что связано с почти полным отсутствием письменных источников. Исключения составляют краткие данные китайских хроник и не менее скудные известия греко-римских письменных источников. В силу этого обстоятельства особое значение приобретают археологические и особенно нумизматические данные, которые в отличие от первых могут дать более конкретные и важные сведения по политической истории Бактрии. Нумизматические материалы неоднократно привлекались для решения ряда сложных проблем истории Юечжийской Бактрии. Вместе с тем не все группы монет, обращавшиеся здесь в юечжийское время, подвергались детальному и всестороннему анализу. К числу таковых, как нам представляется, относятся монеты правителей Западной Бактрии, условно объединенных нами под одним названием — монеты династии Сападбиза.

История изучения. Серебряные монеты Сападбиза или Сапалейзиса, как было принято их обозначать первоначально, (Л. ст. Бюст правителя в македонском шлеме вправо, легенда ΣΑΠΑΔΒΙΖΗΣ / Об. ст. Фигура хищного зверя вправо, над ним тамга, слева и справа от хищника легенда: NANAIA)

стали известны науке в конце XIX в., после публикации 2 экз. данных монет английским нумизматом П. Гарднером [224. Р. 119. № 14-15] (таб. XV).

В 1914 г. В. Уайтхэд опубликовал еще одну серебряную монету Сападбиза из коллекции Лахорского музея [267. Р. 166. № 130].

В начале 50-х годов XX века серебряная монета Сападбиза была найдена на городище Зартепа в Сурхандарьинской области Узбекистана и несколько позднее издана Л. И. Альбаумом [8. С. 37-38]. Кстати сказать, это первая находка монеты Сападбиза с точным местонахождением.

Еще одна серебряная монета Сападбиза из собрания Гос. Эрмитажа издана Е. В. Зеймалем [58. С. 194, таб. IV, 10]. В 1979 г. Д. Макдауэлл и М. Ибрахим опубликовали аналогичную монету из собрания Гератского музея [240].

Восьмидесятые годы двадцатого столетия ознаменовались публикацией ряда монет Сападбиза, имевших точный паспорт находки. Так, И. Т. Кругликова и Б. И. Вайнберг издали серебряную монету Сападбиза, найденную на городище Дильберджин, расположенного вблизи Балха в Северо-Западном Афганистане [30. С. 179, № 54]; а автор данной статьи уникальную медную монету аналогичного типа из находок Л. И. Альбаума на городище Хайрабадтепа в Сурхандарьинской области Узбекистана [149. С. 94]. Публикация довольно большого числа монет Сападбиза принадлежит М. Митчинеру, который издал в общей сложности 14 серебряных монет этого правителя: 12 экз. из собрания Британского музея и две из личной коллекции [246. Р. 56-57].

П. Гарднером, а затем и М. Митчинером были опубликованы также две серебряные монеты аналогичного монетам Сападбиза типа, но на которых вместо имени ΣΑΠΑΔΒΙΖΗΣ проставлена легенда ΑΓΙΣΙΑΝΣ, передающая, видимо, личное имя другого правителя. М. Митчинером издана также анэпиграфная монета близкого во всех деталях типа, но с лицом правителя в фас, а не в профиль [245. Р. 303].

Кроме того, нам известны еще три неопубликованные серебряные монеты Сападбиза — одна из коллекции Музея истории в Ташкенте. Вторая (фрагмент) — найдена на горо-

дище Кампыртепа в Сурхандарьинской области Узбекистана [152. С. 95-106; 203], третья — хранится в Кабинете медалей Национальной библиотеки Франции и происходит из сборов М. Ле Берра в Афганистане.

Таким образом, в настоящее время нами зафиксировано 20 монет, относящихся к чекану Сападбиза или родственных ему правителей, — из них 19 серебряных и одна медная монета.

К монетам Сападбиза тесно примыкают монеты с надчеканом — круг в точечном ободке, внутри круга голова «в македонском шлеме», зафиксированном на подлинных серебряных монетах парфянского царя Фраата IV (38-2 гг. до н. э.), а также на местных подражаниях им. Впервые на связь их с монетами Сападбиза указал В. Рос, опубликовавший семь подражаний и одну подлинную драхму Фраата IV из коллекции Британского музея, поступившие сюда через Индию. Одна из них подлинная драхма Фраата IV с надчеканом, две — подражания с ложным надчеканом [269. P. 114, Pl. XXI, № 4-6].

Аналогичная монета с ложным надчеканом найдена в Беграме [227. Pl. XXII, № 7]. А. Симонетта, помимо восьми экз. из Британского музея, издал еще подражания драхме Фраата IV с подлинным надчеканом из своей коллекции [263. Table 1, 5]. Д. Селлвудом также были изданы медные подражания монетам Фраата IV с аналогичным надчеканом — по его классификации надчекан IV типа [262. P. 301].

Подлинная драхма Фраата IV с надчеканом — голова в македонском шлеме — найдена в 1978 г. в погребении № 6 некрополя Тиллятепа в Северном Афганистане и издана Г. А. Кошеленко и В. И. Сарияниди, которые также считают, что данный надчекан принадлежал Сападбизу [179. С. 309]. Большой интерес представляют находки на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) 69 серебряных подражаний парфянским драхмам Фраата IV с ложным надчеканом — бюст безбородого правителя в македонском шлеме вправо [53. С. 129-135]. В последние годы два бронзовых подражания монетам Фраата IV с аналогичным надчеканом найдены на цитадели городища Кампыртепа при раскопках Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Кроме того, здесь



*Таб. XV. Монеты Сападбиза. Лицевые (вверху)
и оборотные (внизу) стороны. Коллекция Британского музея.*



же обнаружены три аналогичные монеты с надчеканом — безбородый правитель влево с непокрытой головой.

Топография монет и место их чеканки. Из всех известных сейчас монет Сападбиза только четыре имеют точный паспорт находки. Три из них найдены в Южном Узбекистане — Зартепа, Кампыртепа, Хайрабадтепа и одна в Северо-Западном Афганистане в Балхском оазисе, на городище Дильберджин. В Южном Таджикистане и в Северо-Восточном Афганистане находок аналогичных монет неизвестно. Это дает право говорить о том, что они выпускались на территории, которая в историко-географическом плане относилась к Западной Бактрии, включая Балхский и Шиберганский оазисы, а также долину Амударьи, к западу от Термеза. Места находок монет Агезилеса и безымянного правителя неизвестны, но исходя из того, что они по всем иконографическим и в первом случае, и в эпиграфическом отношении аналогичны монетам Сападбиза, то можно считать, что они также чеканились в данном районе Бактрии.

Иконография и эпиграфика монет. На лицевой стороне монет данной группы изображен бюст правителя вправо в т. н. македонском шлеме.

Подобный шлем отмечен только на греко-бактрийских монетах, а также на подражаниях монетам Евкратиды.

В македонском шлеме изображались, в частности, великие греко-бактрийские цари Евкратид I и Менандр Сотер, а также правители мелких владений, образовавшихся после распада греко-бактрийского царства, — Стратон I, Антиалкид, Филоксена, Диомед, Аминта, Архебиос. В принципе с монет каждого из этих правителей мог быть заимствован иконографический тип лицевой стороны монет Сападбиза, но для решения данного вопроса решающее значение имеет топография монетных находок этих правителей. В Западной Бактрии отсутствуют находки монет Менандра Сотера, Стратона I, Антиалкиды, Филоксены, Диомеды, Аминты и Архебиоса, чьи владения находились за пределами этой области, вероятно, на территории Северо-Западной Индии, Гандхары и Кабулистана.

В то же время здесь в достаточно большом количестве встречаются монеты Евкратиды I, в особенности оболы. Так,

только на городище Кампыртепа найдено шесть оболов и драхма этого царя, причем, судя по стратиграфии монетных находок, оболочки Евкратида обращались здесь, по-видимому, и в юечжийское время. Таким образом, можно считать, исходя из топографии монет Евкратида и других правителей, что лицевая сторона монет Сападбиза была заимствована с подлинных монет Евкратида.

Вместе с тем Е. В. Зеймаль считает, что монетам Сападбиза типологически предшествуют не подлинные монеты Евкратида, а подражания его оболам, среди которых он выделяет восемь серий [57. С. 189-190]. Нам представляется, что подобный прототип для монет Сападбиза невозможен по двум причинам. Во-первых, на территории Западной Бактрии, где обращались его монеты, отсутствуют находки подражаний оболам Евкратида, в основном локализующиеся в Южном Таджикистане [57. С. 177-190]. Во-вторых, на монетах последних серий подражаний оболам Евкратида македонский шлем настолько искажен, что он весьма отдаленно напоминает свой прототип, тогда как на монетах Сападбиза представлен классический его образец, восходящий непосредственно к шлемам на подлинных монетах Евкратида. Обратимся теперь к анализу оборотной стороны, на которой имеется изображение хищного зверя, стоящего вправо, тамги в виде полукруга с треугольным основанием, а справа и слева греческая легенда одинакового содержания NANAIА, означающая имя великой переднеазиатской богини Наны.

Изображение фигуры хищника в подобной позе свойственно ряду греко-бактрийских монет, в частности монетам Агафокла и Панталеона, где, как считают, изображена пантера [211. Р. 176, 182]. Однако в контексте с именем Наны, неизменным спутником в иконографии которой как в более раннее время в Месопотамии, так и в более поздний кушанский период на территории Кушанского царства является лев [253. Р. 84-85], можно безусловно считать, что и на монетах Сападбиза изображено данное животное.

Таким образом, исходя из вышеприведенных данных очевидно, что на своих монетах Сападбиз выступает как приверженец старых греко-бактрийских традиций. Об этом говорит,

в частности, лицевая сторона его монет с изображением правителя в македонском шлеме, копирующая лицевые стороны монет Евкратиды, фигура хищника вправо, как на греко-бактрийских монетах, наличие легенд, исполненных греческими буквами. В отличие от греко-бактрийских монет новшеством здесь является наличие тамги и почитание богини Наны.

Тамги, как родовой или династический знак — непременная принадлежность кочевой знати, появляются в Бактрии, по-видимому, с приходом сюда саков и особенно юечжей. Помещение тамг на монетах широко распространено у кушан, начиная с Куджулы Кадфиза и затем постоянно на монетах каждого кушанского правителя. Ни на каких других монетах, чеканившихся в Бактрии после греко-бактрийского времени (подражания монетам Гелиокла и Евкратиды, монеты Кушана («Герая») и Фсейгахариса), тамги не проставлялись. Воздерживаясь пока от дальнейшей исторической интерпретации, отметим, что тамга на монетах Сападбиза отличается от кушанских тамг, что дает право говорить о том, что в Западной Бактрии правили представители иного рода или династии, нежели кушанская. Весьма интересен тот факт, что в качестве своего божества-покровителя правители Западной Бактрии выбрали Нану, одну из древнейших богинь, культ которой первоначально сложился в Месопотамии. Имя богини Наны (Inana-Ishtar) — Госпожи неба (Lady of Heaven) — зафиксировано в ранних месопотамских литургических текстах; в скульптуре и глиптике она изображалась в виде женщины, стоящей на льве или львах, держащей в руке стрелы и жезл, цветы или скипетр. Вот как она описывается на глиняных таблицах, обнаруженных в храме Мардука в Вавилоне [253. Р. 86].

Культ Наны продолжает сохранять свое значение в эллинистическое и парфянское время. Ее имя в форме NANAIA, аналогичной легенде на монетах Сападбиза, зафиксировано в надписи, обнаруженной при раскопках храма III-II в. до н. э. в Дура-Европос [219. Р. 85], на votивных табличках из Пальмиры, в надписи, найденной вблизи Ассура, где она также упомянута в форме NANAIA, которая, как полагают, является западной формой этого имени в отличие от восточ-

ной — NANA [253. P. 85]. Особо широкое распространение культ богини Наны получил в Сузах, где имя ее упоминается в многочисленных надписях, а ее изображение помещено на каждой из чеканившихся здесь монетах [212. P. 55].

Почитание культа богини Наны в середине — второй половине II в. н. э. зафиксировано также в Хатре — одном из главных торговых городов, стоявших на трассе Великого шелкового пути, соединявшего страны Восточного Средиземноморья и Месопотамии с Бактрией и другими историко-культурными областями Средней Азии.

Широкое распространение получает культ богини Наны в Кушанском царстве. Об этом свидетельствуют многочисленные монеты Канишки и Хувишки, на оборотной стороне которых изображена стоящая вправо, иногда влево, богиня с нимбом, украшенным полумесяцем, в длинных драпирующихся одеждах, держащая в правой руке жезл, завершающийся протомой животного, в сопровождении легенды, где имя богини передано в разной форме: NANAIA, NANA, NANAPAO [229. P. 74, 76, 77, 90, 93]. Известны также редкие монеты Хувишки с изображением на оборотной стороне стоящей влево богини Наны, а перед ней — коленопреклоненной фигуры царя [229. P. 87]. Образ богини Наны встречается в кушанской глиптике. На одной из кушанских гемм-инталий богиня Нана представлена сидящей на льве с жезлом, украшенным протомой животного в правой руке [253. P. 84, fig. 10]. Изображение богини сопровождает бактрийская надпись FREINOADNO, представляющая собой имя бактрийского вельможи, возможно, отца наместника Ноконзока, упоминаемого в большой сурхкональной надписи [253. P. 87]. Храм богини Наны, датирующийся первыми веками нашей эры, открыт на городище Дальверзинтепа в Сурхандарьинской области Узбекистана [142. С. 75-90].

Вместе с фактом широкого и всестороннего поклонения культу богини Наны в кушанской Бактрии остается неясным вопрос о времени и путях проникновения данного культа в эту область. Ф. Грене считает, что культ Наны проникает в Бактрию гораздо раньше культа Сераписа и Кибелы, в до-селевкидский период, основываясь на неразрывной, по его

мнению, связи Наны и Анахиты. Не вдаваясь во всю сложность этой проблемы, отметим, что это всего лишь предположение, хотя и достаточно хорошо аргументированное [212. P. 161-171].

Наряду с этим, обзор имеющихся археологических и исторических данных показывает, что монеты Сападбиза являются наиболее ранним документальным свидетельством наличия культа богини Наны в Бактрии, во всяком случае, в западной ее части.

Отметим еще одно важное обстоятельство — монеты Сападбиза являются также самыми ранними монетами Бактрии, на которых впервые встречается обозначение имени божества, что затем, начиная с Канишки I, широко внедряется на кушанских монетах. Таким образом, можно полагать, что в данном случае монеты Сападбиза оказали определенное влияние на кушанскую нумизматику.

Тот факт, что культ Наны в Бактрии зафиксирован впервые в западной ее части, определенным образом свидетельствует о его проникновении сюда из Месопотамии через Парфянское царство, где, как мы уже отметили выше, он имел широкое распространение во многих городах. Его распространение шло, вероятно, по одному из отрезков Великого шелкового пути, который, согласно дорожнику македонского купца Мая, начинался в Гиерополе в Восточном Средиземноморье, пересекал Месопотамию и Прикаспийские области, а затем через Маргиану и Арею выходил в Бактрию [146. С. 125-140]. Вероятно, были и другие пути, связывающие Парфию и Бактрию. Не останавливаясь здесь на политическом аспекте взаимоотношений Парфянского царства и Юечжийской Бактрии, который будет рассмотрен ниже, отметим, что в последние годы выявлено немало фактов культурных взаимоотношений двух соседних государств. Как считают Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, погребальный инвентарь из тиллятепинского некрополя был во многом связан с сако-парфянским кругом [141. С. 22]. В составе скульптуры Халчаяна отмечена голова парфянского принца, возможно, свидетельствующего о существовании каких-то династических связей между юечжийскими правителями и Ар-

шакидами. Следы парфянских влияний имеются в коропластике и погребальных сооружениях [90. С. 91-94; 145. С. 82-83]. Интересные в этом отношении находки сделаны на городище Кампыртепа; здесь, помимо парфянских бронзовых монет Орода II, Фраата IV, Фраата V, Готарза I, обнаружены две статуэтки явно парфянского происхождения. Одна из них — деревянная статуэтка в серебряном окладе передает образ пожилого мужчины в коротком кафтане и драпирующихся штанах, аналогичных одеянию известной бронзовой статуи парфянского принца из Шами [199. Рис. 160; 227. Р. 89].

Терракотовая статуэтка, изображающая правителя в высоком головном уборе (куляхе) с горделивыми чертами лица и характерной подстрижкой усов и бороды, имеет близкие аналогии в скульптуре Хатры [199. Рис. 159].

Здесь же вскрыта восьмилучевая в плане гончарная печь, восходящая к маргиано-парфянскому кругу, а не бактрийско-кушанскому, для которого характерны прямоугольные или круглые в плане печи. Таким образом, можно констатировать достаточно сильные парфянские культурные влияния в Западной Бактрии. Поэтому не случайно, что ее правители выбрали в качестве своего божества-покровителя богиню Нану, чей культ имел широкое распространение во многих городах Парфянского царства.

Хронология. Относительная и абсолютная датировка монет правителей Западной Бактрии во многом зависит от количества и качества имеющегося материала. К сожалению, данных монет еще не столь много, чтобы на их основании выявить типологические ряды, но уже наличие в них по крайней мере трех групп (Сападбиз, Агезилес, безымянный чекан) свидетельствует об их чеканке в достаточно протяженный отрезок времени.

Сложнее решить вопрос о принадлежности правителям Западной Бактрии монет и подражаний монетам Фраата IV с характерным надчеканом — голова в македонском шлеме вправо. В. Росс, а вслед за ним Г. А. Кошеленко и В. И. Сариниди полагали, что подобного типа надчеканы принадлежали Сападбизу, основываясь на сходстве изображений на его монетах и в надчекане [179. С. 311]. Однако Е. В. Зей-

маль полагает, что протяженный типологический ряд для надчекана и более непосредственное примыкание к подражаниям оболам Евкратиды не позволяет согласиться с подобной исторической интерпретацией этих монет. Вместе с тем нам представляется возможным выпуск подобных надчеканов в разных частях Бактрии. Мы основываемся в данном случае на ряде наблюдений. В Западной Бактрии, наиболее сильно подвергшейся парфянскому влиянию, о чем, в частности, говорит и достаточно большое количество найденных здесь парфянских монет: две из Дильберджина [30. С. 179], одна драхма Митридата II из некрополя Тиллятепа [179. С. 307-308], одна из Мазари-Шарифа [241. Р. 210]. Около 10 парфянских, причем бронзовых монет, обнаружено на городище Кампыртепа: Ород II (58-39 гг. до н. э.), Фраат IV (40-3 гг. до н. э.), Фраат V (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.), Готарз II (ок. 43-50 гг. н. э.). Две драхмы Митридата II (124-88 гг. до н. э.) и Синатрука (77-70 гг. до н. э.) найдены в Старом Термезе, а драхмы Синатрука и Фраата III (70-58 гг. до н. э.) на городище Мирзабек-кала [130. С. 195]. В то же время в Южном Таджикистане, где локализуются подражания оболам Евкратиды, неизвестны находки подлинных парфянских монет. К тому же в Западной Бактрии найдены подражания монетам Фраата IV с надчеканом головы в македонском шлеме вправо — одно серебряное из некрополя Тиллятепа [179. С. 309] и два бронзовых — на городище Кампыртепа.

Эти данные позволяют полагать, что выпуск подражаний монетам Фраата IV первоначально осуществлялся в Западной Бактрии, где на них впоследствии проставлялись надчеканы, о чем говорят бронзовые монеты подобного типа, в других местах Бактрии не обнаруженные. Какая-то часть серебряных монет подобного типа в силу торговых связей проникала в Восточную Бактрию, где могла надчеканиваться правителями, выпускавшими подражания оболам Евкратиды.

Однако в целом нам представляется, опираясь на места находок именно бронзовых подражаний монетам Фраата IV с надчеканами, что они выпускались правителями Западной Бактрии (не обязательно только одним Сападбизом), династия которых, судя даже по имеющимся монетам, была доста-

точно большой. В связи с этим встает вопрос об относительной хронологии этих монет. Монеты Сападбиза и Агезилеса — это уже совершенно самостоятельный монетный тип, поэтому вряд ли возможно, что вначале чеканятся они, а затем надчеканы на монетах Фраата IV, подражания этим монетам с надчеканом и с ложным надчеканом.

Как известно, у «варварских» народов, не имеющих до этого собственных традиций монетного дела и вставших на путь создания самостоятельной монетной чеканки, отмечены две основные формы развития. Одна из них — выпуск подражаний по образцу прежде обращавшихся на той или иной территории монет. Пример тому — чеканка юечжами после завоевания ими Бактрии, подражаний монетам Гелиокла и Евкратида. Другая форма — надчеканы на подлинных монетах, а затем и на подражаниях, по мнению Е. В. Зеймаля, стадильно стоявшая выше по сравнению с «варварскими» подражаниями [53. С. 134].

В данном случае можно предложить следующую реконструкцию этапов становления самостоятельной монетной чеканки в Западной Бактрии. Она началась, как и в других районах Бактрии, с выпуска подражаний по образцу наиболее ходовой монеты, обращавшейся здесь, — т. е. монет Фраата IV, следующая стадия — появление надчеканов на подлинных монетах этого правителя и на подражаниях им, а также выпуск монет с ложными надчеканами и, наконец, чеканка собственных монет от имени западнобактрийских правителей Сападбиза и Агезилеса.

Преращение выпуска монет этих правителей связано с включением Западной Бактрии в состав Кушанского государства и появлением здесь массовых выпусков монет кушанских царей, начиная с Сотера Мегаса (Вимы Так(то)).

Не менее сложен вопрос и об абсолютной хронологии этих монет. Ряд исследователей полагают, что они чеканились в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. [141. С. 8-9; 145. С. 48-49; 179. С. 311] По мнению же Е. В. Зеймаля, подражания оболам Евкратида, которые он подразделяет на семь серий, типологически предшествуют монетам Сападбиза, а поскольку седьмая серия датируется, якобы, второй поло-

виной — началом II в. н. э., то соответственно монеты Сападбиза нельзя относить ко времени ранее конца I — начала II в. н. э. [57. С. 189]. Выше мы уже отметили, что по ряду причин подобный прототип для монет Сападбиза невозможен, а следовательно, предложенная Е. В. Зеймалем их датировка не корректна.

Ключевым в данном вопросе является вопрос о принадлежности Сападбизу или другим правителям Западной Бактрии надчеканов на парфянских монетах Фраата IV (40-3 гг. до н. э.) и Фраата V (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.). Как мы показали вслед за рядом других ученых, но опираясь и на новые данные, подобное предположение наиболее вероятно. Поскольку на монетах более ранних парфянских царей аналогичные надчеканы отсутствуют, то можно предполагать, что начальный этап сложения самостоятельной монетной чеканки правителей Западной Бактрии относится к последней четверти I в. до н. э. Определение же завершающего их этапа непосредственным образом связано с проблемой абсолютных дат правления кушанских царей. Сопоставление довольно многочисленных эпиграфических памятников с территории Кушанской империи, где упоминаются кушанские цари, датированные по «неизвестной эре» и «эре Канишки» с другими датированными эрами (эра Сака, эра Викрама, эра Калачури), пока не привело к положительному результату. Колебания в определении начальной даты Канишки (НДК) — краеугольного камня кушанской абсолютной хронологии весьма ощутимы: от 37 г. до н. э. до 278 г. н. э. Обзор различных мнений в отношении НДК приведен в 1968 г. Е. В. Зеймалем, отметившем, что для решения кушанской хронологии предложено более тридцати вариантов дат [54. С. 132-135].

С тех пор появился еще ряд публикаций по этой проблеме. Здесь же укажем, что в научной литературе наиболее распространены следующие варианты начальной даты Канишки: 78 г. н. э. (Фергюссон, Ольденбург, Томас, Лохайзен де Леве); 103, 105, 128 (Нарайн, Смит, Ван Вийк, Конов); 144 г. н. э. (Гиршман), 225, 230 г. н. э. (Гёбль); 278 г. н. э. (Бхандаркар, Зеймаль). Исследования двух последних десятилетий

не решили проблему. Отметим исследования Ж. Фуссмана, относящего время правления Куджулы Кадфиза между 20-46 г. н. э., а начальную дату Канишки к 78 г. н. э., но эта точка зрения также основана на различного рода допущениях [222. Tabl. LXI. P. 41-50]. Вместе с тем привлекаемый для доказательства того или иного варианта даты Канишки круг источников остается прежним, и его исследование не может решить проблему кушанской абсолютной хронологии. Один из реальных путей ее установления — совместные находки в археологических слоях или кладах кушанских монет и монет парфянских, римских и сасанидских царей, имеющих уточненные даты правления. Анализируя клад из Ахин-поша, Е. В. Зеймаль пришел к пессимистическому выводу о том, что следует отказаться от попыток установления кушанской абсолютной хронологии по совместным находкам монет. Этот вывод не кажется нам убедительным. Единичные случаи совместных находок и выводы исследователей, вытекающие из них, конечно, субъективны. Однако использование серий монетных находок, образующих временной ряд, в котором на всем протяжении кушанские монеты сочетаются с хорошо датированными монетами, дает возможность определить *terminus ante quem* и *terminus post quem* существования Кушанского государства и, в определенной мере, временные рубежи правления кушанских царей.

Рассмотрим в хронологическом плане совместные нумизматические находки из ряда археологических памятников, расположенных в разных частях Кушанского царства и за его пределами: Ахин-пош, Сиркап-Таксила (Гандхара), Дальверзинтепа, Кампыртепа и Хайрабадтепа (Северная Бактрия), Бард-и-Нишанде (Иран).

На цитадели Кампыртепа определены три периода ее обживания: эллинистический, представленный монетами Антиоха (280-261 гг. до н. э.) и греко-бактрийских царей (середина III в. до н. э. — 40-е годы II в. до н. э.), юечжийский и кушанский, заключительная фаза которого датируется монетами Канишки.

Для юечжийского периода обживания зафиксированы находки в одном культурном слое парфянской монеты Фраата

IV (40-3 г. до н. э.), Фраата IV и Фраата V с надчеканами, а также подражаний монетам Гелиокла. Для начальной стадии третьего периода отмечены находки в одном культурном слое монеты Фраата IV с надчеканом, а также лежащих друг на друге монеты Сотера Мегаса мелкого номинала и мелкой парфянской монеты, вероятно, Готарза II (43-50 гг. н. э.) с изображением на аверсе царя в зубчатой короне влево, а на реверсе — головы рогатой лошади [242. Р. 12-13. Fig. 110]. В верхнем слое цитадели, на полу одного из помещений, обнаружены две монеты — халк Канишки и парфянская монета с изображением царя в диадеме и надчеканом в виде головы правителя. По типу эта монета близка парфянским монетам I в. н. э. [130. С. 120-124. Таб. IV].

Для датировки монет Сотера Мегаса существенны также другие находки. Так, в Сиркапе-Таксилы во II (парфянском) и III (сакском) слое найдено, наряду с двумя монетами Кушана («Герая»), восемь монет Сотера Мегаса. Показательно, что монеты Куджулы Кадфиза именного чекана появляются здесь уже в IV (раннесакском) слое, но присутствуют также и в поздне-сакском и парфянском слоях. Стратиграфический слой с монетами Сотера Мегаса датируется не позднее первой четверти I в. н. э. [244. Р. 783, 792, 812].

На городище Хайрабадтепа (Южный Узбекистан) в одном из помещений найден сестерций Нерона (54-68 гг. н. э.) и халк Сотера Мегаса, а также монеты Вимы Кадфиза (которые В. Д. Жуков ошибочно отнес к разным номиналам чекана Васудевы) и Васудевы. К сожалению, он не дает полного распределения этих монет [50. С. 184-185]. При раскопках ступы в Ахин-Поше в реликварии и рядом с ним были обнаружены двадцать золотых монет: 10 — Вимы Кадфиза, 6 — Канишки и три римских ауреуса Домициана (81-96 гг.) и Трояна (98-117 гг.) и одна — жены Адриана (117-138 гг.) — Сабины, начало чекана ее монет 128 г. [54. С. 114].

Обратимся теперь к кладу из Бард-и-Нишанде, включающему 5 тыс. монет Элимаиды II в. н. э. (наиболее поздние из них — 5 экз. датируются концом II — началом III в. н. э.) и халк Канишки [226. Р. 13-14]. В научной литературе справедливо отмечено, что данный клад свидетельствует о невоз-

возможности отнесения даты правления Канишки позднее II в. н. э. [75. С. 194; 185. С. 27]. На Дальверзинтепа на раскопе Дт-18 найден клад монет, состоящий из восьми подражаний монетам Васудевы и Канишки III и драхмы Шапура I (241-271 гг.).

Сопоставим имеющиеся материалы. Монеты Сотера Мегаса в двух случаях сочетаются с монетами, датированными второй — третьей четвертью I в. н. э. К тому же А. Симонеттой опубликована монета Сотера Мегаса с надчеканами парфянского царя Пакора (35-55 гг. н. э.). Согласно его мнению, Сотер Мегас правил в 35-50 гг. н. э. [263. Р. 49].

В целом эти данные подтверждают выдвинутую М. Е. Массоном датировку монет Сотера Мегаса промежутком 30-40 — 60-70 годов I в. н. э. [118. С. 38].

Монеты Канишки в одном случае сочетаются с римскими конца I — начала второй четверти II в., в другом — с парфянской монетой первой половины II в. н. э. и элимаидскими монетами II в. Эти данные определяют временной диапазон их чеканки не ранее и не позднее II в. н. э.

И, наконец, подражания кушанским монетам — Васудевы и Канишки III сочетаются с сасанидской драхмой Шапура I (241-272 гг. н. э.). Это показывает, что по крайней мере в третьей четверти III в. н. э. монеты последних великих кушанских царей Васудевы и Канишки III уже не чеканились, но уже появляются их подражания. К тому же отметим, что выпуск подражаний начинался ранее, чем они выпали из обращения, соответственно и верхний хронологический рубеж существования Кушанского государства приходится на время более раннее, чем третья четверть III в. н. э. и первый год (241 г.) правления Шапура I. В хронике династии Вей сообщается о прибытии к китайскому двору в январе 230 г. н. э. посольства с дарами от царя да-юечжи Васудевы [273. Р. 371]. Если исходить из нашего предположения о том, что был только один кушанский царь по имени Васудева, тождественный Канишке III, то время падения государства Великих Кушан, учитывая нумизматические данные, приходится, вероятнее всего, на вторую четверть — середину III в. н. э. К 261 г. н. э., как это указывается в надписи на Каабе Заратуштры, весь Кушаншахр до Пашкабура уже принадлежал Сасанидам.

Таким образом, вышеприведенные данные позволяют построить временной ряд для кушанских монет. В нижних его пределах на середину I в. н. э. приходится один из этапов обращения монет Сотера Мегаса — Вимы Так(то). Верхний предел выпуска кушанских монет ограничен второй четвертью III в. н. э. В середину этого ряда закономерно укладываются монеты Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки, что, в свою очередь, позволяет ограничить временные границы существования Кушанского царства в пределах рубежа н. э. — первой половины III в. н. э.

Исходя из этих данных, можно считать, что прекращение чеканки монет правителей Западной Бактрии приходится на середину — начало второй половины I в. н. э. в связи с завоеванием этой области кушанами при Сотере Мегасе и упразднением правящей здесь династии.

О принадлежности могильника Тиллятепа

Знаменитый некрополь Тиллятепа расположен в Северном Афганистане вблизи современного города Шибиргана и рядом с древним городищем Емшитепе, на территории, в историко-географическом плане относящейся к Западной Бактрии. По поводу его принадлежности высказано ряд предположений. Так, Г. А. Кошеленко и В. И. Сарияниди считают, что он принадлежал представителям одного из пяти кочевнических юечжийских владений [179. С. 313-316]. Напротив, Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель полагали, что Тиллятепа являлся некрополем местных правителей, находившихся под суверенитетом Аршакидов и был связан не с юечжийско-бактрийской, а с сако-парфянским кругом. Возражая вышеуказанным авторам, они писали: «Возникает вопрос — если это были захоронения одного из юечжийских родов, то почему в составе монетных находок нет столь характерных для Бактрии юечжийского времени «варварских подражаний» чеканам Евкратиды и особенно Гелиокла. Между тем монета Сападбиза свидетельствует о связи тиллятепинских погребений с парфянской, а не юечжийской средой» [141. С. 8]. Однако эти аргументы не представляются мне достаточно весомыми. Дело в том, что подражания чека-

нам Евкратида и Гелиокла сами по себе не определяют принадлежность того или иного могильника к юечжам. Если следовать логике авторов, то находки в этом могильнике римской, парфянской и индийской монет являются показателем принадлежности некрополя римлянам, парфянам и индийцам. К тому же все или почти все юечжийские владения имели собственные чеканы, в основном имеющие строгий ареал обращения — так, те же подражания оболам Евкратида обращались в Южном Таджикистане, а подражания монетам Гелиокла — в Северной Бактрии, в основном в Сурхандарьинской ее части. В Западной Бактрии, насколько нам известно, до сих пор не зафиксировано ни одной находки подражаний оболам Евкратида и всего лишь несколько подражаний монетам Гелиокла. Поэтому присутствие их в некрополе Тиллятепа необязательно.

Что же касается тезиса авторов о том, что монета Сападбиза свидетельствует о связи с парфянской средой, то, как мы показали выше, анализ его монет убеждает почти в полном их следовании греко-бактрийским традициям. Ничего специфически парфянского на его монетах нет, быть может, за исключением выраженного почитания богини Наны, культ которой, вероятно, проник в Бактрию через Парфию.

Исследователи датируют тиллятепинский некрополь I в. до н. э. — I в. н. э. и определяют его принадлежность высшей знати, о чем свидетельствует чрезвычайно богатый инвентарь, найденный здесь, в том числе около 20 тыс. предметов из драгоценных металлов [178. С. 112-154; 179. С. 306-316].

Нам представляется, что есть возможность более конкретной увязки этого могильника. Время его функционирования совпадает со временем создания в Западной Бактрии самостоятельного юечжийского владения, некоторые правители которого (Сападбиз, Агезилес) чеканили свои монеты. В свете этих данных можно предположить, что некрополь Тиллятепа принадлежал правящей здесь юечжийской династии, к которой принадлежали и вышеуказанные правители.



МОНЕТЫ ТАНЛИСМАИДАТА

История изучения

Серебряные монеты Танлисмаидата (Л.ст. Бюст правителя вправо в шлеме с выступающим козырьком. Шлем увенчан плюмажем. Бронированный воротник. Легенда греческими буквами: ΤΑΝΛΙΣΜΑΙΔΑΤΗΣ / Об. ст. Женский бюст вправо, в шапочке и лицевой накидке, с пальмовой ветвью в руке. Легенда: ΡΑΓΓΟΔΗΜΝ ΚΥΡΙΑ (таб. XVI) стали известны в науке после публикации двух из них А. Канингхэмом в 1889 г. [220. Р. 17]. Еще одна такая монета была издана в 1910 г. Аллотом де ля Фюи [278. 26]. В 1950 г. появилась публикация монеты Танлисмаидата в журнале «Numismatic Cronicle» [277. 17]. Издание его монет из коллекции Кабульского музея осуществлено Р. Гиршманом [245. Р. 402]. Две монеты этого правителя, хранившиеся в коллекции Кварони и Хемелина, опубликованы А. Симонеттой [263. Но 166]. Аналогичное число его монет из коллекции Ашмолеан музеум привел в своей статье Мартин [245. Р. 402].

Обобщающие сведения о всех монетах Танлисмаидата, в том числе выставленных на аукционе Сотби и хранящихся в коллекции Британского музея, привел в своей книге М. Митчинер [245. Р. 407]. Опираясь на его данные, мож-

но считать, что всего известно немногим более десяти монет этого правителя.

Для своего исследования о монетах Танлисмаидата я, помимо литературных источников, пользовался превосходными фотографиями его монет из коллекции Британского музея, любезно присланных моим коллегой Джо Криббом, которому я хочу принести искреннюю благодарность.

Иконография и эпиграфика монет

На некоторых монетах Танлисмаидата сохранилось изображение только головы и части шеи правителя, на других — полного бюста, заключенного в точечный круг. Эти изображения передают физический облик человека с массивной головой, крупным выдающимся вперед носом, покатым лбом, усами (?), большим глазом с выпуклым зрачком. Сравнивая его изображение с изображением других правителей Юечжийской Бактрии, можно заметить определенное сходство между ними, но не полную идентичность. Однако здесь мы не рассматриваем этот аспект, так как он требует особого специального исследования.

Судя по наиболее полным изображениям, правитель облачен в пластинчатый бронированный доспех с высоким, полностью закрывающим шею воротом. На голове его плотно облегающий шлем с небольшим козырьком. Шлем увенчан плюмажем, состоящим из стержня с отходящими от него вниз тремя лентами.

К. А. Абдуллаев впервые обратил внимание на сходство шлема, имеющегося на некоторых скульптурных персонажах из Халчаяна, со шлемом на монетах Танлисмаидата [4].

Действительно, не только шлем, но также доспех с высоким воротом находят аналогии в скульптуре двух воинов из Халчаяна [139. С. 205, 210-213]. В такой же доспех облачены сражающиеся воины на знаменитой костяной пластине из Кургантепа вблизи Самарканда, но шлемы у них иного типа [134. С. 149]. В то же время в аналогичный, только более высокий шлем с козырьком и доспехи с высоким воротом облачен воин, изображенный на фрагменте живописи из Дальверзинтепа [142].



*Таб. XVI. Монета Танлисмаидата с надчеканом.
Оборотная сторона. Коллекция Британского музея.*

Г. А. Пугаченкова при анализе скульптуры Халчаяна отвергла принадлежность скульптурных изображений бронированных воинов к сакским, парфянским или юечжийским воинам. Она считает, что оба этих воина передают бактрийцев — представителей коренного населения Бактрии [134. С. 212-213]. Однако некоторые исследователи не согласны с ее мнением. Так, П. Бернар видит в бронированных воинах Халчаяна саков, трактуя всю сцену как сражение между легковооруженными юечжами и тяжеловооруженными саками [210. Р. 458-468]. К сакской принадлежности бронированных воинов Халчаяна склоняется и К. А. Абдуллаев, который относит к сакам также изображения т. н. масхарабоза из Халчаяна, и воина на фрагменте живописи из Дальверзинтепа.

Возражая Г. А. Пугаченковой, М. В. Горелик указал, что ближайшими аналогиями доспехам воинов скульптуры Халчаяна являются панцири, представленные на индо-парфянских и индо-сакских монетах, приписывая тем самым происхождение халчаянского доспеха сакам [36. С. 85-96].

В отношении шлема с козырьком он, правда, «с большой осторожностью» считает возможным отнести его к позднему и развитому варианту т. н. «кубанских» шлемов [36. С. 100],

распространенных на степных пространствах Евразии. Между тем полностью аналогичных шлемов там не найдено, тогда как Бактрия дает уже четыре изображения персонажей в подобных шлемах: Халчаян, Дальверзинтепа, монеты Танлисмаидата.

На монетах Танлисмаидата шлемы подобного типа украшает плюмаж, правда, отсутствующий в халчаянской скульптуре и в изображении шлема из Дальверзинтепа. Причем плюмаж на шлеме Танлисмаидата весьма похож на плюмаж, украшающий шлем Евкратида, с таким же стержнем и отходящими вниз лентами [211. Р. 16-18].

Плюмаж как деталь, украшавшая шлем греческого происхождения, имеется на шлемах всех великих греко-бактрийских царей и индо-греческих правителей, изображенных на монетах [211. Pl. 27-50].

В то же время плюмажи не свойственны шлемам кочевнических народов, а если они и имелись у них, то были заимствованы у греков. Так, на шлеме одного из персонажей на костяной пластине из Кургантепа имеется нечто подобное плюмажу в виде стержня с отходящей прямой маленькой лентой [134. С. 149].

На всех монетах Танлисмаидата помещено изображение женского бюста вправо в точечном круге. На голове у нее небольшая шапочка, из-под которой на плечи ниспадают длинные пряди волос. Перед лицом изображена изогнутая линия, видимо, она передает лицевую накидку. В левой, протянутой вперед, руке женщина держит, вероятно, пальмовую ветвь — символ мира.

Изображения пальмовой ветви на монетах греко-бактрийских царей весьма редки. Пальмовые ветви сопровождают изображения Диоскуров на монетах Евкратида, пальмовую ветвь держит в левой руке Посейдон на монетах Антимаха [211]. Несомненно, что этот символ мира и согласия принесен в Бактрию греками.

Чаще помещается пальмовая ветвь на монетах парфянских царей, причем на них она изображена в совершенно аналогичной манере, свойственной изображению пальмовой ветви на монетах Танлисмаидата.

Две пальмовые ветви помещены на оборотной стороне драхм Фраата IV (40-3 гг. до н. э.), пальмовую ветвь держит в левой руке Ника, помещенная на оборотной стороне монет Вонона I (7-12 гг. н. э.). Ее изображение помещено перед женской фигурой на монетах Артабана III (10-38 гг. н. э.) [243. Pl. 3-4].

Отметим также и другие параллели между парфянскими монетами и монетами Танлисмаидата. К примеру, сочетание мужского бюста на л. ст. и женского на об. ст. несвойственно греко-бактрийским монетам, но в то же время весьма часто встречается на парфянских монетах. Так, на драмах Фраата V (3 г. до н. э. — 3 г. н. э.) на л. ст. имеется изображение бюста царя, а на об. ст. — его матери и супруги Музы, причем так же как и РАГГОДНМН, изображенной вправо. Сочетание — мужской бюст на л. ст., женский на об. ст. — отмечено также у Пакора (?-38 гг. до н. э.), Готарза (46-53 гг. н. э.) и Вологеза I (50-76 гг. н. э.) [243. Pl. 3-4]. На монетах Орода II (57-37 гг. до н. э.) также на л. ст. помещен бюст царя влево, а на об. ст. — женский бюст, но в фас.

Таким образом, приведенные аналогии свидетельствуют о непосредственном влиянии парфянской монетной иконографии на иконографию монет Танлисмаидата. Весьма интересные сведения можно извлечь из анализа этимологии имен. Согласно мнению Ф. Грене, высказанному в частной беседе, имя РАГГОДНМН состоит из двух древнеиранских слов: *gang-daeman*, где *gang* означает понятие цвета, а *daeman* — зрачок глаза, но в случае метонимии последнее слово может выражать и понятие «лицо». В таком случае имя РАГГОДНМН должно трактоваться как «обладающая цветным лицом», что на древнем Востоке считается синонимом женской красоты.

Но еще более важно, по нашему мнению, то обстоятельство, что общеиранское *gang* в легенде на монете дано в бактрийской форме — *ραγγο*, отражающей закономерный переход иранского суффикса «ng» в бактрийский «γγ» с удвоенной «γ» (ср., к примеру, бактрийское слово *καραγγο* в надписи из Сурх-Котала — правитель пограничной области, маркграф из иранского *karadrang*). Следовательно, можно допустить,

что госпожа РАГГОДНМН по своей этнической принадлежности являлась представительницей коренного населения.

Но здесь возможно и иное предположение — Танлисмаидат и его супруга правили в области, заселенной в большинстве своем бактрийским этносом, где уже в это время были приняты в официальных документах грамматические нормы бактрийского языка.

Что же касается имени ΤΑΝΛΙΣΜΑΙΔΑΤ, то в нем можно заметить некоторое влияние бактрийского языка. В этом имени ясно вычлняются два последних компонента Māh dāta, где mah — имя божества луны, а все сочетание означает «для божества луны» или «данный божеством луны». Но здесь имя лунного божества, как нам представляется, дано в бактрийской форме — Mai=Мао — зафиксированной на монетах Канишки и Хувишки, а не в западно-иранской, для которой свойственно написание этого имени с h — Mah. Но Мао не только имя божества, в бактрийском языке оно означает также и слово «луна». В форме Мауо это слово отмечено в известной надписи на булле, изданной Биваром, где в начале надписи стоит сочетание Мауо Καηηρκο. По мнению В. Хеннинга, «Луна-Канишка» — полное имя Канишки, которое он носил до вступления на царский престол. Это же слово зафиксировано и в одной из бактрийских надписей Урузгана, которую В. А. Лившиц переводит как «Б.(и. с?) джабгу, находящийся под защитой солнца и луны» [79. С. 71].

Что же касается первой части этого сложного имени ΤΑΝΛΙΣ, то она остается пока неясной. Весьма интересны и палеографические особенности монетных легенд. Для них в основном характерны монументальные формы букв, но в легенде на реверсе встречаются отдельные курсивные их начертания. В целом для начертания букв на монетах Танлисмаидата свойственны те же особенности, которые характерны для греческих надписей и монетных легенд в Бактрии и Парфии.

Однако обращает на себя внимание редкой формы начальное курсивное «ΡΟ» с закругленной верхней частью и изогнутым вовнутрь стволем в имени РАГГОДНМН. Подобной формы «ΡΟ» не зафиксировано ни в легендах на моне-

тах, чеканенных в Бактрии или Парфии, ни в эпиграфических надписях, где все «РО» имеют прямоугольный или выпуклый ствол.

В то же время аналогичное «РО» отмечено нами лишь в бактрийской надписи на фрагменте керамики из Старого Термеза [167. Рис. 1], которая никак не может быть датирована ранее I в. н. э.

Датировка монет Танлисмаидата и последовательность их выпуска

Исходя из материалов, имеющихся в моем распоряжении, можно наметить три, по-видимому, хронологически разных выпуска монет Танлисмаидата.

1. Четкое изображение; легенда без искажений.

2. Четкое изображение; в легенде появляются искажения. В частности, в слове РАГГОΔΗΜΝ вместо конечной η появляется йота; слово ΚΥΡΙΑ полностью искажено.

3. Изменение облика изображенных лиц; легенда становится нечитаемой.

На втором и третьем выпуске, на оборотной стороне появляется надчекан — голова правителя вправо с зачесанными назад волосами, и легендой ΟΤΑΝΝΗC. Наличие в чекане Танлисмаидата нескольких хронологически разновременных выпусков, среди которых третий тип, возможно, уже подражание, указывает на достаточно продолжительный период его правления.

М. Митчинер, например, а priori определил продолжительность его правления в 7 лет, а выпуск самих монет датировал между 85-78 гг. до н. э. Он опирался при этом на наличие на монетах Танлисмаидата надчекана с именем Отанна, имеющимся также на драхмах ряда парфянских правителей, наиболее ранними из которых являются драхмы Синатрука (78-70 гг. до н. э.) [245. P. 407]. Но надчекан с именем Отанна отмечен также и на более поздних драхмах Фраата III (70-57 гг. до н. э.) и Орода II (57-37 гг. до н. э.) [245. P. 408]. Поэтому с равным правом монеты Танлисмаидата по времени могут быть синхронны и времени правления

этих царей. Нам представляется, что в абсолютной хронологии его монеты должны быть датированы второй половиной I в. до н. э. или, возможно, началом I в. н. э. На это указывают особенности начертания отдельных букв в легенде, в особенности позднее курсивное «РО», по своей форме аналогичное «РО», употреблявшееся после рубежа н. э. Об этом свидетельствует и иконографическая близость монет Танлисмаидата к иконографии парфянских монет конца I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. (сочетание мужского бюста на л. ст. с женским бюстом на об. ст.), а также изображение в аналогичной манере пальмовой ветви на этих парфянских монетах и монетах Танлисмаидата.

Топография монет Танлисмаидата и место его владений

Точное местонахождение монет Танлисмаидата пока неизвестно. Монеты, опубликованные А. Канингхэмом, происходят из Афганистана, одна монета Британского музея из Пенджаба. Изданные Симонеттой две монеты Танлисмаидата из коллекции Кварони и Хемелина, найдены в Афганистане. Хранящиеся в Кабульском музее монеты этого правителя, опубликованные Р. Гиршманом, также указывают на Афганистан — как место их выпуска и обращения. Драхма Танлисмаидата с надчеканом Отанна куплена в Меймене в Северо-Западном Афганистане [245. Р. 402, 407], что, возможно, говорит о более конкретном месте выпуска этих монет — Западная Бактрия. Но более всего на бактрийскую принадлежность монет Танлисмаидата указывает проведенный выше анализ этимологии его имени и имени его жены Раггодеме, которые приведены не в западно-иранской, а в бактрийской форме. Таким образом, можно предположить, что Танлисмаидат был правителем одной из областей Бактрии, скорее всего, ее западной части (район теперешней провинции Фараб (?), главным городом которой является Меймене), где его владения непосредственно соприкасались с владениями Сападбиза.

М. Митчинер считал, что Танлисмаидат был сакараукским правителем, владевшим Ареей-Гератом и находился в вас-

сальной зависимости от парфянского царя Орода I (80-78 гг. до н. э.). Однако, как мы показали выше, нет оснований к столь ранней датировке монет Танлисмаидата. Ничто на монетах не указывает, что он находился в вассальной зависимости от парфянских царей — это, вероятнее всего, был самостоятельный правитель, каковых было немало в этот период в Юечжийской Бактрии.

Что же касается этнической принадлежности Танлисмаидата, то она не может быть окончательно решена. Наличие у него бронированного доспеха, являющегося, по мнению К. А. Абдуллаева, убедительным доводом в пользу сакской его принадлежности, не может являться этническим признаком, т. к. этот доспех мог быть перенят у саков другими народами, в частности, бактрийцами, тем более что шлем с козырьком отмечен только на территории Бактрии. Более того, анализ его имени и имени его супруги указывает более на бактрийскую, нежели на сакскую принадлежность Танлисмаидата.

К вопросу о месте владений Отанна

Как мы уже упоминали выше, на монетах Танлисмаидата, а также на драмах Синатрука (78-70 гг. до н. э.), Фраата III (70-57 гг. до н. э.) и Орода II (57-37 гг. до н. э.) имеется надчекан — голова правителя вправо в сопровождении легенды OTANNHC — Отанн.

Вопрос о месте его владений был поставлен уже В. Россом, опубликовавшим драхму Фраата III с надчеканом Отанна. В. Росс считал, что Отанна (чисто персидское имя) был правителем Персиды и не противником Аршакидов, но он также не исключал возможность видеть в Отанне сатрапа, восставшего против парфянских царей [270. P. 91-92].

Позднее Г. А. Кошеленко опубликовал драхму Синатрука с надчеканом Отанны. Проведя всесторонний анализ, он пришел к выводу, что Отанна был наместником-сатрапом Аршакидов в Персиде в период времени между царствованием Автофрадата и Дария II, пришедшего к власти в результате устранения местной династии царей Персиды [74. С. 36-37].

М. Митчинер считал Отанна сакараукским вождем, преемником Танлирмайдата, правившего в Арей в промежутке времени между 80-40 гг. до н. э. [245. Р. 402, 407].

В действительности наличие надчекана Отанна на монетах Танлирмайдата исключает возможность отнесения владений Отанны к Персиде, т. к. драхмы Танлирмайдата не обращались в этой области, а сами его владения находились, по-видимому, на стыке Бактрии и Парфии. Но и считать Отанну сакарауком не имеется достаточных оснований, поскольку это чисто персидское имя. Вполне вероятно, что Отанна являлся наместником-сатрапом Аршакидов в северо-восточных провинциях Парфянского государства на границе с Бактрией, где он со временем приобрел большую самостоятельность и, возможно, даже стал суверенным правителем, что дало ему право надчеканивать драхмы парфянских царей.



МОНЕТЫ ФСЕЙГАХАРИСА

Мелкие серебряные монеты Фсейгахариса (φσειγαχαρις) принадлежат к числу исключительно редких и недостаточно изученных. Впервые две подобные монеты из собрания Британского музея были изданы П. Гарднером [224. Р. 119. Pl. XXIV, 16], а в 1889 г. еще одна аналогичная монета — А. Канингхэмом [220. Р. 306. Pl. I (XIII)]. В 1914 г. Р. Уайтхед опубликовал монету Фсейгахариса, хранящуюся в Пенджабском музее в Лахоре [267. Р. 166, Pl. XVI, 129]. Две его монеты из Гос. Эрмитажа и Музея истории в Ташкенте изданы Е. В. Зеймалем [59. С. 71].

М. Митчинеру принадлежит обобщающая публикация монет Фсейгахариса: из Британского музея — всего пять, в том числе изданных П. Гарднером, из Пенджабского музея, но без учета советских коллекций [246. Р. 57]. В 1987 г. Э. В. Ртвеладзе, а в 1990 г. А. Мусакаева издали монету Фсейгахариса из Музея истории в Ташкенте [127. С. 21; 149. С. 96]. Таким образом, по сей день, насколько нам известно, изданы всего лишь восемь монет этого правителя из собраний различных музеев (Британского, Пенджабского, Ташкентского, Эрмитажа), но ни одна из этих монет не имеет точного паспорта местонахождения.

Почти все нумизматы, занимавшиеся исследованием монет Фсейгахариса, ограничивались формальным их описанием, без исторической интерпретации, за исключением М. Митчинера и Е. В. Зеймаля. Так, М. Митчинер без какого-либо должного обоснования поместил эти монеты в разряд юечжийских и раннекушанских монет провинции Бамиан, считая Фсейгахариса правителем юечжийского княжества Хитунь. Он датировал эти монеты 20 г. до н. э. — 45 г. н. э. [246. Р. 57]. Е. В. Зеймаль обратил внимание на хемидрахмы Фсейгахариса в связи с анализом раннесогдийских монет с изображением Геракла и Зевса. Он отнес монеты Фсейгахариса к среднеазиатским монетам и датировал их в пределах I-III в. н. э. По мнению Е. В. Зеймаля, типологически они примыкают к согдийским монетам Гиркода, а по некоторым иконографическим деталям (способ изображения уха, волос, головного убора) к монетам Западных Кшатрапов Индии, датированных им II-III в. н. э. Кроме того, Е. В. Зеймалю принадлежит важное замечание об иконографическом сходстве изображения Геракла на монетах Фсейгахариса и раннесогдийских монет с изображением Зевса и Геракла [55. С. 14; 59. С. 41, С. 71]. Это все, что высказано по поводу изучаемых монет в научной литературе, которые до сих пор не подвергались всестороннему анализу, хотя они представляют важное значение для понимания политической истории Бактрии в юечжийский период.

Все изданные монеты Фсейгахариса типологически однородны, хотя и чеканены различными штемпелями. На их лицевой стороне, почти на все монетное поле, помещено погрудное изображение правителя вправо с массивной головой, крупным, прямым носом, большим выпуклым глазом и плотно сжатыми губами. На голове небольшая конусовидная шапочка или корона, из-под которой выбиваются длинные пряди волос, опускающиеся на шею, охваченную гривной, на эрмитажном экземпляре как будто бы с задней стороны прослеживаются ленты диадемы. Ниже гривны расположены складки одежды. В ухе правителя серьга типа луницы. Центр оборотной стороны монет занят стоящей в полный рост фигурой обнаженного Геракла, который правой рукой опирается

на сучковатую палицу, а в левой его руке непонятный предмет, возможно, передающий схематическое изображение шкуры льва или венка. Вокруг головы Геракла нимб, переданный крупными точками. По краю монеты легенда, выполненная крупными квадратными буквами греческого письма, в ряде случаев концы букв переданы выпуклыми точками. Легенда состоит как бы из двух самостоятельных частей: справа от фигуры Геракла — первая часть, включающая шесть букв: **ΦΣΕΙΓΑ**, слева — вторая часть из пяти букв: **ΧΑΡΙΣ**. Вся легенда, по мнению исследователей, читается как одно имя — **ΦΣΕΙΓΑΧΑΡΙΣ** (таб. XVII).

Все известные монеты Фсейгахариса серебряные: диаметр — 14-16 мм, вес — 1,74 г; 2,18 г; 2,36 г; 2,38 г; 2,41 г; 2,55 г; 2,59 г. По этим показателям данные монеты соответствуют аттической хемидрахме с небольшими отклонениями от веса и размера монетного кружка.

Е. В. Зеймаль отметил, что типологически монеты Фсейгахариса примыкают к обширной группе согдийских монет группы Гиркода (**ΥΡΚΟΔΟΥ**), вероятнее всего, чеканившихся в Бухарском Согде (I в. до н. э. — III в. н. э.), а по ряду иконографических деталей — к монетам Западных Кшатрапов Индии, выпускавшихся во II-III в. н. э. [59. С. 70. Рис. 2]. С этими доводами Е. В. Зеймаля можно вполне согласиться, рассмотрев их более детально с добавлением наших наблюдений.

Изображение Фсейгахариса на монетах при всей условности передачи дает ясное представление об этническом его облике. Для него характерна массивная голова, крупный прямой нос, выдающийся вперед подбородок и толстая шея. Если обратиться к рассмотрению изображений правителей на монетах, которые стали выпускаться в Бактрии и Согдиане после падения греко-бактрийского царства, то вышеперечисленные признаки характерны для изображений правителей на раннесогдийских монетах группы Гиркода, Аштама и Кушана «Герая-Санаба».

Такая общность, несомненно, говорит об этнической однородности изображенных на монетах правителей, относящихся, вероятно, к сако-юечжийскому кругу, представленному,



*Таб. XVII. Монеты Фсейгахариса.
Лицевые (вверху) и оборотные (внизу) стороны.
Коллекция Британского музея.*



по данным греко-римских письменных источников, племенами ассиев, пассиан, тохаров, сакараваков и юечжей, завоевавших Бактрию и Согдиану и свергнувших власть греко-бактрийских царей. Вместе с тем ряд иконографических деталей на монетах Фсейгахариса находят аналогии в других древних среднеазиатских монетах и сопредельных областей. Так, к примеру, аналогичная манера большого как бы выпуклого глаза, подчеркнутого дугами бровей, свойственна изображению правителя на среднеазиатских подражаниях драхам Александра Македонского [55. С. 6, Рис. 1, 6-8, 12-18]. Манера передачи волос отдельными крупными прядями волос, загнутыми к шее, характерна не только для изображений правителя на монетах Западных Кшатрапов Индии, но и для изображений на многих древних монетах, обращавшихся в Согде и Бактрии.

Остановимся также на головном уборе правителя на монетах Фсейгахариса. Он представляет собой тип небольшой шапочки, или, вероятнее всего, короны. Как отметил Е. В. Зеймаль, она похожа на головные уборы Западных Кшатрапов, в особенности Рудрасены I и Виджайясены [229. Tab. IV], хотя у них эта шапочка была уплощена, тогда как у Фсейгахариса она конусовидная. Отметим также, что головной убор у Фсейгахариса по своей форме наиболее похож на одну из корон (по классификации Р. Гёбля К-2 и К-3) у кушанского царя Вимы Кадфиза. Тот же тип короны присутствует на монетах Хувишки (тип К-1, К-2) [133. С. 83].

Обратимся теперь к анализу оборотной стороны монет Фсейгахариса. В центре ее помещено изображение стоящего в фас Геракла, опирающегося правой рукой на сучковатую палицу, в левой руке — схематически изображенная львиная шкура. Причем манера изображения Геракла в виде изящной, если не просто худой фигуры, отличается от обычной его передачи в виде мощного с рельефными мышцами атлета как на монетах, так и в скульптуре.

Вопрос о культе Геракла в Бактрии с привлечением материалов из сопредельных стран подробно разработан Г. А. Пугаченковой [133. С. 83], а вслед за ней К. А. Абдуллаевым [5. С. 26-34]. Г. А. Пугаченкова на основе анализа всей

совокупности изобразительного материала, в том числе монетных данных пришла к выводу, что основной областью сохранения культа и популяризации его в искусстве была Бактрия. Она наметила три основных статуарных типа Геракла:

а) обращенного к зрителю, в спокойной уравновешенной позе с дубинкой и шкурой немейского льва;

б) с теми же атрибутами в одной руке и диадемой или венком в другой;

в) присевшим отдохнуть [133. С. 83].

По мнению К. А. Абдуллаева, монеты дают четыре устойчивых иконографических типа Геракла:

1. В виде сидящего на скале бородатого атлета, в правой руке которого палица, опирающаяся на скалу;

2. Стоящий Геракл. В левой его руке палица и львиная шкура, правая рука касается головы.

3. Бюст бородатого Геракла, волосы которого повязаны диадемой, а шею охватывает львиная шкура.

4. Изображение Геракла в виде коренастого бородатого атлета с палицей, опущенной вниз.

Этот тип, согласно К. А. Абдуллаеву, отмечен только на золотой монете Хувишки [5. С. 27]. Поскольку данный статуарный образ Геракла из вышеперечисленных наиболее близок изображению Геракла на монетах Фсейгахариса, рассмотрим его наиболее подробно, привлекая в основном монетные данные, потому что они, во-первых, дают более точное хронологическое и географическое его определение, а, во-вторых, в памятниках изобразительного искусства, происходящих из Бактрии, он представлен пока незначительным числом объектов — это статуя стоящего Геракла из Дильбержина, у которой, однако, утрачены атрибуты в руках [133. С. 27], а также терракотовая плитка из Балха [133. С. 27]. На основании монетных данных К. А. Абдуллаев считает, что данный статуарный тип Геракла встречается, якобы, только на золотой монете Хувишки [5. С. 27]. Однако это не совсем так. В частности, изображение Геракла в виде стоящего бородатого атлета с опущенной вниз палицей в правой руке и львиной шкурой в левой встречается уже на ранних монетах кушанского ябгу Куджулы Кадфиза, чеканенных, веро-

ятно, в области Кабулистана или Гандхары [253. Pl. 1, 2-3]. Они имеются на раннесогдийских монетах с изображением Геракла и Зевса [59. С. 69, рис.1], а также на анализируемых нами монетах Фсейгахариса. В чекане же Хувишки изображение Геракла («НЕРАКЛО» в бактрийской передаче его имени) помещено не только на золотой монете, но также на медных халках, причем Р. Гёбль выделил шесть его типов [229. P. 92-93].

Геракл изображен на оборотной стороне неизвестных ранее бронзовых подражаний халкам Деметрия. Впервые одно такое подражание найдено при раскопках на цитадели городища Кампыртепа (пом. 92, верхний слой, в хуме), расположенного в 30 км к западу от Термеза, на правом берегу Амударьи [152. С. 95-110]. Второе — обнаружено на городище Старый Термез. Кроме того, сейчас стали известны и серебряные подражания оболам Деметрия. Одно из них обнаружено археологом Н. Нефедовым при раскопках на известном городище Ер-Курган в Кашкадарьинской области Узбекистана.

Изображения Геракла на всех этих подражаниях отмечаются определенной схематизацией, общей непропорциональностью фигуры, искажением атрибутов, стройностью фигуры с тонкими руками и ногами в отличие от мощного мускулистого атлета, каким он изображался в античной иконографии.

Таким образом, имеется целая группа монет с изображением Геракла одного типа, выпускавшихся в Бактрии, Согде и Кабулистане в постгреко-бактрийское время. Это раннесогдийские монеты, подражания монетам Деметрия, монеты Фсейгахариса и монеты Куджулы Кадфиза. Однако по манере и стилю изображения Геракл на монетах Фсейгахариса более всего сближается с Гераклом на раннесогдийских монетах и подражаниях монетам Деметрия.

Обратимся теперь к эпиграфике, привлекая в качестве аналогии территориально наиболее близкие группы монет. На монетах Фсейгахариса представлена единственная легенда, выполненная квадратным греческим письмом. Из обращавшихся в Бактрии монет в постгреко-бактрийское время и до создания Кушанского государства квадратное письмо пред-

ставлено на монетах юечжийского правителя Западной Бактрии Сападбиза, которые могут быть датированы концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. Квадратное письмо представлено также на подражаниях монетам Деметрия. На монетах Кушана «Герая-Санаба» и подражаниях монетам Гелиокла и Евкратиды представлены совместные варианты письма — квадратное и курсивное. Почти все буквы легенды, за исключением одной-двух на раннекушанских монетах Куджулы Кадфиза и Сотера Мегаса, квадратной формы. Любопытны также написания отдельных букв на монетах Фсейгахариса. Так, характерно написание буквы «ро» с незавершенной частью в виде буквы «Г». Подобное написание этой буквы встречается на монетах мелких индо-греческих правителей, образовавшихся после распада греко-бактрийского царства, в частности, в слове $\phi\lambda\omicron\pi\alpha\tau\rho\varsigma$ на монетах Аполлодота, где также аналогично написание буквы «phi» [211. Pl. 61]. Аналогичное написание «ро» имеется на монетах Гипострата, Дионисия и Зоила, а также на монетах Гермея 14-й серии [211. Pl. 34, 56].

Таким образом, тип короны у Фсейгахариса совпадает с коронами на монетах ранних кушанских правителей и монетах Западных Кшатрапов. Этническим обликом Фсейгахарис сближается с этническим обликом согдийских правителей из «династий» Гиркода и Аштама, вероятно, выходцев из кочевых сако-юечжийских племен, а также правителя Кушана «Герая-Санаба». Это обстоятельство показывает, что Фсейгахарис также принадлежит к вышеуказанному этносу.

Д. Розенфельд, характеризуя монеты «Герая», Гиркода и Фсейгахариса, пишет, что их объединяют общие признаки, такие, как орлиный нос, тяжелая челюсть и падающие локонами волосы. Эти особенности, по его мнению, появившиеся еще на монетах махакшатрапы Раджувулы, а затем на монетах Западных Кшатрапов, отражают идеальный тип правителя в пограничных индо-иранских владениях [253. 17].

Особенности изображения Геракла сближают монеты Фсейгахариса с подражаниями монетам Деметрия и ранне-согдийскими монетами, а наличие греческой легенды только квадратным письмом с монетами Сападбиза. Ряд признаков:

фактура, метрология, иконография, наличие только греческой легенды показывают, что монеты Фсейгахариса были выпущены в Бактрии, а сам он был одним из правителей пяти владений, созданных юечжами после захвата ими этой области.

Однако остается неясным, в каком из районов Бактрии находились владения Фсейгахариса. М. Митчинер считал возможным отнести выпуск монет Фсейгахариса к области Бамиан, которую он сопоставлял с юечжийским владением Хитунь (Hi-thun) по двум причинам. Во-первых, пишет он, образ Геракла на монетах Фсейгахариса копирует образ Геракла на монетах Куджулы Кадфиза, а, во-вторых, квадратное греческое письмо не использовалось к северу от Гиндукуша до времени Фсейгахариса, тогда как в Кабулистане оно появляется уже на поздних серебряных эмиссиях Гермейя [246. P. 41].

Однако, как мы показали выше, образ Геракла по манере и стилю изображения более всего схож с Гераклом на подражаниях монетам Деметрия, обращавшихся в Северной Бактрии, и с Гераклом на раннесогдийских монетах, ходивших в Южном Согде. Греческая легенда квадратным письмом отмечена на монетах Сападбиза, владения которого включали столичный округ Бактрии — Балхский и Шиберганский оазисы, а также южную часть Северо-Западной Бактрии.

Представляется, исходя из ряда аналогий с точно локализуемыми монетами (подражания монетам Деметрия, монеты Сападбиза), что владения Фсейгахариса могли занимать промежуточное положение между западными и восточными владениями Южной Бактрии, где-то на месте нынешней провинции Саманган в Северном Афганистане. Что касается датировки этих монет, то, по-видимому, исходя из ряда признаков, она лежит в пределах конца I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. Исследования нумизматического материала юечжийского времени из Бактрии показывают, что здесь обращались, по крайней мере, шесть групп монет. Эти группы по признаку наличия легенд и титулатуры можно разделить на три серии:

– Подражания греко-бактрийским монетам с искаженной греческой легендой, упоминающей одного из прежних греко-бактрийских монархов и его титулатуру. Это подражания драхам и тетрадрахам Гелиокла, оболам Евкратида и халкам Деметрия.

– Монеты самостоятельного чекана юечжийских правителей (Агезилес, Сападбиз, Фсейгахарис) с упоминанием в легенде только их имен, но без какой-либо титулатуры.

– Монеты Кушана «Герая-Санаба» и его наследников.





НОВЫЙ ТИП МОНЕТ ФСЕЙГАХАРИСА

Недавно мною опубликована обобщающая статья о серебряных монетах Фсейгахариса, весьма редких в количественном отношении, которых в музейных собраниях мира и по публикациям известно не более десяти. Все они однотипные, причем место и время их выпуска, историческая интерпретация остается все еще проблематичной. Однако, исходя из ряда деталей монет, особенностей этнического облика правителя и эпиграфических характеристик, предпочтительнее, что Фсейгахарис был правителем одного из юэчжийских владений, образовавшихся в Бактрии после падения греко-бактрийского царства [259].

В этой связи большой интерес вызывает новая монета Фсейгахариса, показанная мне в Ташкенте коллекционерами.

Л. ст. В круге из сочетания «тире — две точки» голова правителя вправо в диадеме, в ухе серьга, на шее гривна. Слева за головой краткая согдийская (?) легенда. Об. ст. Стоящая фигура Геракла с палицей в правой руке и другим предметом в левой. Справа и слева легенда греческими буквами: **ΦΣΕΙΓΑΧΑΡΙΣ**. Монета слегка обломана.

Новое на этой монете — надпись, расположенная за головой правителя. В ней различимы три (?) или четыре (?) бук-

вы, выполненные, вероятнее всего, согдийским письмом арамейского происхождения, транскрипция которых весьма затруднительна: d/l n p/w.

Наличие этой легенды показывает, что монеты Фсейгахариса могли чеканиться не в Бактрии, где арамейские по происхождению надписи на монетах почти отсутствуют, а в Согде, где, наоборот, подобного типа легенды, начиная, вероятно, с I в. до н. э. — I в. н. э., постоянно присутствуют во всех согдийских владениях: Бухара, Мараканда, Южный Согд.





ПОДРАЖАНИЯ КУШАНСКИМ МОНЕТАМ ИЗ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА

В фондах Музея истории в Ташкенте хранится около 100 экз. подражаний монетам кушанских царей: Хувишки (5 экз.), Васудевы (76 экз.) и Канишки III (15 экз.). Среди них наше внимание привлекла неопубликованная до сих пор монета из числа подражаний монетам Васудевы, примечательной особенностью которой является наличие необычной легенды бактрийским монументальным письмом:

Л. ст. Царь в поколенном кафтане с острыми углами впрямь, голова влево, правая рука над алтарем, в согнутой поднятой левой руке — копьё (?). Под локтем буква (?), тамга (?) в виде букв «Ф», а справа по ободку легенда, от которой на монете сохранилось шесть букв: «ЛОПРО».

Об. ст. Бык вправо, перед ним стоящая фигура божества, справа бактрийская легенда: «ОНРО».

Д. — 17,8 см, В. — 2,7 г. Ин. № 153/57.

Иконографические особенности лицевой и оборотной стороны монеты свойственны монетам Васудевы, но это не подлинная монета, а подражание, о чем свидетельствуют ряд деталей иконографии и вес монет. Однако на монетах Васудевы и на известных нам подражаниях, в том числе из находок на юге Узбекистана и в музейных коллекциях,

а также уже опубликованных [53. С. 241-251; 217; 228. S. 40-42] не имеется подобного типа легенды. Она не повторяет, как другие подражания, даже в искаженном варианте легенду на монетах Васудевы: $\rho\alpha\omicron\nu\alpha\nu\omicron\rho\alpha\omicron\beta\alpha\zeta\omicron\delta\eta\omicron\kappa\omicron\rho\alpha\nu\omicron$. В отчетливой легенде на нашей монете стоит «лямбда», «омикрон», затем — две вертикальные палочки, передающие «йоту», после чего следует «ро» или «сан» и в конце — «омикрон» или «альфа». Таким образом, здесь возможно чтение $\lambda\omicron\upsilon\rho/\rho\alpha/\omicron$. Не исключено, однако, что это не одно слово, а окончание одного и начало другого $\lambda\omicron\upsilon\rho/\rho\omicron$ или $\lambda\omicron\upsilon\rho/\rho\omicron/\alpha$. Это, впрочем, сомнительно, поскольку при первом варианте второе слово будет с двумя начальными «йотами», что в памятниках бактрийской письменности не зафиксировано, а при втором варианте первое слово будет завершаться двумя «йотами», что также маловероятно. Можно поэтому склониться к первому варианту: легенда передает одно слово, но, возможно, без начальных и исходных букв. Однако при любом из предложенных вариантов эта легенда не повторяет легенду на монетах Васудевы, не может быть она и графическим ее искажением, поскольку дукт письма отличается достаточной четкостью написания. Никаких соответствий этому слову ни в именах правителей, ни многочисленных кушанских божеств мы не находим. Следует при этом обратить внимание еще на одно обстоятельство: на лицевой стороне кушанских монет всегда проставляется имя правителя с титулом и этнической или родовой принадлежностью, тогда как на оборотной — имена божеств. На нашей монете в соответствии с этими правилами проставлено имя божества — бактрийский вариант Виши-Шивы. Следовательно, можно предположить, что на лицевой ее стороне передано имя правителя $\lambda\omicron\upsilon\rho/\rho\omicron/\alpha$ или окончание имени и часть титула ... $\lambda\omicron\upsilon\rho/\rho\alpha(\omicron)$.

Итак, перед нами новый, прежде неизвестный тип подражаний монетам Васудевы. В связи с этим обратимся к более углубленному рассмотрению подражаний кушанским монетам, учитывая новые материалы из Сурхандарьинской области Узбекистана, до сих пор изданные частично [136. С. 74-78; 143. С. 101-103; 185. С. 230].

Подражания монетам Хувишки — 7 экз. Среди них представлены все три иконографических типа, свойственных л. ст. медных монет Хувишки: царь, сидящий на тахте со скрещенными ногами; царь на тахте; царь на слоне [53. С. 234-238].

Тип I. Царь, сидящий со скрещенными ногами. Представлен двумя экземплярами из Саполтепа и Ялангтуштепа. Изображения на л. ст., хотя уже и подвергались определенной схематизации, но еще близки к прототипу: сохраняются ленты диадемы за головой, форма конического головного убора, поднятая вверх правая рука, но нет легенды, отсутствует, видимо, и тамга.

Монета из Саполтепа, по метрологическим данным, еще близка к кушанским монетам (Д. — 2,0-2,9 см; В. — 7,1 г, толщина — 0,2 см), рельеф изображений довольно заметный, монетный кружок неровный. По этим же показаниям монета из Ялангтуштепа явно относится к последующей стадии чеканки — монетный кружок подтреугольной формы (Д. — 2,0-1,7 см; В. — 3,05 г).

На об. ст. обеих монет — плохо сохранившееся изображение стоящей фигуры.

Тип II. Царь на тахте. Представлен двумя экземплярами из Талашкантепа II. Для них характерна крайняя деградация изображения царя, превращающегося в условную фигуру, напоминающую детские рисунки, с маленькой головкой на высокой тонкой шее, с протянутой вперед правой рукой, левая — на боку (Д. — 2,2; 1,7 см; В. — 2,5; 1,7 г). На об. ст. монет представлены стоящая фигура, выполненная в аналогичной манере, в обрамлении рельефных точек.

Судя по полной схематизации изображений, обе монеты отражают, по-видимому, наиболее позднюю стадию чеканки подражаний монетам Хувишки данного типа.

Немногочисленность материала не позволяет пока сделать конкретных выводов о времени и характере обращения подражаний монетам Хувишки. Однако, очевидно, что Северо-Западный Тохаристан следует теперь включить в область их распространения, так же как Буткару, Беграм, Таксилу и Южный Таджикистан [53. С. 237-238]. Причем, судя по на-

лично ранних и поздних типов подражаний, обращение подражаний монетам Хувишки в Северо-Западном Тохаристане охватило, вероятно, достаточно длительный период времени.

Подражания монетам Васудевы наиболее многочисленны среди групп подражаний кушанским монетам, обращавшихся в Северо-Западном Тохаристане. Всего нами зафиксировано 49 экз., найденных на 12 городищах и поселениях, около 100 экз. содержится в составе клада из Алибайтепа и более 300 экз. — в кладах из Зартепа, некоторое количество этих подражаний имеется в нумизматическом собрании Краеведческого музея в Термезе (таб. XX).

В целом все это свидетельствует о широком территориальном распространении подражаний монетам Васудевы, об интенсивности и долговременности их чеканки в Северо-Западном Тохаристане.

Начало чеканки и обращения подражаний монетам Васудевы, судя по ранним типам, почти копирующим исходный прототип, приходится, видимо, на время, близкое к моменту падения Кушанского государства. Судя же по наличию их в составе Дальверзинского клада вместе с драхмой Шапура I (241-262 гг.), один из периодов их обращения может датироваться серединой или второй половиной III в. н. э.

Е. В. Зеймалем проделана большая работа по классификации всей группы подражаний монетам Васудевы, найденным в Северо-Западном Тохаристане. В развитии чеканки он выделяет пять периодов, для каждого из которых характерны определенные иконографические изменения при неизменности общих композиционных схем лицевой и оборотной сторон — стоящий царь перед жертвенником / Виша-Шива перед быком Нанди [53. С. 251-252].

В Северо-Западном Тохаристане встречаются подражания монетам Васудевы всех периодов. Но вместе с тем отметим, что подражания первого и последнего периодов представлены здесь пока в небольшом количестве, чаще всего встречаются подражания третьего и четвертого периодов. Кстати, подражания второго — четвертого периодов представлены в находках из Дальверзинтепа, тогда как подражаний пятого периода здесь пока не отмечено.

Имеются подражания монетам Васудевы, не укладываемые в типологическую периодизацию, предложенную Е. В. Зеймалем. Некоторые из них охарактеризованы ниже, при описании Дальверзинского клада. Отметим некоторые несовпадения иконографических деталей на подражаниях монетам Васудевы. Так, трезубец на л. ст., который, по Е. В. Зеймалу, встречается на этих подражаниях вплоть до последнего периода [53. С. 242. Рис. 5], на подражаниях Северо-Западного Тохаристана — только на ранних типах (I и, возможно, II период). Не всегда заостренность полукафтана позволяет относить монету ко второму периоду. Имеются подражания, на об. ст. которых отсутствует тамга, хотя по остальным признакам (прямой кафтан, поднятая левая рука) их следовало, согласно периодизации Е. В. Зеймаля, отнести ко второму периоду [53. С. 242. Рис. 5].

Для подражаний монетам Васудевы, найденным в Северо-Западном Тохаристане, характерны весьма большие различия в метрологических данных: В. — 1,5, 6-7 г; Д. — 1,5-2,0 см, неправильная форма.

Подражания монетам Канишки III в находках из Северо-Западного Тохаристана представлены небольшим количеством экземпляров. Нами учтено лишь 18 экз., поскольку многие из нумизматических находок не были нам доступны. В целом можно констатировать значительно меньшее их количество по сравнению с подражаниями монетам Васудевы и подражаний монетам Хувишки. В то же время, судя по местам находок, ареал распространения этих подражаний — весь Северо-Западный Тохаристан.

подавляющее большинство происходящих отсюда подражаний монетам Канишки III очень плохой сохранности, к тому же штемпели для их чеканки были значительно больше монетного кружка, в результате на л. ст. монеты зачастую не попадала нижняя часть ног или головы, а на об. ст. в большинстве случаев отсутствует верхняя часть фигуры богини. Для них характерны те же признаки деградации изображений, какие намечены Е. В. Зеймалем по материалам Южно-го Таджикистана [53. С. 251-252].

В целом можно констатировать, что подражания монетам Канишки III, сохраняя, хотя и в искаженном виде, иконографический тип л. ст. и об. ст., претерпевали в процессе эволюции их чеканки значительно меньшие изменения, никогда не достигнув той степени схематизации изображений, как подражания монетам Хувишки и Васудевы. Это, вероятно, свидетельствует о том, что их чеканка осуществлялась на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени. То же самое можно вывести из метрологических показателей — вес и диаметр подражаний, толщина монетного кружка еще тесно примыкают к исходным прототипам, лишь незначительно отличаясь от них [53. С. 252]. Такие же данные демонстрируют и материалы из Южного Узбекистана (таб. XVIII).

Для относительной хронологии подражаний большое значение имеют клады. Так, подражания монетам Канишки III содержатся в кладах из Дальверзинтепа, Зартепа с ранними

Таб. XVIII

Место находки	Подражания монетам Хувишки	Подражания монетам Васудевы	Подражания монетам Канишки III
Старый Термез	—	5	2
Айртам	—	—	—
Хатын-Рабат	—	—	—
Долина Сурхана			
Халчаян	—	1	1
Дальверзинтепа	—	11	6
Культепа	—	2	2
Будрач	—	1	—
Бараттепа	—	4	2
Саполлитепа	1	—	—
Ялангтуштепа	1	—	—
Актепа	—	2	—
Долина Шерабаддары			
Зартепа	—	Много	—
Бабаттепа	—	—	—
Ак-Курган	—	10	2
Талашкантепа II	2	11	3
Шорттепа	—	1	—
Шуроб-Курган	—	1	—

типами подражаний монетам Васудевы и полностью отсутствуют в кладе из Алибайтепа, содержащим ранние и поздние подражания Васудеве и кушано-сасанидские монеты. Аналогичное явление присущекладам из Южного Таджикистана, где, как отметил Е. В. Зеймаль, подражания монетам Канишки III встречены с подражаниями Васудеве второго и третьего периодов, но не кушано-сасанидскими монетами. Можно поэтому предполагать, что подражания монетам Канишки III чеканились только в начальном периоде посткушанского времени, до притока в Северный Тохаристан кушано-сасанидских монет, хотя в обращении они могли находиться более длительный срок.

Исключительно важное значение для абсолютной датировки времени чеканки и обращения подражаний монетам Васудевы и Канишки III имеет клад из Дальверзинтепа. Он был найден на объекте Дт-18, на полу подземного помещения. Клад включает одну серебряную и восемь медных монет, подражания Канишке III — 2 экз., подражания Васудеве — 6 экз., драхма Шапура I (241-262 гг.) — 1 экз.

Подражания монетам Канишки III однотипны. Л. ст. Плохо различимая фигура царя вправо, руки опущены, края кафтана прямые. Об. ст. Сидящее божество, правая рука опущена, левая — поднята, за спиной различима стенка трона. Об. ст. второй монеты — плохо сохранившееся изображение сидящей богини, слева — рельефные точки. Д. — 6,4-6,7 см; В. — 2,0-2,1 г; толщина — 0,1-0,2 см.

Подражания Васудеве, судя по степени искажения изображений, относятся к двум периодам чеканки.

Наиболее ранней является монета, на л. ст. которой еще сохраняется изображение, близкое прототипу — царя в кафтане с прямыми углами, правая рука над алтарем, левая — поднята, однако отсутствуют легенда и нимб, правая рука согнута, а не прямая, как на монетах Васудевы. Изображения на об. ст. отличаются от прототипа отсутствием тамги над крупом быка. Д. — 1,8 см; В. — 5,7 г; толщина — 0,2 см. Все отмеченные признаки, по Е. В. Зеймалю, характерны для подражаний монетам Васудевы первого периода [53. С. 241-242]. На наш взгляд, однако, группу подражаний без



*Таб. XIX. Сасанидо-кушанские монеты
из Северо-Западного Тохаристана.*

тамги на об. ст. можно включить во второй период, так как на подражаниях более ранней группы тамга еще не имеется.

Еще одна монета отражает, по-видимому, последующий период чеканки подражаний Васудеве (в классификацию Е. В. Зеймаля подобный тип не включен). Изображение царя близко к предыдущему, полы кафтана прямые, талия выделена прямой линией; алтарь еще изображается, по краю монеты перед лицом имитация надписи. Изображение на об. ст. довольно реалистично, тамга отсутствует. Д. — 1,1 см; В. — 2,8 г; толщина монетного кружка уже значительно отличается. Вероятно, подражания подобного типа следует отнести к вариантам второго периода.



*Таб. XX. Подражания кушанским монетам
из Северо-Западного Тохаристана.*

К этому же периоду относится еще одна монета, отличающаяся от предыдущих подчеркнуто тонкой талией царя и несколько расходящимися полами кафтана.

Остальные подражания монетам Васудевы по иконографическим особенностям (опущенные руки, заостренные полы кафтана, общая схематизация фигуры царя) можно отнести к типу подражаний третьего периода, но трезубец, который изображен на л. ст. этих монет [53. С. 242. Рис. 5], отсутствует на всех подражаниях из Дальверзинтепа.

Серебряная монета — драхма Шапура I (241-262 гг.). Л. ст. — портрет Шапура в профиль вправо, в *corona muralis* без башенки, прическа буклями, над короной — шар, от него и от диадемы короны вверх отходят ленты. На шее ожерелье из бус. По кругу пехлевийская легенда: «Поклоняющийся (Ахура) Мазде, владыка Шапур, царь царей Ирана, происходящий от богов». Об. ст. — алтарь огня, по обеим его сторонам мобеда с копьями и мечами, обращенные лицом в противоположные стороны. Легенда стерта. Судя по иконографическим признакам, монета Шапура I входит в выделенный В. Г. Лукониным подтип I6 [93. С. 167. Таб. IV].

До сих пор не было известно ни одной находки подражаний монетам кушанских царей в сочетании с монетами, имеющими точную датировку. Дальверзинский клад — первый подобного рода, благодаря которому с определенной степенью достоверности возможно датировать один из этапов обращения подражаний кушанским монетам — время правления Шапура I (241 — 262). Строго говоря, возможен иной вариант датировки — драхма Шапура I могла попасть в состав клада спустя несколько десятков лет и даже столетие. Однако данный вариант представляется нам маловероятным, ибо при этом не получает объяснения отсутствие в кладе более поздних сасанидских монет, к примеру, IV века. Таким образом, можно допустить датировку найденных в кладе вместе с драхмой Шапура I подражаний второй половиной III в. н. э. Отсутствие в кладе монет сасанидских кушаншахов также немаловажный факт, показывающий, что в это время данные монеты в Северо-Западном Тохаристане еще не обращались.

Между тем находки медных монет сасанидских кушаншахов в Северо-Западном Тохаристане не редкость. Вместе с подражаниями кушанским монетам (главным образом, монетам Васудевы) они составляют основу денежного обращения в этой области в посткушанское время. Согласно классификации В. Г. Луконина, монеты сасанидских кушаншахов делятся на две группы:

1) сасанидо-кушанские (золото, серебро, медь, группы «А» и «Б»), следующие сасанидской традиции (погрудный портрет правителя в зубчатой короне на л. ст.; аташдан с поясным изображением Ахура Мазда и т. д. — на об. ст.; легенды пехлеви на среднеперсидском языке);

2) кушано-сасанидские (медь, золото, группа «В» — «Г»), выпущенные по образцу монет Васудевы — царь влево перед алтарем / Шива перед быком — но отличающиеся от них индивидуализацией деталей. Легенды только бактрийским письмом, приспособленным для передачи среднеперсидского языка [93. С. 19-22].

Особую, третью группу составляют медные монеты, которые в науке принято называть монетами «Кобада» [53. С. 259]. Хотя по иконографическим особенностям эти моне-



Таб. XXI. Подражания кушанским монетам из Северо-Западного Тохаристана.

ты следуют сасанидским традициям — погрудный портрет правителя в индивидуальной короне / аташдан со ступенчатой базой и капителью; по метрологическим данным (толстый небольшой монетный кружок), они восходят, по-видимому, к кушанским монетам Канишки III. Легенды на этих монетах, как отмечает Е. В. Зеймаль, пехлеви и бактрийским письмом [53. С. 259], однако в Алибайтепинском кладе имеются монеты только с одной бактрийской легендой на об. ст. Кроме то-

го, не исключено чтение данной легенды как «Кабо» без конечной дельты [175. С. 53].

В Северо-Западном Тохаристане встречаются монеты всех трех групп, но в разном количественном соотношении. По нашим, далеко неполным подсчетам, здесь отмечены находки более 1000 подобных монет (в том числе около 1000 экз. составляют монеты Алибайтепинского клада). Из них больше всего сасанидо-кушанских, кушано-сасанидские монеты встречаются реже, еще реже — монеты группы «Кабо» — «Кобада», за исключением одной монеты из Бараттепа, остальные 43 экз. происходят из Алибайтепинского клада (таб. XIX).

Территориально монеты сасанидских кушаншахов распространены по всему Северо-Западному Тохаристану от Амударьи до Байсунских гор. Но если сасанидо-кушанские монеты найдены здесь уже на 25 городищах и поселениях, то монеты «Кабо» — «Кобада» — на двух, а кушано-сасанидские — на восьми.

К сожалению, подавляющее большинство этих монет плохой сохранности, не позволяющей определить конкретную их принадлежность. Однако в находках присутствуют монеты всех сасанидских кушаншахов и в особенности Хормизда I (портрет царя в кулахе в виде птицы / поясное изображение Ахура Мазды на аташдане). Вообще монеты с подобным изображением на об. ст. наиболее часты в Северо-Западном Тохаристане, изредка встречаются монеты Хормизда со сценой инвестуры — Бабаттепа, Талашкантепа II. В то же время в Алибайтепинском кладе имеются фактически все типы медных монет, выпускавшихся сасанидскими кушаншахами, начиная с Ардашира и кончая Перозом.

Стратиграфические данные, полученные на ряде памятников Южного Узбекистана (Бараттепа, Дальверзинтепа, Культепа), показывают, что зачастую медные монеты сасанидских кушаншахов встречаются в одном археологическом слое с монетами Васудевы и Канишки III и подражаниями им. На этом основании мы считали, что между выпусками последних кушанских царей и монетами кушаншахов не было перерыва и что кушанские монеты непосредственно сменяются монетами сасанидских кушаншахов. В этой публикации, однако, мы

не учли еще одного возможного объяснения факта совместного нахождения данных монет — кушанские монеты Васудевы и Канишки III могли находиться в обращении в определенный период времени после падения Кушанского государства, вплоть до начала и даже некоторое время спустя после выпуска монет сасанидских кушаншахов. Об этом, в частности, говорят некоторые клады из Южного Таджикистана, где монеты сасанидских кушаншахов найдены вместе с монетами последних кушанских царей [53. С. 292]. Однако это большая редкость, подавляющее же большинство кладов дает иную картину — они либо целиком состоят из подражаний кушанским монетам Васудевы и Канишки III, либо включают те же подражания и монеты сасанидских кушаншахов [53. С. 292-295]. Основываясь на вышеприведенных данных, можно предположить следующую периодизацию денежного обращения в Северо-Западном Тохаристане в посткушанское время.

I этап. Выпуск и обращение подражаний монетам Хувишки, Васудевы и Канишки III. Сохранение в обращении какое-то время подлинных монет этих царей. Поступление серебряных сасанидских драхм. Этот этап развития денежного обращения хорошо характеризуют монетные клады. В Южном Узбекистане — клад из Зартепа (около 500 подражаний монетам Васудевы и Канишки III), Дальверзинтепа (подражания монетам Васудевы, Канишки III и драхам Шапура I). В Южном Таджикистане — клад из Кобадияна (Васудева — 7 экз., Канишка III — 3 экз., подражания монетам Васудевы — 18 экз., подражания монетам Канишки III — 11 экз.) [53. С. 292-293]. Начало и продолжительность этого этапа пока установить трудно, в плане относительной хронологии он, видимо, приходится на время от падения Кушанского государства и до завоевания Северного Тохаристана сасанидами; в плане абсолютной хронологии, судя по наличию в одном из кладов драхм Шапура I, этот этап можно датировать III в. н. э.

II этап. Начало этого этапа знаменует появление в Северном Тохаристане монет сасанидских кушаншахов. Состав монетной массы, обращавшейся в этот период, разнородный:

медные монеты сасанидских кушаншахов, подражания монетам Хувишки, Васудевы, Канишки III. Монеты кушанских царей в денежном обращении, по-видимому, уже не участвуют. Об этом, в частности, свидетельствуют монетные клады. Так, самый большой клад посткушанского времени в Северном Тохаристане, найденный в Алибайтепа (левый берег Сурхандарьи) включает около 1000 монет сасанидских кушаншахов и около 100 подражаний монетам Васудевы: небольшой клад из Дальверзинтепа (Дт-18 — 21 экз.) включает только сасанидо-кушанские монеты. В кладе из Шаартузского района — 17 подражаний монетам Васудевы и 45 монет сасанидских кушаншахов. В кладе из Актепа (113 экз.) два подражания монетам Васудевы, остальные — сасанидо-кушанские и группы "Кобада". Только в кладе из Болдайтепа, наряду с подражаниями монетам Васудевы (72 экз.), монетами сасанидских кушаншахов (13 экз.), неопределенных (44 экз.) имеется всего одна монета Васудевы [53. С. 292-294].

Находки золотых и серебряных монет этого времени в Северном Тохаристане неизвестны, хотя реальность их обращения здесь не исключена.

Обращает на себя внимание наличие большого числа монет, а также кладов в мелких сельских поселениях, тогда как в старых кушанских центрах их становится несколько меньше. Видимо, в это время в руках сельской аристократии скапливаются значительные денежные богатства. Об этом, в частности, говорит громадный клад монет из Алибайтепа. Не исключено, что данный факт следует рассматривать как одну из сторон процесса перехода на грани античности и средневековья центра экономической жизни из города в селения.

Состав монетной массы, обращавшейся в это время в Северном Тохаристане, был одинаковым. В городах и селениях данной области ходили одни и те же монеты, что указывает на примерно одинаковый уровень развития товарно-денежных отношений и общее денежное хозяйство во всей области. Поэтому появление в Северном Тохаристане в конце IV — начале V в. первых подражаний сасанидским драхмам, чеканка в Чаганиане и Термезе своей медной монеты означало принципиальное явление — начало сложения узколокальных

рынков, хозяйственное обособление областей, что особенно ярко проявляется здесь в V – первой половине VI в.





**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ
МОНЕТЫ**





ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ТОХАРИСТАНЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Денежное обращение в Северном Тохаристане в V-VII вв. н. э. относится к числу тех проблем, характеристики которых базируются исключительно на нумизматическом материале. Отсутствие данных нарративных источников и актовых документов значительно ограничивает степень ее познания. Нельзя не отметить, что нумизматическая база проблемы до начала 60-х годов XX в. была весьма скудной. Количественное увеличение нумизматических находок (как отдельных монет, так и кладов) и обращение ряда ученых к их исследованию привело к появлению работ, в которых не только определяется состав монетной массы, циркулирующей в различных районах Северного Тохаристана, но и предпринята попытка охарактеризовать закономерности и особенности развития денежного хозяйства этой области [26. С. 129-155; 28. С. 3-19; 29. С. 64-72; 138. С. 250-262].

Е. А. Давидович и Е. В. Зеймаль, впервые предложившие периодизацию денежного обращения в Северном Тохаристане в IV-X вв., делят его на два периода: конец IV — первая

четверть VII вв.; вторая четверть VII-X вв. В каждом из них они определяют по два этапа.

На первом этапе первого периода обращаются медные кушанские монеты (последняя четверть IV — середина V в.) и подражания кушанским монетам (до конца V — начала VII в.).

В конце VI — начале VII вв. их сменяют медные монеты небольших владений, имевших узколокальное обращение. Со второй половины V в. н. э. появляются серебряные монеты: привозные сасанидские, сасанидские с надчеканами, эфталитские и местные подражательные.

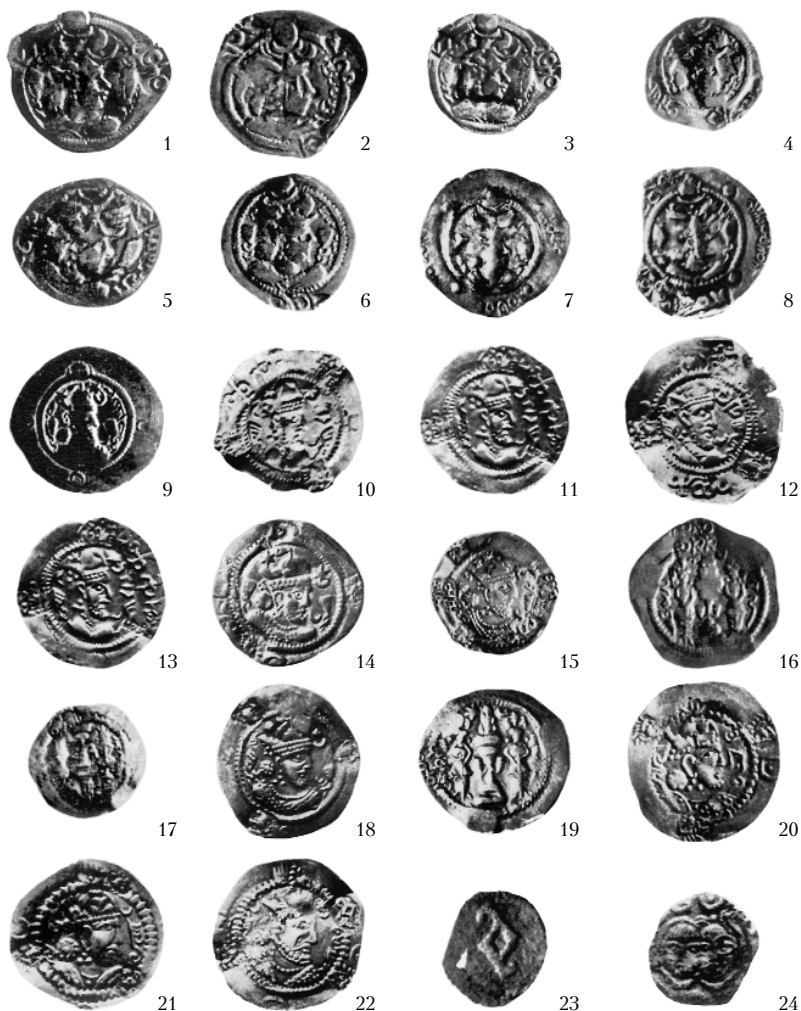
На первом этапе второго периода (вторая четверть VII — середина VIII в. н. э.) преобладают три группы медных монет: тохаристанские с курсивной эфталитской легендой мунчакского типа; тохаристанские с согдийской легендой; тохаристанские анэпиграфные.

Среди серебряных монет доминируют подражания сасанидским монетам с надчеканами [43. С. 70-74].

Данная периодизация отражает состояние научных знаний о денежном обращении в Северном Тохаристане на соответствующем этапе изучения. В ней, в частности, почти не показан состав монетной массы, обращавшейся в северо-западной части этой области, нумизматические материалы которой в то время были фактически неизвестны. Представляется недостаточно убедительным мнение Е. В. Зеймаля об обращении в IV-V вв. н. э. в Северном Тохаристане подлинных кушанских монет, т. к. в монетных кладах этого времени содержатся исключительно кушано-сасанидские монеты или подражания кушанским монетам.

В настоящее время отдельные положения этой периодизации могут быть уточнены, конкретизированы и дополнены новыми данными. Особенно это относится к территории Северо-Западного Тохаристана и, в частности, Чаганиана, где удастся проследить основные этапы становления самостоятельной чеканки серебряных монет.

Источниковедческая база исследования, клады серебряных монет с городища Будрач (один целый — 386 экз. и три не полностью сохранившихся — всего около 1000 экз.), отдель-



Таб. XXII. Монеты Чаганиана конца V – начала VIII вв., найденные на городище Бударач

1-6. Монеты Пероза (459-481) с бактрийскими и согдийскими надчеканами. Серебро. **7-8.** Подражания монетам Пероза с бактрийскими и согдийскими надчеканами. Серебро. **9.** Драхма Хосрова I Ануширвана (531-579). **10-22.** Чаганхудатские подражания монетам Хосрова I Ануширвана с надчеканами: бактрийские надписи, тамги, лица правителей. **23-24.** Монеты с парным изображением. Бронза.

ные находки монет с раннесредневековых городищ долины Сурхана (Актепа, Бударч, Дальверзинтепа, Тураханбайтепа, Савринджонтепа, Кулялтепа), долины Шерабада (Балалыктепа, Зангтепа, Кулугшахтепа, Каттатепа, Шуруб-Курган), а также округа Термеза. Привлечены также опубликованные Б. И. Вайнберг монетные находки из долины Шерабаддарьи и Термеза, а для сравнительной характеристики — нумизматические данные из Северо-Восточного Тохаристана (Южный Таджикистан).

Для определения состава металла монет в лаборатории физико-химических методов исследования САИГИМС в Ташкенте был проведен спектральный лазерный анализ двенадцати монет. Все эти данные вкуче уже составляют достаточно солидную источниковедческую базу для характеристики денежного обращения в Северо-Западном Тохаристане, метод изучения которого базируется на анализе трех компонентов: местного чекана, топографии монетных находок, их состава.

Состав монетной массы, обращавшейся в Северо-Западном Тохаристане, был достаточно разнообразным в раннее средневековье (V-VIII вв. н. э.).

Зоны хождения этих монет не всегда совпадали, так же как не совпадала и продолжительность их обращения.

Рассмотрим состав монетной массы в каждой из областей Северо-Западного Тохаристана.

Чаганиан. Серебро. Сасанидские драхмы. Массовый приток сасанидских драхм в Чаганиан начинается со времени Пероза (459-484). В кладах, найденных на городище Бударч, зафиксировано 117 драхм Пероза двух типов:

1) царь в зубчатой короне, с лентой, отходящей от правого плеча;

2) царь в короне с крыльями и двумя лентами над плечами.

Количественно преобладают монеты Пероза второго типа. Диаметр монет 1,8-2,0 см; вес 2,8-2,9 г. Как показал спектральный анализ двух драхм Пероза, они отчеканены из сплава серебра и меди с добавкой свинца и золота, при значительном содержании серебра.


Подражания драхам Пероза в Чаганиане весьма редки. Зафиксированы пока три подобные монеты: Дальверзинте-

па — 1 экз., Будрач — 2 экз. Все три монеты относятся к эм. 287 по Р. Гёблю, отличающейся от исходного образца четырьмя рельефными точками, нанесенными за пределами центрального круга [228. S 197-199; III tab, 78-79].

Как на монетах Пероза, так и на подражаниях имеются разнообразные надчеканы, которые возможно разделить на три группы: надчеканы-легенды, надчеканы-тамги, надчеканы-изображения, всего восемь типов надчеканов:

I тип. Бактрийская курсивная надпись $\chi\delta\eta\theta$ — «правитель».

II тип. Согдийская курсивная надпись, бухарским письмом $hw\beta$ — «государь, правитель».

III тип. Тамга ромбовидной формы на горизонтальной подставке .

IV-VII типы. Согдийские курсивные надписи, состоящие из одного слова, пока непонятого из-за плохой сохранности.

VIII тип. Профильное изображение головы правителя вправо без головного убора с тщательно проработанными чертами лица.

Общее количество монет Пероза с надчеканами, найденных в Будраче, — 117 экз. Судя по различиям в начертаниях букв надписей в надчеканах, употреблялось значительное число штемпелей. Так, в кладе II удалось насчитать 18 штемпелей, применявшихся для нанесения надчекана.

Все надчеканы на монетах Пероза проставлены только на лицевой стороне, в основном за пределами круга, по краю монетного поля, иногда на венчающем корону шаре со стержнем, на надписи с именем царя, но никогда на изображении царя. Только на трех монетах надчеканы нанесены по одному: надчекан $\chi\delta\eta\theta$ — 2 экз., $hw\beta$ — 1 экз. В основном же имеются по три и чаще — по два надчекана. Наиболее распространены со-

четания двух надчеканов: $\chi\delta\eta\sigma$ +тамга (83 экз.); и трех: $\chi\delta\eta\sigma$ + $\alpha\omega\beta$ +тамга. Большинство надчеканов проставлено отдельно, на расстоянии, иногда рядом, или наложены друг на друга.

Драхмы Хосрова I (531-579), найденные в Чаганиане, обычного типа: погрудное изображение царя вправо / алтарь огня, мобеда, пехлевийские легенды [28. С. 12] — около 100 экз., в том числе в целом кладе из Будрача — 52 экз., что составляет 7/8 его состава. Монетные дворы: Ардашир-хварре, Мерв, Рей, Даранкерт, Спохан, Йезд.

Четыре драхмы: Д. — 2,9-3,0 см, В. — 3,6-3,8 г, все остальные — Д. 2,4-2,6 см, В. — 2,4-2,9 г. На последних почти полностью отсутствуют поля, где края монет неровные. По составу металла — сплав серебра и меди с примесью свинца и цинка. Эти монеты схожи с ранними подражаниями драхам Хосрова из тех же кладов. Не исключено поэтому, что драхмы Хосрова I были обрезаны, а полученный металл затем был использован при чеканке подражаний. Возможно также, что для этих целей драхмы Хосрова шли в переплав.

Драхмы Хосрова I регулярно поступали в Чаганиан, начиная с сороковых годов VI в. и вплоть до последнего года его правления. Находки драхм Хормизда IV (579-590), Хосрова II Парвеза (590-628) единичны (Будрач, могильник Биттепа).


Наличие в Чаганиане большого числа драхм Хосрова I обусловлено появлением здесь, по-видимому, уже после 579 г. местных подражаний им. Ранние подражания отличаются от исходного прототипа сокращением количества букв в имени и эпитете царя и одновременно их искажением, изменением иконографии портрета. На следующей стадии от имени царя остается одна буква, эпитет исчезает полностью, вместо легенд на об. ст. воспроизводятся знаки, отдаленно напоминающие пехлевийские буквы. Судя по количеству этих подражаний (более 400 экз.), их чеканка осуществлялась регулярно, вероятно, с восьмидесятых годов VI в. до второй половины VII в., когда на смену им приходят чаганхудатские драхмы, битые по образцу драхм Хосрова I.

На монетах Хосрова I и подражаниях им имеются три группы надчеканов: бактрийская курсивная легенда; портреты; тамга.

Надчеканов первой группы пять, легенды в них передают имя правителя и его титул: σαρροχδη (sašroχdew), ζορινοχδη (zarinoχdew) — чтение В. А. Лившица. Они нанесены на л. ст. монеты, третий надчекан — ποινοιοχδη (poinoioχdew) встречается только на об. ст. Два надчекана: οιονοχδη и αλχονοχδη — отмечены на л. ст. монет.

Наиболее многочисленны надчеканы σαρροχδη, реже встречаются надчеканы ζορινοχδη. Надчеканы четвертый и пятый отмечены только на одной монете.

Разнообразны надчеканы в виде квадратных или овальных картушей с миниатюрным изображением головы правителя вправо, иногда — влево. По типу прически и наличию короны можно выделить по крайней мере пять надчеканов: мужская голова «античного типа» вправо, прическа в виде густых волнистых прядей; мужская голова вправо, прическа в виде полукруглых волнистых прядей в несколько рядов; мужская голова вправо, волосы показаны над головой отдельными загнутыми вперед и спускающимися к шее длинными прядями; мужская голова вправо в зубчатой короне и с бородой, состоящей из отдельных торчащих волос; мужская голова вправо, обрамленная отдельными прямыми прядями волос.

Третья группа надчеканов — тамга в виде ромба с противоположно загнутыми концами  — 32 экз.

Исходя из местоположения надчеканов, можно предложить следующую последовательность. Наиболее ранним является, видимо, надчекан — портрет с «античной» прической, типологически примыкающий к надчекану — портрету на монете Пероза. Следующий надчекан — легенда σαρρο χδη, затем надчекан — голова с волнистой прической, надчекан-легенда ζορινο χδη, надчекан-легенда ποινο/ιο χδη и надчекан-тамга. Последний по времени надчекан — мужская голова с гладкой прической (тип V, надчекан-портрет), только данный надчекан, как мы покажем ниже, присутствует на чаганхудатских монетах, битых по образцу драхм Хосрова I.

Подавляющее большинство надчеканов, за исключением одного (тип III, надчекан-легенда), нанесено на л. ст. монет. Нередки монеты, на которых имеется по три, четыре и даже пять надчеканов — легенда, портрет, легенда, вновь портрет, и, наконец, тамга. Зачастую надчеканы перебиты, когда один надчекан накладывается на другой. Совмещение надчеканов на одной монете говорит о разновременности их производства [39. С. 93]. Разнотипность же их свидетельствует о частой смене правителей в Чаганиане, каждый из которых стремился узаконить обращавшиеся здесь монеты, проставляя свой надчекан.

Наличие большого числа надчеканов на монетах, вероятно, свидетельствует о некотором упадке денежного хозяйства, ибо частая сменяемость правителей не позволяла им наладить собственную чеканку монеты, экономически было более выгодно для них пустить прежнюю монету в обращение, узаконив ее путем надчеканивания. В таком случае финансовые затраты на производство монеты сводились к минимуму.

Дальнейшее развитие денежного хозяйства привело к чеканке чаганхудатских серебряных монет по образцу драхм Хосрова I. Они делятся на две группы: анэпиграфные монеты и монеты с курсивной бактрийской легендой, состоящей из одного или двух слов.

На л. ст. анэпиграфных монет — три прямоугольных картуша с миниатюрным портретом чаганхудата в профиль вправо. Иногда — это надчекан, но чаще данные изображения были нанесены непосредственно на штемпель, которым чеканилась монета (ложный надчекан). На об. ст. этих монет в аналогичном круге помещено изображение алтаря огня со стоящими по сторонам его мобедами. Д. — 2,2-2,6 см, В. — 2,4-2,5 г.

Монеты второй группы при полном сходстве иконографического типа отличаются наличием бактрийских курсивных надписей на об. ст., выполненных петитом. На раннем этапе монет имеется слово — $\chi\delta\eta\theta$ — «правитель», помещенное справа от алтаря. На более поздних — слева и справа от него содержится надпись, состоящая из имени и титула $\chi\nu\alpha\rho\theta$ $\chi\delta\eta\theta$ — «Хнар хидев» (допустимо также чтение $\eta\nu\alpha\rho\theta$ $\chi\delta\eta\theta$ — «Энар хидев»).

Относительная хронология чаганхудатских монет очевидна — они непосредственно следуют за подражаниями драхмам Хосрова I. Что же касается абсолютной их датировки, то начало их выпуска, вероятнее всего, будет относиться ко второй половине VIII в., когда арабами была упразднена династия чаганхудатов.

Чеканка этих монет, в особенности анэпиграфных, была весьма обильной. Только на городище Будрач их найдено более 500 экз. Более редки монеты с легендами — 12 экз.

Как показал анализ металла монет обеих групп, в их состав входит серебро >50, медь >50, цинк >5, свинец и золото >1. По более высокому содержанию цинка и наличию золота сплав этих монет отличается от сплава металла, из которого здесь же, в Чаганиане, чеканились подражания драхмам Хосрова I.

Медь. Чекан медных монет в Чаганиане представлен двумя разновременными группами. К первой, наиболее ранней, относящейся, вероятно, к концу V — началу VII вв. н. э., принадлежат две скифатные монеты из Дальверзинтепа и Халчаяна [139. С. 123]. На л. ст. — погрудное изображение правителя в фас в облегающем заостренном на макушке колпаке (или шлеме), над которым расположен кружок. По обе стороны от головы — два S-образных знака. Изображения на об. ст. стерты.




Г. А. Пугаченкова, отмечая определенное сходство изображения и образного знака с некоторыми согдийскими монетами, справедливо относит их к местной чаганианской эмиссии.

Типологически к этим монетам примыкает монета, обнаруженная нами на Саполтепа у Шурчи. На ее л. ст. имеется погрудное изображение правителя в аналогичном шлеме (или колпаке), но S-образные знаки отсутствуют, тамга в виде ромба с отходящими от его углов завитками. Монета плоская, а не скифатная, как предыдущие, что свидетельствует о ее более поздней датировке. По существу, монета из Саполтепа является собой промежуточный вариант между монетами первой группы (аналогичное изображение на л. ст.) и второй группой, с которой ее объединяет сходство тамги.

Вторая группа представлена монетами, имеющими на л. ст. погрудные изображения совмещенных лицами правителя

и правительницы в различных головных уборах, на об. ст. — аналогичного типа тамгу.

Эта группа монет подразделяется на два типа: анэпиграфный и с бактрийской курсивной легендой на об. ст. Различны также некоторые иконографические детали (корона, украшения) и метрологические данные. Судя по количеству и местам находок, основным выпуском медных монет в Чаганиане были анэпиграфные монеты — они найдены здесь на шести городищах (Будрач, Дальверзинтепа, Кулалтепа, Савриджонтепа, Тураханбайтепа, безымянное тепа), тогда как монета с легендой пока уникальна.

Типологически чаганианские монеты примыкают к обширной группе монет с изображением правителя и правительницы на л. ст. и тамгой на об. ст., ареал обращения которых приходится на Согд и Чач [161. С. 37-38; 182. С. 137-138; 184. С. 359-371]. Однако при общей иконографической схеме эти монеты различаются между собой особенностями изображений, деталями головных уборов, надписями (в Согде и Чаче легенды согдийские) и тамгами. По типам тамг можно выделить три группы монет: чачскую , согдийскую , чаганхудатскую .

М. Е. Массон считал, что «тюрко-согдийские» монеты с изображением правителя и правительницы копируют византийские, где такие изображения впервые появляются на монетах Юстина II (562-578 гг.) [109. С. 97]. Аналогичного мнения придерживается и О. И. Смирнова [184. С. 19-20].

В таком случае начало выпуска среднеазиатских монет с парным изображением можно датировать концом VI — началом VII вв. н. э. Характерно, что на ряде серебряных подражаний монетам Хосрова I, относящихся примерно к этому периоду, имеется аналогичного типа тамга, как на медных монетах, что подтверждает датировку начала их выпуска.

Судя по находкам подобных монет в одном стратиграфическом слое с ранними арабскими фельсами (Кулалтепа, Савриджонтепа), они обращались в Чаганиане вплоть до второй половины VIII в. н. э.

Гуфтан и Термез. Состав монетной массы, обращавшейся в округе Термеза (владения термезшахов) и долины Шерабадарья (историческая область Гуфтан), был иным.

Серебро. Находки подлинных сасанидских драхм, широко представленных в Чаганиане, здесь пока отсутствуют. Основными типами монет являлись различные подражания драхам Пероза, последовательность изменения которых привела в конечном итоге к выработке самостоятельного монетного типа.

Исследование состава металла монет показывает последовательное снижение содержания серебра в монетах, появление монет из сплавов серебра, меди, свинца и цинка и покрытых тонким слоем серебра.

Наиболее ранние подражания драхам Пероза отличаются от исходного прототипа четырьмя рельефными точками, нанесенными за центральным кругом (эмиссия 287, по Р. Гёблю). На подражаниях этого типа помещен подлинный портрет Пероза в короне с крыльями (тип 3 по Р. Гёблю), монеты Пероза в подобной короне могут быть датированы после 467-468 или 476 гг. н. э. [228. S. 197].

Б. И. Вайнберг относит время появления подражаний этого типа к последней четверти V в. [26. С. 141], хотя не исключено, что это мог быть собственно сасанидский чекан Балха, предназначенный для выплаты дани эфталитам.

Следующий тип подражаний — эм. 287а, отличающаяся от предыдущих эмиссий наличием бактрийской легенды, состоящей из одного слова — $\text{io}\omega\text{o}$ или $\text{o}\omega\text{o}$. Выпуск этих монет датируется после начала VI в. [26. С. 141].

Более широко представлены подражания драхам Пероза, эм. 288 [228. S. 198]. Этот тип подражаний отличается большей схематизацией портрета Пероза и наличием, наряду с бактрийской легендой, тамги 𐰇 , помещенной справа за центральным кругом. Выпуск их датируется первой половиной VI в. [26. С. 142].

Завершает эту серию подражаний монеты эм. 289, на которых портрет Пероза заменяется изображением местного правителя, детали короны сильно схематизированы (таб. I, 9-13). Слева от центрального круга появляется еще одна тамга 𐰇 .

Начало выпуска этих монет Б. И. Вайнберг относит к концу VI в. [26. С. 143].

На монетах эм. 289 имеется несколько типов надчеканов, нанесенных на л. и об. ст. монет: голова в шлеме и голова с «коком» или диадемой (KM72 и KM73, по Р. Гёблю). На монетах Термезского клада Б. И. Вайнберг выделила еще три надчекана — голова льва, голова фантастического существа и соединенные протомы «лани» влево и головы слона вправо [29. С. 68-71]. Аналогичные надчеканы имеются на монетах эм. 289, найденных на Джумаляктепа, Кутлугшахтепа, Шуроб-Кургана. Поскольку эти надчеканы отсутствуют на монетах эм. 289, опубликованных Р. Гёблем, то можно полагать, что они выпускались в Термезе или Гуфгане.

Б. И. Вайнберг считает, что монеты эм. 289 обращались здесь на протяжении всего VII в. находка подобной монеты на Шуроб-Кургана в одном слое с аббасидским фельсом показывает, что период их обращения, видимо, следует продлить до третьей четверти VIII в. Анализ трех монет Кутлугшахтепа и Шуроб-Кургана (эм. 289 с надчеканами) показал, что чеканены они из сплава серебра >50, меди >50, цинка >10, с добавлением свинца >1.

Область мелкой разменной торговли в Термезе и его округе была обеспечена своей медной монетой. Это анепиграфные, скифатные монеты: л. ст. — в точечном круге погрудное изображение правителя в трехчетвертном повороте в округлой «шапочке», обшитой по краям бусами и увенчанной крылатым венцом, в аналогичном круге тамга в виде «якоря». Для ранних эмиссий характерен тонкий чашевидный монетный кружок: Д. — 1,6-1,8 см, В. — 0,8-1,0 г, поздние выпуски более толстые, скифатность почти не выражена, Д. — 1,7-1,9 см, В. — 1,6-1,8 г. Различия в деталях головного убора, иконографии, метрологических данных и форме монет свидетельствуют о продолжительности выпуска монет этой группы.

Период их обращения недостаточно ясен. Б. И. Вайнберг определяет время их чеканки второй половиной IV в. — концом V в. [29. С. 66]. Е. В. Зеймаль датирует эту группу монет концом V — началом VII в. [43. С. 72-73]. По нашему

мнению, начальная дата их выпуска относится к началу V в., а конечный период их обращения охватывает VII в., возможно, первую половину VIII в. Так, на городище Шуроб-Курган подобная монета встречена в одном слое с подражанием Перозу, датирующимся VII в. — первой половиной VIII в.

Эти монеты найдены в основном в Термезе (Каратепа, Фаязтепа, Курган, Чингизтепа), а также на некоторых памятниках низовьев Шерабаддарьи. Не исключено, что они выпускались династией термезшахов, правившей еще в начале VIII в., так как их локализация в Термезе и близлежащей округе не вызывает сомнений.

Медных денег в области Гуфтан пока не обнаружено, но некоторые из подражаний Перозу — это бронзовые монеты, состоящие из сплава меди с большой примесью цинка, которые, вероятно, применялись в денежной торговле этой области как разменная монета.

Наряду с местной монетой в Северо-Западном Тохаристане обращались также монеты согдийских ихшидов — Тархуна и Урка Вартармука, обнаруженные в небольшом количестве на ряде городищ — Будрач, Исмаилтепа, Термез, Зартепа, Дальверзинтепа. На Зангтепа найдена монета правителя Панча-Бильгя и четыре танские монеты (Будрач, Шуроб-Курган). Судя по количеству, иноземные монеты не играли существенной роли в денежном обращении Северо-Западного Тохаристана и, вероятно, проникли сюда в результате торговых контактов.

С начала VIII в. в Северный Тохаристан начинают поступать омайядские, а затем аббасидские фельсы и дирхемы. Е. А. Давидович предположила, что в этой области во второй половине VIII в. наступает спад в денежном обращении, причина чему арабское завоевание, нарушившее основы хозяйственной деятельности здесь в большей степени, чем в долине Зерафшана [43. С. 77-78]. Однако находки арабских монет, сделанные в последние годы, показывают, что эту гипотезу следует распространить, видимо, только на Северо-Восточный Тохаристан, тогда как в Термезе и Саганийане положение было иным. Здесь учтено уже более двадцати дирхемов и фельсов VIII в., обнаруженных на различных городищах

и поселениях: Старый Термез, Будрач, Абидабадтепа, Кулялтепа, Савриджонтепа, Шуроб-Курган.

Найдены два клада омайадских и аббасидских монет (Старый Термез). Один из них включает 247 дирхемов, битых при халифах Хишаме (726-743), ас-Саффахе (749-754), ал-Мансуре (754-775), ал-Махди (775-785), ал-Хади (785-786), Харуне ар-Рашиде (786-809), ал-Амине (804-813) в ал-Байде, Васите, Басре, Куфе, Рее, Мухаммадие, Мадина-т ас-Саламе, Зерендже, Балхе, Самарканде, Шаше, Мерве, Герате, Рафике.

Второй клад содержит около 100 дирхемов, большинство чеканено в Балхе и Васите, остальные — в Ардашир-Хурре, Куфе, Кермане, Махи, Мадина-т ас-Саламе, Мубараке. Дата наиболее ранней монеты 96/714-15 г.

Для истории денежного обращения в Саганийане и Термезе в VIII в. вышеописанные монеты имеют исключительно важное значение, поскольку говорят о том, что на внутреннем рынке этих областей уже с середины — второй половины VIII вв. имели хождение омайадские и аббасидские фельсы и дирхемы, причем среди фельсов преобладал чекан Балха. Знаменателен и факт появления в это время местной чеканки фельсов в Саганийане и Термезе. Следовательно, происходит постепенная замена традиционных монет местных династий халифатскими монетами, причем этот процесс продолжался вплоть до IX в.

Таким образом, для денежного хозяйства этой области характерен разнообразный состав серебряных и медных монет, обеспечивающих потребности этой области в крупной и мелкой торговле. Важная черта — наличие здесь двух или даже трех нумизматических провинций, соответствующих трем самостоятельным владениям: Чаганиан, Термез и Гуфтан. Для каждой из этих провинций характерен свой состав серебряной и медной монеты, имеющей узколокальное обращение. В этом отношении Чаганиан был более обособлен, нежели Термез и Гуфтан, где при различии медной монеты обращались одни и те же типы серебряных монет. В Чаганиане со второй четверти V в. и почти до конца VI в. существенная роль в денежной торговле принадлежали сасанидским

драхмам, а затем возникающим на их основе подражаниям, тогда как для Гуфтана и Термеза сасанидские монеты не характерны, здесь уже с конца V в. основу денежного обращения составляли подражания драхмам Пероза.

Уровень развития денежного хозяйства в этих областях был отнюдь не равнозначным. В Чаганиане наряду с довольно высокопробными сасанидскими драхмами обращались также чаганианские монеты из сплава серебра, меди, цинка, свинца и золота при повышенном содержании серебра. Такое соотношение содержания металлов в монете, с небольшим увеличением лишь доли цинка, сохраняется здесь вплоть до замены местных монет арабскими дирхемами. Иное положение было в Гуфтани и, вероятно, в Термезе. Выпускавшиеся здесь подражания драхмам Пероза уже в самом начале чеканки содержали примерно равные доли серебра и меди, в дальнейшем происходит неуклонное падение доли серебра в монетах, увеличение количества цинка и меди. Последние выпуски данных монет — это, по существу, субэратные монеты из сплава меди, цинка, железа и свинца, покрытых тонким слоем серебра.

Отсутствие высокопробных серебряных монет в различных владениях Северо-Западного Тохаристана, видимо, можно объяснить отсутствием в этих владениях месторождений серебра или слабой его добычей. В Чаганиане после прекращения массового притока сасанидских драхм нехватка серебра для чеканки собственной монеты была восполнена тем, что сасанидские драхмы обрезали. В последующем, когда здесь стали чеканить чаганхудатские монеты по образцу драхм Хоррова I, в состав стали добавлять цинк и золото, причем содержание серебра оставалось довольно высоким.

Следовательно, можно полагать, что Чаганиан был более сильным экономическим владением, нежели Термез и Гуфтан.

Сложение небольших владений с обособленным денежным хозяйством свойственно не только северо-западной части Тохаристана. На северо-востоке этого региона обращались три различные группы медных монет [43. С. 76]. Областная локальность характерна и для серебряных монет. В Чаганиане до сих пор не отмечено ни одной из монет, обращавшихся

в Термезе и Гуфтане, тогда как там отсутствуют чаганхудатские монеты. Во владениях Северо-Восточного Тохаристана вплоть до 30-х годов VIII в. ходили местные подражания драхам Пероза с согдийским надчеканом *δϰϣυ βϣυ* [43. С. 74], находки которых не известны на северо-западе этого региона. Не исключено, таким образом, что серебряные драхмы местных выпусков предназначались, в первую очередь, для удовлетворения потребностей внутриобластной торговли, тогда как межобластная торговля была или слабо развитой или ее обслуживали иные формы денег.

В целом же можно констатировать довольно высокий уровень развития денежной торговли в сфере серебряного обращения в Северном Тохаристане, многие владения которого чеканили свою серебряную монету.

Иным было положение в Согде, где с конца V в. и, вероятно, до второй половины VII в. обращались подражания драхам Пероза, однако не выявлено, чеканились ли они здесь или поступали в Согд из других областей [107. С. 230-231; 109. С. 148-150; 182. С. 37]. В Бухаре в конце V-VI вв., а затем в VII-VIII вв., выпускались серебряные монеты — «бухархудатские драхмы», аналогичного типа серебряные монеты чеканились в Самаркандском Согде [43. С. 74-75].

Таким образом, только два крупнейших владения Согда выпускали свои серебряные монеты, тогда как в Северном Тохаристане их чеканку осуществляли в значительно более мелких и экономически менее значительных владениях. Причина различия здесь, по-видимому, не в том, что в Северном Тохаристане был более высокий, нежели в Согде, уровень развития денежного хозяйства, а, вероятно, в установлении в Согде в VII-VIII вв. более сильной политической власти в двух владениях, тогда как правители тохаристанских владений сохраняли большую политическую и экономическую самостоятельность.

Примечательно также, что состав сплава, употребляемого для чеканки серебряных монет в Согде и Чаганиане, был примерно одинаков по содержанию серебра и лигатуры, вплоть до добавки в сплав золота [182. С. 51]. Общим явлением для этих областей был процесс порчи монеты, постепен-

ного снижения серебра в металле монет до 60 и 50% ко второй половине VIII в. [182. С. 51].

Общим для обоих регионов был и выбор прототипа для чеканки собственной монеты — сасанидской драхмы, хотя и разных царей: в Согде — Варахрана V, в Северном Тохаристане — Пероза и Хосрова I.

В целом это указывает на определенный параллелизм и общность в развитии денежного хозяйства Согда и Северного Тохаристана в сфере серебряного обращения, уровень развития которого был здесь примерно одинаковым.






МОНЕТЫ ЧАГАНИАНА С ПАРНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ

Анэпиграфная «бронзовая» монета с парным изображением на территории Чаганиана была впервые обнаружена на одном из бугров Ханакатепа в Халчаяне в начале 60-х годов [139. С. 123]. Опубликовавшая ее Г. А. Пугаченкова справедливо отметила, что по типу тамги она аналогична монете из самаркандской коллекции Петрова-Борзна [266. Р. 6. №8]. Примерно в те же годы о находке «тюркской» монеты с парным изображением на Якшибайтепа, в районе Южно-Сурхандарьинского водохранилища, упоминает Л. И. Альбаум [7. С. 58]. Им же аналогичная монета найдена на городище Дальверзинтепа. Позднее, с расширением исследований археологических памятников эпохи средневековья в Чаганиане Узбекистанской искусствоведческой экспедицией Института искусствознания, автором данной работы и археологом М. Х. Исхаковым подобные монеты были найдены на городищах Будрач, Кулялтепа, Тураханбайтепа и Савриджонтепа. Две из них были изданы [138. С. 254; 161. С. 55-56]. Наконец, в 1979 г. при раскопках склепа-4 могильника Бит-

тепа удалось обнаружить уникальную монету с парным изображением на лицевой стороне, но с бактрийской курсивной легендой вокруг тамги на оборотной стороне. Накопившийся материал, таким образом, позволяет в настоящее время перейти к вопросам классификации и исторической интерпретации данных монет.

Они подразделяются на два типа: анэпиграфные монеты и монеты с бактрийской легендой.

I тип. Л. ст. В круге из крупных точек (на некоторых монетах он отсутствует) погрудное изображение двух совмещенных лицами персонажей (правительницы и правителя) в фас с легким поворотом друг к другу. Левый персонаж (правительница) без головного убора, волосы спускаются с одной стороны до плеча, переданы извилистой линией, в центре прически округлая точка, возможно, передающая украшение. Лицо округлое, подбородок слегка удлинённый. Глаза большие, миндалевидные, зрачки переданы выпуклыми точками. Голова кверху заострена. У правого персонажа (правитель) прическа (?) или крылатый венец (?) переданы над головой в виде двух изогнутых линий с разных сторон от выпуклой точки посередине. У него прямые длинные усы. На шее у обоих персонажей гривны с отходящим от них посередине украшением. Над головами полумесяц с точкой. Справа по краю монеты имеются какие-то неясные знаки.

Об. ст. В центре ромбовидная тамга с отходящими от нее противоположно загнутыми крючками . Медь. Д. — 2,2-2,0 см, В. — 1,2-1,4 г.

II тип. Л. ст. В круге из рельефных точек погрудное изображение совмещенных лицами правителя и правительницы в фас, с легким поворотом друг к другу. Слева — изображение правителя с усами, справа — правительницы. Лоб, скулы, подбородок у обоих выделены невысоким рельефом, глаза переданы изогнутыми штрихами, зрачки — рельефными точками. Так же передан рот. Нос у правительницы прямой, у правителя слегка изогнут у конца. У них одинаковые головные уборы в виде низкой «короны», в центре которой круглое украшение с отходящим от него полумесяцем с точкой. На шее — гривны с таким же круглым украшением



Таб. XXIII. Типы оборотной стороны монет Чаганиана с парным изображением. Слева — тип I, справа — тип II.

в центре и с тремя отходящими вниз подвесками. В левом ухе у правительницы серьга, переданная пятью точками — одной у основания уха, под ней две стоящие рядом и ниже еще две, но вертикально расположенные. Вверху между головными уборами и внизу между гривнами неясные значки.

Об. ст. В круге из крупных точек посередине ромбовидная тамга с отходящими от нее противоположно загнутыми крючками. В центре ромба точка. Вокруг тамги легенда, выполненная курсивным бактрийским письмом. Медь. Д. — 1,9 см, В. — 0,8 г (таб. XXIII).

Согласно предварительному мнению В. А. Лившица, высказанному в личной беседе, легенда на этой монете состоит из двух параллельных строк и передает личное имя $\tau\eta/\gamma\rho\zeta\alpha\delta\theta$, причем последний компонент имени $\zeta\alpha\delta\theta$ передан зеркально. Следующие обстоятельства не позволяют, однако, согласиться с данным чтением: 1. Легенда состоит из девяти букв, а не восьми; 2. Йота, стоящая перед зетой, не получает объяснения; 3. Неясно, почему первый компонент имени помещен внизу, а второй вверху, когда должно быть наоборот. Не исключен поэтому и иной вариант чтения и понима-

ния данной легенды. Прежде всего отметим, что, по нашему мнению, легенда не горизонтальная, а круговая, начинающаяся на уровне первого часа, рядом с завершением одного из «крючков» тамги.

В правой части поля монеты по кругу расположены четыре буквы, написанные, впрочем, как и все остальные, раздельно. Это — альфа, эта, омикрон и тау; их форма характерна для бактрийского курсивного письма, хотя у альфы необычно горизонтальное расположение концевой части. В левой части поля монеты пять букв — первая из них йота. Определение второй буквы затруднительно. В бактрийском курсивном письме наиболее схожи с ней в написании гамма и зета. Однако зета в курсивных надписях на черепках и монетах имеет характерную изогнутую левую часть. В данной легенде изогнутую форму имеет правая часть, тогда как левая — прямая, что позволяет считать эту букву гаммой. Аналогичную форму, кстати сказать, имеет гамма в курсивной бактрийской надписи на черепке из Зангтепа и надписях-граффити из Каратепе [79. С. 208-209, 232. Рис. 22, 45]. Близка по начертанию гамма на «эфталитских» фрагментах из Берлинской коллекции [225. S. 43; 231. P. 53]. Следующая буква, третья в этой части поля монеты и седьмая во всей легенде, определяется достаточно точно — это омикрон. За ней в окончании легенды две буквы, первая, восьмая по порядку, может быть или альфой или дельтой, последняя, девятая — омикроном или альфой.

Таким образом, всю легенду можно восстановить, как $\alpha\eta(o) \text{ от} \ \gamma\omicron\alpha$ или $\alpha\eta(o) \text{ от} \ \gamma\delta\alpha/o$.

Весьма сложен вопрос о чтении и выделении отдельных слов. Обращает на себя внимание наличие в середине легенды сочетания «от», которое может быть понято как хорошо известный союз «и», в разных надписях передающийся как $одо$, $от$ или $ото$ [82. С. 107]. В территориально наиболее близкой к Чаганиану Айртамской надписи этот союз передан так же, как и в монетной легенде — $от$. Отсутствие второго «о» можно объяснить выпадением его на стыке двух омикронов; аналогичное явление уже отмечено в той же Айртамской надписи [86. С. 41-43].

Можно, следовательно, предположить, что перед и после союза «и» находятся самостоятельные слова, вероятнее всего, личные имена: αηο и γοα/ο, γοδα/ο. В качестве аналогии подобной трактовки легенды можно указать на византийские монеты с парным изображением, где легенда передает имена двух лиц с союзом «и»: Юстин и Тиберий Константин, Ираклий и Ираклий Константин и т. д. [189].

Обращение к византийским монетам в данном случае отнюдь не случайно. М. Е. Массон уже давно показал, что так называемые тюрко-согдийские монеты с парным изображением копируют византийский чекан, где подобные изображения появляются впервые на медных монетах Юстина II (565-578 гг.), ко двору которого около 568 г. прибыло посольство от среднеазиатских тюрков во главе с купцом-согдийцем Маниахом [107. С. 97].

Позднее мы опубликовали тюрко-согдийскую монету с изображением крестов, место расположения которых и форма близки к подобным же изображениям на монетах Юстиниана I (527-565 гг.) [174. С. 232-234]. На связь византийских монет с тюрко-согдийскими указала и О. И. Смирнова, которая именует монеты с парным изображением тюрко-византийскими [184. С. 19-20, 56]. Она даже предполагает обратное влияние данных «тюркских» монет на византийские, что, однако, весьма сомнительно.

Мы отнюдь не считаем, что предложенный нами вариант чтения легенды наиболее верный; настаивать на этом было бы преждевременно, поскольку чаганианская монета уникальна. Без специального языковедческого анализа пока невозможно определить — какое из имен женское, а какое мужское, поскольку в немногочисленной бактрийской ономастике найти соответствующие параллели не удалось. При всем этом уже сейчас очевидно исключительно важное значение этой монеты.

До недавнего времени вопрос о том, какой язык и письменность были распространены в Чаганиане в раннее средневековье, оставался открытым. Находка в 1965 г. двустрочной курсивной бактрийской надписи на фресках Афрасиаба позволила В. А. Лившицу предположить, что образцом официальной письменности Чаганиана являлось бактрийское письмо,

что косвенно подтверждается содержанием расположенной там же согдийской надписи [9. С. 54-55; 79. С. 49]. В 1979-1981 гг. на городище Будрач был найден клад серебряных монет, чеканенных в основном в подражание монетам Пероза (469-484 гг.) и Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.), подавляющее большинство надчеканов на которых представляют краткие курсивные бактрийские легенды, передающие имя и титул правителей, по всей вероятности, Чаганиана. Таким образом, эти данные, наряду с нашей монетой, легенда на которой, что особенно важно, уже не надчеканена, бесспорно свидетельствуют, что бактрийский язык и письменность были широко распространены в Чаганиане в эпоху раннего средневековья и являлись официальными в этой области.

Особенно интересно, что по другим областям Северного Тохаристана подобных убедительных данных о существовании бактрийской письменности в это время пока не имеется. Для датировки чаганианских монет с парным изображением сейчас есть достаточно надежные данные. Верхняя хронологическая их граница определяется совместной находкой монеты первого типа с фельсом Махди Мухаммада (775-785 гг.) на Савринджонтепа, а также находкой их на Кулялтепа в одном слое с арабской куфической надписью на фрагменте сосуда, которая, по палеографическим данным, может быть датирована концом VII — первой половиной VIII в. Сложнее определить нижний хронологический рубеж этих монет.

Мы уже имели возможность показать, что подобного типа ромбовидная тамга в Чаганиане впервые появляется на серебряных подражаниях монетам Хосрова I Ануширвана [161. С. 55-56]. В настоящее время уже имеется более 30 подобных монет из состава Будрачских кладов. Причем анализ этих монет показывает, что данная тамга проставлялась на наиболее поздних по времени анэпиграфных подражаниях монетам Хосрова I Ануширвана поверх имеющихся там надчеканов с портретом правителя и бактрийскими легендами, т. е. по времени этот надчекан тамги является наиболее поздним из многочисленных надчеканов на данных подражаниях. Учитывая достаточно длительный срок деградации монет Хосро-

ва I Ануширвана от подлинных к частично эпитафным и аэпитафным и многослойность надчеканов, можно допустить, что надчекан с подобной тамгой появляется не ранее первой половины VIII в.

Устойчивое существование данной тамги на разнотипных чаганианских монетах на протяжении, по крайней мере, не менее ста лет является убедительным свидетельством того, что она была династическим знаком правителей Чаганиана — чаганхудатов в VII — первой половине VIII вв. Этот вывод еще более подкрепляется тем обстоятельством, что на всех т. н. тюрко-согдийских монетах, распространенных в Согде и Чаче, среди которых О. И. Смирнова выделяла три серии, тамга подобного типа отсутствует [184. С. 54-55]. Нет ее и на других типах т. н. тюрко-согдийских монет.

В совокупности эти данные позволяют считать, что, вероятнее всего, в начале — первой половине VII в. в Чаганиане к власти пришла династия, чеканившая серебряные и медные монеты со своим династическим знаком ромбовидной формы с противоположно загнутыми крючками. Эта династия, судя по имеющимся данным, правила здесь, по крайней мере, до второй половины VIII в.

Из письменных источников и эпитафических данных известны два имени чаганианских правителей VII — первой половины VIII в. Первый из них Туранташ, посольство которого, возглавляемое дапирпатом Пукар-зате, посетило самаркандского царя Вархумана, правившего, по мнению О. И. Смирновой, в 650-655 гг., но не позднее 696 г. [182. С. 63]. Л. И. Альбаум и В. А. Лившиц считают Туранташа современником Вархумана [9. С. 55].

Второй правитель Чаганиана — Тиш упоминается в арабских и китайских источниках. В 705 г., согласно сведениям Табари, Кутайба б. Муслим, по просьбе правителя Чаганиана Тиша-одноглазого, нападает на Ахарун и Шуман. В 718-719 гг. китайский источник называет тохаристанским ябгу Тиша Чаганианского (Ди-Дже из Чже-хань-на). По предположению С. Г. Кляшторного, этот же Тиш, возможно, был тем самым царем Чаганиана, выступившим в 737 г. на стороне арабского наместника в борьбе с тюркешами и согдийцами [71.

С. 146-147. **Прим. 46**]. Поскольку в этот же период в Чаганиане обращались только вышеописанные монеты, объединенные общей тамгой, то мы вправе предположить, что Туранташ и Тиш принадлежали к одной династии. Если правильно наше чтение на втором типе чаганианских монет, то к ней же принадлежали упомянутые в монетной надписи лица. Полученные в последнее время нумизматические материалы, особенно с городища Будрач, позволяют высказать предположение о том, что в Чаганиане в период с конца V до середины VIII в. н. э. правило не менее трех династий.

Правители династий «безымянных хидевов» в надчеканах на монетах Пероза проставляли только бактрийский титул $\chi\delta\eta\omicron$ — $x\delta ew$ [79. С. 67-68; 233. S. 68] «государь» иногда в сочетании с согдийским тождественным титулом $xw\beta$ и тамгой в виде ромба на горизонтальной подставке. Как считает В. А. Лившиц, согдийская надпись по палеографии указывает на дату не позднее конца V в.

Правление этой династии в Чаганиане было, по-видимому, прервано завоеванием данной области Хосровом I Ануширваном (531-579 гг.). Появившиеся затем здесь надчеканы на подражаниях его монетам отличаются от предшествующих отсутствием тамги и наличием личных имен, но в сочетании с тем же титулом. Поэтому, видимо, можно сказать, что в Чаганиане к власти приходит новая, вторая по счету, династия. Сейчас уже зафиксированы три имени правителей Чаганиана из этой династии, два из которых достаточно ясны. Судя по порядку надчеканов, наиболее ранним из них является правитель, имя которого читается как $\sigma\theta\rho\omicron \chi\delta\eta\omicron$ — Сошро хидев, вторым — $\zeta\omicron\rho\iota\nu\omicron \chi\delta\eta\omicron\omicron$ — Зарино хидев (чтение В. А. Лившица и автора). Имя третьего правителя, возможно, читается как $\rho\omicron\upsilon\upsilon\beta(\omicron) \chi\delta\eta\omicron$ или $\rho\omicron\iota\nu\omicron\iota\omicron \chi\delta\eta\omicron$ — Поино хидев. Вероятно, представителем этой же династии был безымянный правитель, проставлявший только надчеканы — портрет без имени и титула.

Судя по ряду данных, эта династия правила в Чаганиане во второй половине VI в. и, видимо, в начале VII в.

Здесь необходимо также остановиться на одном весьма важном для истории Чаганиана вопросе.

В «Шах-наме» Фирдоуси приведен рассказ о том, что после разгрома тюрками эфталитов их войско бежало на юг, где был выбран новый эфталитский царь — правитель Чаганиана Фаганиш [247. Р. 308-316]. Этот пассаж неоднократно использовался историками для характеристики политической ситуации на юге Средней Азии в третьей четверти VI в. н. э. Согласно Э. Шаванну, тюрко-эфталитская война произошла между 563-567 гг. [216. Р. 226]; по А. М. Мандельштаму — ближе к началу этого промежутка времени, т. е. 563 г. [201. С. 437]. Имя чаганианского правителя дошло до нас только в арабской передаче — *فغانيش*.

Сейчас мы имеем возможность установить реальность этого лица, поскольку благодаря надчеканам на монетах Хосрова I Ануширвана уже известны имена трех правителей Чаганиана второй половины VI в., т. е. того времени, когда, согласно «Шах-наме» Фирдоуси, правил Фаганиш. Совершенно очевидно, что для двух из них *sofro* (Сошро) и *zorivo* (Зорино) невозможно сопоставление с именем Фаганиш.

Однако для третьего имени *toivoio*, которое, по-видимому, как это зачастую происходило с местными именами в передаче арабской графикой, было сильно искажено, не исключено подобное сопоставление. Возможно, в его основе лежит корень *toiv* с суффиксом *io*. В связи с этим представляется неудачным мнение О. И. Смирновой, возводившей имя Фаганиш к согдийскому *βυου δλυυ* и видевшей в нем имя божества [183. С. 39-40]. По той же причине нельзя согласиться с Х. Раверти, считавшим имя Фаганиш названием династии — семейным именем (*name of the family*) [265. Р. 423, пр. 8], а не персональным именем.

По-видимому, в начале VII в. н. э. эту династию сменяет новая, третья (?) по счету династия, чеканившая медные монеты с парным изображением и своим династическим знаком в виде ромба с противоположно загнутыми крючками. К ней, по всей вероятности, принадлежали правители Чаганиана Туранташ, Тиш, Хнар, известные по письменным источникам и эпиграфическим данным. Появление этой династии, которую условно можно назвать династией чаганхудатов,

судя по монетным данным и письменным источникам, продолжалось до конца VIII в. Во всяком случае, еще в 775-776 гг. чаганхудат упоминается Балами как противник Муканны, по приказу которого его полководец Сархама в течение месяца грабил селения Чаганиана [68. С. 123]. Но уже в источниках начала IX в. чаганхудаты не упоминаются. Повидимому, к этому времени местная чаганианская династия уже была упразднена аббасидскими халифами.





ДРЕВНИЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ ОБЛАСТИ ЧАЧ

Ранние монеты

История древнего периода области Чач, занимавшей в древности и средневековье большую часть современного Ташкентского оазиса, исследована далеко не полно. Объясняется это весьма скудными известиями письменных источников, в основном китайских, которые, тем не менее содержат важную информацию [22. С. 313].

Значительно дополняют ее нумизматические материалы, как показали исследования раннесредневековых монет Чача [159. С. 8.]. Более слабо изучены самые ранние монеты этой области, хотя они содержат чрезвычайно ценные сведения о ряде важных проблем, связанных с историей древнего периода Чача, в частности, начало монетной чеканки в этой области, время проникновения сюда согдийской письменности и языка, характер и особенности династийной власти в Чаче и ее связи с Кангюйским домом.

История изучения

Ранние монеты Чача издавна привлекали к себе исследователей, хотя до сих пор отсутствуют обстоятельные научные работы о них.

Впервые одну древнечачскую монету опубликовал Ж. де Морган, отнесший ее к разряду античных монет [248]. В связи с находкой этих монет на городище Канка (Аккурганский район Ташкентской области) к изучению этих монет обратился М. Е. Массон, который датировал их III-IV вв. н. э., но не читал согдийской легенды, имеющейся на оборотной стороне [105. С. 27]. Аналогичного мнения в отношении датировки монет придерживается и Б. И. Вайнберг [26. С. 152-154]. Однако В. М. Массон, исходя из сходства тамги, помещенной на оборотной стороне древнечачских монет, высказал предположение о датировке данных монет более ранним временем [102. С. 80]. Несколько древнечачских монет опубликовал и автор данной статьи, отнеся их также к III-IV вв. н. э. [149].

Недавно Е. В. Зеймаль опубликовал статью о раннесредневековых чеканах Средней Азии, высказав в ней некоторые суждения по поводу древнечачских монет [272. Р. 152-154]. В частности, в легенде он усматривает арамейский титул MR^oY со ссылкой на В. А. Лившица, хотя такового, как мы увидим ниже, не имеется. Кроме того, в отличие от других исследователей Е. В. Зеймаль датирует начало их выпуска не ранее V в. н. э. и не исключает даже VI в. или начало VII в. н. э. Исследованием этих монет определенное время занимался В. А. Лившиц, который прочел на них титул xwβ и топоним — место выпуска этих монет i^oi^onk, а также автор этой книги, обнаруживший на одной из монет имя выпускавшего их правителя. Исходя из палеографических данных, В. А. Лившиц датировал древнечачские монеты III-IV в. н. э.


Такова история изучения этих монет, из которой очевидно, что они еще не являлись предметом обстоятельного и скрупулезного исследования.

Иконография монет, тамга

Л. ст. В линейном круге помещен бюст правителя со своеобразной прической волос, ниспадающими отдельными прядями, которые завиваются на концах. Надо лбом волосы подхвачены лентой. У правителя т. н. башенная деформация головы, покатый лоб, выступающий вперед крупный нос и острый подбородок. Надо ртом тонкие длинные усы, опускающиеся концом ниже линии рта. Глаз большой, миндалевидный зрачок выделен крупной выпуклой точкой. При общем сходстве изображение правителя варьирует в деталях, что, вероятно, свидетельствует о большом количестве как штемпелей, применяемых для их чеканки, так и разных правителей.

На поздней фазе выпуска этих монет устанавливается единый, весьма стилизованный тип изображения.

Аналогий изображению правителя в памятниках изобразительного искусства и нумизматики Средней Азии на ранних выпусках не имеется.

Об. ст. В центре монеты помещена тамга с овальной средней частью и отходящими от нее отростками, загнутыми на концах — одним вверх и двумя вниз. В овале две точки, расположенные в противоположных концах  (таб. XXIV, 1, 2; XXV, 1-3).

В. М. Массон составил сопоставительную таблицу тамг, имеющих на монетах первых веков до н. э. — первых веков н. э., выпущенных в Среднеазиатском Двуречье: монеты Хорезма, подражания монетам Евкратида и подражания тетрадрахмам Евтидема. Отметив сходство этой тамги с тамгой на древнечачских монетах, он отметил, что последние могут относиться к более раннему времени, чем III-IV в. н. э., и под знаком вопроса связывал их с кангюйским владением Юни [102. С. 80], которое, согласно мнению многих исследователей, располагалось на территории Чача. Эта идея В. М. Массона представляется мне весьма продуктивной.

Действительно, при определенном различии нижней части тамга на древнечачских монетах в верхней и средней своей частях аналогична вышеупомянутым тамгам, вплоть до двух точек, проставленных в средней части (тамга на монетах Хо-

реза). Фактически нет сомнений в ее кангюйском происхождении, так как данная тамга существенно отличается от кушанских тамг и имеется только на монетах владений, находившихся, по данным китайских письменных источников, под политическим влиянием Кангюя. Для датировки древнечачских монет существенно то обстоятельство, что подобного типа тамга отсутствует на монетах Среднеазиатского Двуречья, относящихся к более позднему времени, чем III-IV вв. н. э.

Эпиграфика

Вокруг тамги располагается надпись, выполненная согдийской письменностью. Попытка ее чтения была впервые предпринята В. А. Лившицем, который установил в легенде два слова — титул правителя $xw\beta$ и место его владения — $i^{\circ}i^{\circ}nk$ — Чачский. Е. В. Зеймаль, однако, приводит другое чтение титула правителя $MR^{\circ}Y$ — искаженная форма от обычного $MR^{\circ}Y$. Однако на просмотренных мною экземплярах этих монет везде стоит титул $xw\beta$.

Сопоставление нескольких десятков экземпляров данных монет показывает, что легенда состоит из трех слов. Начинается она с личного имени правителя, затем следует место его владения и титул. К сожалению, имя правителя или полностью стерто, или не попало на монетный кружок. Вместе с тем у одного коллекционера мною была осмотрена данная монета с прекрасно сохранившейся легендой, которая читается, как $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}иль/sk$ $i^{\circ}i^{\circ}nk$ $xw\beta$. Перевод: Б(а)ч(а)/шак Чачский правитель.

Первое слово легенды, без сомнения, личное имя правителя. Как нам представляется, оно состоит из двух компонентов, в первом из которых угадывается иранский термин $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}$ (сравни, однако, согдийское слово $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}$, «относящийся к богу Митре» на серебряном блюде с изображением охоты Шапура на кабанов) [83. С. 172]. Не исключено, что первую часть этого имени также можно читать как $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}$, а второй его компонент как $\lambda^{\circ}k$ или $s^{\circ}k$ и тогда во всем имени видеть выражение « $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}иль/sk$ » — «относящийся к богу саков»? Однако данный перевод не может пока быть признан окончательным. Если в нем нет буквы и, то тогда возможно иное чтение — $\beta^{\circ}\gamma^{\circ}иль/sk$.

Второе слово легенды — относительное прилагательное от топонима č̣č̣ – č̣č̣nk = Чач, чачский — название области, охватывающей в древности и средневековье значительную часть современного Ташкентского оазиса. Арабы называли ее شاش — Шаш = šṣ̌, но подлинное ее коренное иранское (согдийское?) название č̣č̣ = Чач или Чачан.

Наиболее раннее упоминание этой области имеется в известной надписи Шапура I на Каабе Зардушта, относящейся к 262 г. н. э., где сказано, что шаханшах Шапур I завоевал земли Средней Азии «до гор Кеша и Чача» [93. С. 62].

К последней четверти IV в. н. э. относится согдийская надпись на серебряном блюде из деревни Корчево, в которой упоминается «правитель Чача» [83. С. 170-172].

К числу наиболее ранних упоминаний области Чач теперь можно отнести и легенды на раннечачских монетах.

Третье слово легенды — хwβ — «государь, правитель», хорошо известный согдийский титул (от авестийского hvārā — «тот, чьи деяния хороши», «благотворящий» или от древнеперсидского hwa-bawa — «самоставший»).

На монетах, выпущенных в Средней Азии, этот титул, как считалось, впервые появляется на монетах второй половины IV в. н. э., чеканенных в Бухарском оазисе, где в легенде упоминается «хwβ 'sb'r», «государь Асбар» [83. С. 169; 156. P. 301-308], но теперь устанавливается, что наиболее раннее его употребление относится к древнечачским монетам.

В раннее средневековье (V-VIII в. н. э.) этот титул фактически отсутствует в легендах на монетах Согда и других областей Средней Азии, но зато он широко фигурирует в легендах на монетах различных владений Чача.

Такая верность древнеиранским традициям позволяет наряду с другими данными считать Чач одной из наиболее коренных древнеиранских областей.

Ареал и локализация монет

В последние годы уточнен ареал этих монет, подавляющее их большинство найдено в пределах современной Ташкентской области, в основном в южной присырдарьинской его зо-

не. Больше всего они происходят с городища Канка (Аккурганский район), откуда известны как многие отдельные находки, так и большой клад, включающий более 1000 экземпляров [24. С. 189; 105. С. 27]. Кроме того, они найдены также на городище Бенакет (Шахрухия), расположенного при впадении Чирчика в Сырдарью [24. С. 89]* и на Киндыктепа (район Ташкентского моря) [198. С. 123]. За пределами Чача нам известны находки только двух монет: в Фергане (раскопки Г. А. Брыкиной) и в Фаязтепа (Старый Термез, раскопки Л. И. Альбаума).

Таким образом, эти данные свидетельствуют, что местом выпуска этих монет был Чач, вероятнее всего, его южная часть и что они по праву называются древнечачскими монетами.

Датировка монет

Исходя из проанализированных выше данных, можно сделать следующий вывод в отношении датировки древнечачских монет:

1. Начало их чеканки относится, вероятно, к первым векам н. э.

2. Расцвет чеканки этих монет приходится на III-IV вв. н. э.

3. Чеканка данных монет продолжалась вплоть до V-IV вв. н. э. включительно (анэпиграфная серия).

4. В начале VII в. н. э. на смену ей приходят разнообразные эмиссии монет владений, сложившихся на территории бывшего единого Чачского владения.

Точка зрения Е. В. Зеймаля о датировке этих монет не ранее V в. н. э. на основании того, что словосочетание «правитель Чача» зафиксировано на блюде из Корчево конца IV в. н. э., не может быть принята, так как о более раннем времени их выпуска свидетельствует ряд данных и, в частности, наличие ранней кангюйской тамги на древнечачских монетах. В отношении начала их чеканки более продуктивно мнение В. М. Массона (первые века н. э.) и М. Е. Массона (III-IV в. н. э.). Что же касается времени окончания выпус-

* Сборы краеведа С. Аширова.

ка этих монет, то, вероятнее всего, оно приходится на VI в. н. э. и даже на начало VII в. н. э.

Для древнечачских монет характерен весьма длительный период их чеканки, что выражается в интенсивности их выпуска, наличии большого количества штемпелей, в протяженности типологического ряда от эмиссий с хорошей чеканкой, превосходной иконографией, четкими согдийскими легендами, до деградированных эмиссий чеканенных в виде тонких, не имеющих форму пластин с сильно стилизованными изображениями и совершенно не читаемыми легендами, от которых остались по два-три значка.

Значение монет для истории древнего Чача

Проанализированные выше монеты достаточно важны для истории Чача в первой половине первого тыс. н. э.

В частности, они свидетельствуют о весьма развитых денежных отношениях в этой области и интенсивной рыночной торговле. В первую очередь чеканка этих монет была направлена на обслуживание внутриобластной торговли, тогда как характер расчетов во внешней торговле остается неясным, поскольку в Чаче этого времени не обнаружены серебряные или золотые монеты ни местной чеканки, ни привозной.

Обзор монет, чеканенных в Среднеазиатском Двуречье в III-V вв. н. э., показывает, что характер денежных отношений в Чаче и ряде других владений выглядит весьма своеобразным. Так, в Северном Тохаристане в этот период чеканились также только бронзовые монеты, но недостаток в серебряной монете здесь восполнялся сасанидским серебром. В Кеше и Нахшебе чеканились лишь бронзовые монеты, а недостаток в серебре восполняли сасанидские драхмы и мелкие согдийские серебряные монеты с изображением лучника. В Бухаре так же как и в Хорезме, господствовал биметаллизм — чеканились и бронзовые и серебряные монеты. Такую же картину мы наблюдаем и в Самаркандском Согде. И только Чач выпадает из этой общей картины — серебряные монеты-подражания драхам Пероза появляются здесь только в начале VI в. (находки А. Тереножкина на Актепа Юнусабадском).

Другая немаловажная проблема, с которой мы сталкиваемся при изучении древнечачских монет — это проблема появления согдийской письменности в этом владении. Чач, находившийся на одной из главных трасс Великого шелкового пути, несомненно, должен был испытать большое влияние согдийцев, которые уже, вероятно, после походов Александра Македонского стали переселяться в Сериндию (Восточный Туркестан) через эту область. Данный процесс еще более усилился в первую половину I тыс. н. э., о чем свидетельствуют многие данные и в особенности «Старые письма», датированные II в. н. э. или началом IV в. н. э. [87. С. 351; 232]. Дукт их письма в некоторой степени близок к таковому же на древнечачских монетах. Если подтвердится более ранняя, чем III-IV вв., датировка этих монет, то тогда можно говорить о распространении в Чаче согдийской письменности и языка уже в начале I тыс. н. э. Во всяком случае, на наиболее ранних экземплярах этих монет уже наличествует четкий развитой курсив, возможно, свидетельство того, что до появления его на монетах согдийская письменность в Чаче имела длительный путь развития.

Немаловажные данные можно почерпнуть из этих монет для династической истории Чача в первой половине I тыс. н. э.

В частности, так же как на монетах Хорезма, на монетах Чача проставлен один и тот же династический знак. Но, если на монетах Хорезма и, например, Кушан династический знак при общем сходстве варьирует в деталях, т. е. для каждого, вероятно, правителя он был индивидуальным, то на монетах Чача он остается неизменным на протяжении нескольких веков. Это явное свидетельство того, что в первой половине — начале второй половины I тыс., Чач, в отличие от раннего средневековья, был единым владением, охватывающим, вероятно, большую часть Ташкентского оазиса, а его правители все это время осознавали свою принадлежность к одной династии и к одному роду.

Эта династия, вероятнее всего, была кангюйского происхождения, что можно вывести из монетных данных и свидетельств китайских письменных источников.

Как мы показали выше, тамга или династический знак на монетах Чача относится к числу кангюйских тамг, которые при общем сходстве варьируют в нижней своей части и значительно отличаются от тамг кушанских правителей.

Тамги кангюйских владений

Тамги правителей Хорезма , , , , .

Тамга правителей Бухары .

Тамга правителей Чача .

Тамга на подражаниях монетам Евкратида (правители области по Сырдарье?) .

По-видимому, эти различия указывают, что они чеканились в различных владениях Кангюя, который, как свидетельствует История старшего Дома Хань, состоял из пяти малых владений — Сусе, Фу-мо, Юни, Ги или Чи, Юегянь.

Одно из этих владений Юни уже В. В. Бартольд и другие ученые отождествляли с районом Ташкента [14. С. 499; 17. С. 216; 188. С. 144].

Современные исследователи этого вопроса также помещают Юни в пределах Ташкентского оазиса, в основном в долине р. Чирчик.

Разногласия между ними сводятся в определении местонахождения одноименной столицы этого владения — одни исследователи помещают его вслед за М. Е. Массоном на месте Ташкента [120. С. 107; 191. С. 35], Ю. Ф. Буряков отождествил Юни с городищем Канка [24. С. 35].

В этом споре, на мой взгляд, прав Ю. Ф. Буряков, поскольку в первые века до н. э. — первые века н. э. Канка представляла собой большой развитый город, который вполне мог претендовать на ранг столичного центра, в то время как Ташкент этого времени еще не представлял сколько либо значительного поселения.

Позднее, в V в. н. э., в китайской хронике Бейши это владение именуется Ши, шийский владетель живет при реке Йоша (Сырдарья — Э. Р.) [22. С. 272-273].

В Истории Дома Тхань (Таньшу — VII-VIII вв. н. э.) прямо указано: «Владение Ши, иначе Чжечжи или Чжешу, в ок-

ружности содержит до 1000 ли (около 400 км — Э. Р.). Вправо река Суи, владетель называется Ши, пребывание имеет в городе Чжеси. Это место принадлежало городу Юйни малого кангюйского владения. На юго-западе есть река Йоша (Сырдарья — Э. Р.)» [22. С. 31-37]. Таким образом, приведенные в Бейши и Таньшу топографические данные ясно указывают, что город Юни, позднее город Чжеси или Чжеши, более всего соответствует топографическим данным городища Канка, поскольку оно расположено, в отличие от Ташкента, у реки Йоша (Сырдарья), а справа от него протекает р. Чирчик. Название данного владения — Чжеше, вероятно, китайская транскрипция местного названия Чач.

Когда произошло переименование владения Юни в Ши или Чжечши (Чжеши) — Чач и в связи с чем, отчасти не совсем ясно, хотя очевидно, что истории этих владений неразрывно связаны друг с другом. По иранским эпиграфическим данным (Кааба Зардушта), название Чач употребляется уже в начале второй половины III в. н. э. Согласно письменным источникам, наиболее раннее употребление топонима Чжечши (Чжеши) — Чач относится к концу IV-V вв. н. э. (Бейши). Нумизматические данные говорят о возможном появлении названия Чач уже в первых веках нашей эры. Хотя не исключено, что это истинное аборигенное название возникло еще в более глубокую древность и одно время в местной среде употреблялось параллельно с китайским наименованием Юни.

Итак, сопоставляя нумизматические данные со сведениями письменных источников, можно прийти к выводу о том, что древнечачские монеты начали чеканиться во владении, называвшемся китайцами Юни, но наиболее интенсивный и развитый период их чеканки приходился на время, когда это владение стало называться Ши или Чжечши — Чжеши, какое соответствует коренному его названию Чач. Позднее арабы стали именовать его Шаш, передавая букву «ч», отсутствующую в арабском языке, через «ш».



*Таб. XXIV. Древнечачские монеты.
Лицевые и оборотные стороны.*




Дополнения

Ташкентский нумизмат Д. В. Бирюков передал мне на определение три древнечачские монеты, обнаруженные им в частной коллекции. Две из этих монет исключительно интересны тем, что на них почти полностью сохранилась согдийская легенда на реверсе.

Монета №1

Л. ст. Голова правителя влево с усами и бородой, переданной тремя прядями волос. Прическа в виде спускающихся с макушки вниз отдельных прядей и завитками на концах. Деформирована голова. На шее два ожерелья, одно в виде обруча, другое состоит из бус.

Об. ст. В центре тамга , вокруг согдийская легенда, начинающаяся с первого часа: $\text{č}^{\circ}\text{č}^{\circ}\text{nn}^{\circ}\text{p}^{\circ}\text{č}$ wnwn $\text{xw}\beta$. Перевод — Правитель народа (общины) Чачана wnwn (таб. XXIV, 1).

Медь. Д. 2,2 см.

Монета №2

Л. ст. Тот же тип изображения, но волосы забраны назад и повязаны диадемой, концы которой видны за головой. Над лбом полумесяц.

Об. ст. В центре та же тамга. Вокруг та же согдийская легенда, начинающаяся с пятого часа.

Медь. Д. 2,1 см.

***Раннесредневековые монеты
владений области Чач***

История Чача в раннее средневековье исследована до сих пор весьма недостаточно. Основная причина — фрагментарность сведений письменных источников: китайских хроник и арабо-персидских сочинений [15; 34. С. 314-316; 38; 71. С. 157-161]. Исключительно важен для понимания ряда проблем чачской истории найденный на горе Муг согдийский документ А-14 — донесение агента Деваштича Фатуфарна, посланного в Чач [81. С. 77-91]. Письменные источники, впрочем, недостаточно полно характеризуют династическую историю, а также административно-политическую структуру этой области. Так, для периода VII-VIII вв. н. э. известно всего лишь несколько имен правителей Чача, к тому же весьма искаженных в китайской передаче [22. С. 313; 184. С. 430].

В этом отношении большие перспективы открывают нумизматические данные, до сих пор использовавшиеся крайне ограниченно.

Пионером раннесредневековой чачской нумизматики являлась О. И. Смирнова, которая среди монет музейных собраний и с городища Пенджикент определила монеты чачской эмиссии и предложила их первую обобщенную классификацию, выделив три серии [182. С. 32-35; 184. С. 51-53]. Ее классификация, однако, несколько формальна, поскольку, как сейчас выяснилось, в разные серии попадают монеты одного и того же правителя. Кроме того, она далеко не исчерпывает все типы чачских монет.

Связано это с тем, что монеты, происходящие непосредственно с территории Чача, до недавнего времени почти не публиковались. Лишь в последние годы частично изданы монетные сборы из Канки*, Киндыктепа [198. С. 123-127], Ташкента [85. С. 181-187] и Ханабадтепа [171. С. 6-31].

Систематический учет и исследования монетных находок с территории Ташкентской области позволяют существенно уточнить предложенную О. И. Смирновой классификацию, а также перейти к вопросам исторического характера.

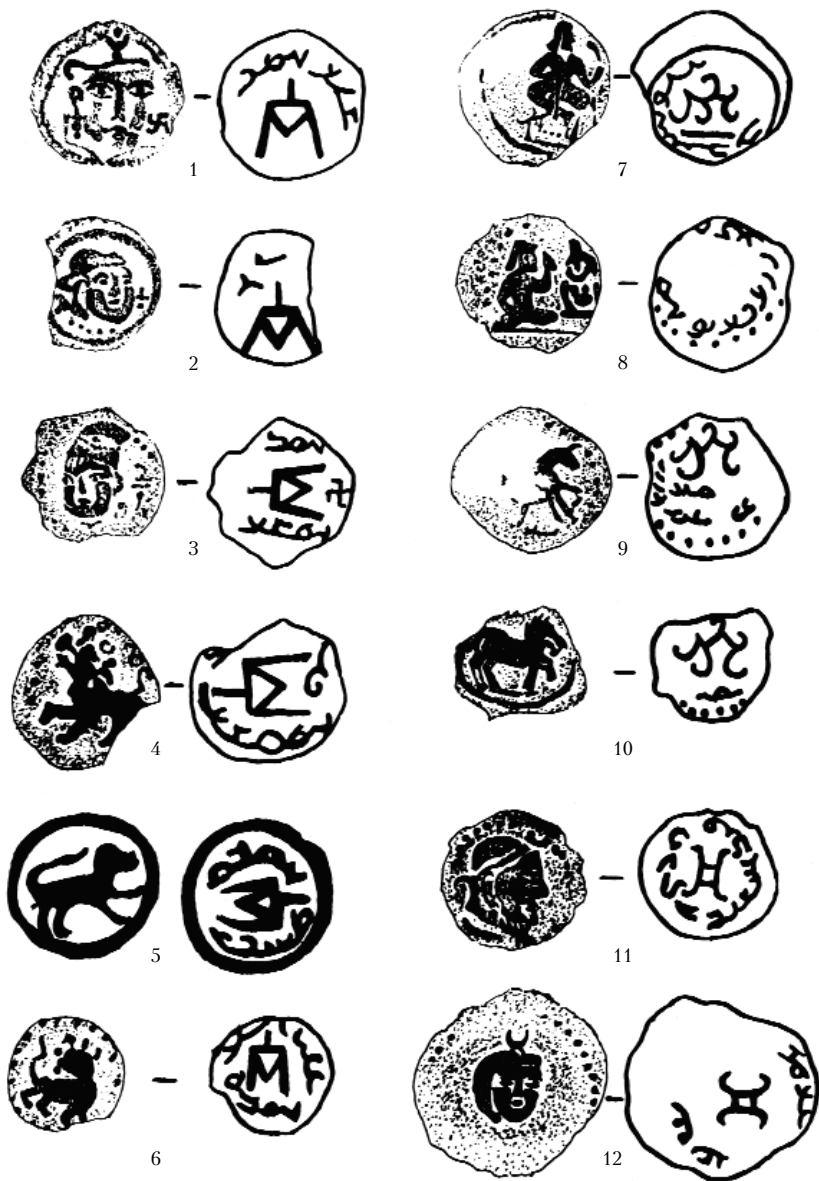
Изучение чачских монет показывает, что они весьма разнообразны в иконографическом и эпиграфическом отношении. Тем не менее среди них можно выделить шесть основных монетных групп, подразделяющихся в свою очередь на типы, варианты и виды.

Для каждой из этих шести групп характерна своя индивидуальная «тамга», повторяющаяся на различных типах монет одной группы с именами разных правителей. Таким образом, эти «тамги» следует, скорее всего, рассматривать как династические знаки как общечачской династии, так и более мелких династий, правивших в различных уделах на территории средневековых областей Чача и Илака. Имеются также монеты, лишенные этих знаков. Однако они не рассматриваются в настоящей статье, поскольку для их понимания сейчас еще недостаточно материалов. Все описанные в статье монеты медные.

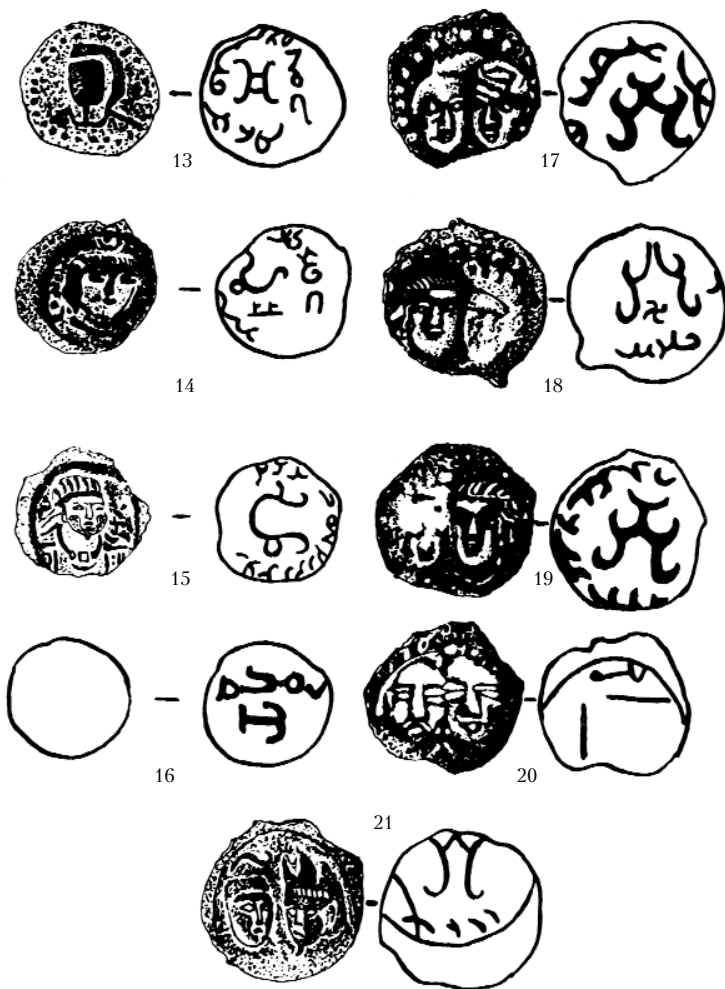
* Описание этих монет сделано мною в статье К. А. Абдуллаева «Археологическое изучение городища Канка» (1969-1972) // ИМКУ. №12. Ташкент, 1975. С. 152-153.



Таб. XXV. Древние и раннесредневековые монеты Чача.



Таб. XXVI. Раннесредневековые монеты
области Чача-Чачана. Прорисовки.



Первая группа

Монеты Чача. Династический символ — вилообразный знак, проставленный в центре оборотной стороны в окружении согдийской курсивной надписи (таб. XXV). На лицевой стороне чаще всего изображение правителя в фас или в три четверти поворота в индивидуальном головном уборе, зачас-

тую увенчанном полумесяцем. Непременно присутствие справа от правителя солярного символа в виде свастики. На монетах поздних выпусков этой группы на лицевой стороне встречается как погрудное изображение правителя, так и хищного зверя (имя правителя *rwčk*), на финальных монетах этой группы правителя Тарнабча — (*trnβč*) — только изображение хищника. По разнообразию монетных типов и видов, встречаемых на территории Чача и за его пределами, они наиболее многочисленны среди других групп монет. На некоторых типах монет уверенно читается *ččnk* (чачский), что позволяет отнести всю группу монет к чекану правителей Чача.

К более раннему периоду относятся монеты, на лицевой стороне которых имеется только погрудное изображение правителя.

I. Правитель *βnčk/zk* (?)

Л. ст. В линейном круге бюст правителя в три четверти поворота в плоском головном уборе с «ушками» по углам, увенчанном полумесяцем, покоящемся на шаре. В левом ухе серьга с двумя камнями. У правителя выразительное широкоскулое лицо, нос прямой, усы опущены концами вниз, глаза большие, миндалевидные, зрачки переданы выпуклыми точками. Справа от лица свастика.

Об. ст. В центре вилообразный знак, вокруг него согдийская курсивная легенда *βnčk/zk(?) ččnk xwβw*. Д. — 1,8-2,0 см, В. — 2,0 г. Места находок: Канка, Бенакет, Ташкентская область, Янгиюль (таб. XXV, 1).

К этому же типу относится ряд мелких монет, легенда на которых лишь частично попала на монетный кружок или не сохранилась.

II. Правитель *rwčk* или *rtwčk*, ⁹*rtčk* (Артачак?)

1. Л. ст. В круге из крупных точек бюст правителя в три четверти поворота влево. Головной убор типа остроконечного колпака, в одном случае увенчанного рогами, в другом — заломленного назад. Лицо с мелкими чертами, безусое.

Об. ст. В центре вилообразный знак, справа от него свастика. Согдийская курсивная легенда в две параллельные строки. Вверху $xw\beta(w)$, внизу $rw\check{c}k$, $rt\check{c}k$ (таб. XXVI, 3).

Д. — 1,7-1,8 см; В. — 2,0 г.

2. Л. ст. В круге из крупных рельефных точек изображение льва, идущего влево с поднятой правой лапой, голова повернута в фас. Над спиной согдийская курсивная надпись $xw\beta w$.

Об. ст. В центре вилообразный знак. Над знаком титул $xw\beta$, против створки rn , под знаком то же имя правителя $rw\check{c}k$ или $rw\check{t}c\check{c}k$. Легенда может быть переведена как «обладающий фарном правитель $rw\check{c}k$ или $rw\check{t}c\check{c}k$ » (имя собственное) (таб. XXVI, 4).

Монеты второго варианта из Пенджикента опубликованы впервые О. И. Смирновой, однако на них имя правителя не сохранилось [182. С. 382-384, № 1551-1554].

Д. — 2,04 см; В. — 1,6-1,7 г.

Монета находок первого варианта: городище Канка, Киндыктепа у Ташкентского моря, Актепа Юнусабадское; второго: Канка.

III. Правитель $trn\beta\check{c}$ ($tr'\beta\check{c}$) — Тарнавч

Л. ст. Хищный зверь, идущий вправо с поднятой правой лапой. Извивающийся хвост поднят над спиной (таб. XXVI, 5).

Об. ст. В центре вилообразный знак. Над знаком и под ним согдийская легенда из двух слов: $xw\beta w trn\beta\check{c}$. Распространены повсеместно на городищах Ташкентской области, в Отраре и его округе, Пенджикенте, Самарканде*.

IV. Безымянный правитель

Л. ст. В круге из крупных точек хищный зверь, идущий вправо, голова повернута в фас.

Об. ст. В центре вилообразный знак, вокруг — согдийская курсивная легенда, состоящая из двух слов $\check{c}nk$ или ($\check{c}n\eta$) $x[w\beta]w$ — чачский правитель (таб. XXVI, 6).

Д. — 1,6 см., В. — 1,4 г. Канка.

* О чтении легенд на этих монетах см.: Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. О раннесредневековых чеканах. С. 185-187.

V. Безымянный правитель

Л. ст. В линейном круге погрудное изображение правителя с широким лицом в башлыкообразном головном уборе. На шее ожерелье. Справа от лица свастикообразный знак. Изображение дано в три четверти поворота.

Об. ст. В центре вилообразный знак. Вокруг — согдийская курсивная легенда плохой сохранности (таб. XXVI, 7).

Д. — 1,7 см, В. — 1,6 г, Бенакет.

VI. Безымянный правитель

Л. ст. В поле в центре двустрочная согдийская легенда. Вокруг следы стертой легенды.

Об. ст. В поле посередине вилообразный знак. Вверху, справа и внизу согдийская курсивная надпись. Сопоставление нескольких экземпляров позволяет установить, что она состоит из трех слов: $xw\beta\ r\eta\ \beta u\ddot{u}$ «обладающий (обладатель) божественной благодатью правитель».

Д. — 1,5 см, В. — 1,5 г, Канка, Пенджикент.

О. И. Смирнова считала, что надпись на лицевой стороне этих монет трехстрочная $xw\beta\ t\ddot{d}wn\ stt\ddot{c}r\ (?)$ «Правитель, тудун, Саттачари» [182. С. 133-134; 184. С. 52-53]. Однако внимательный просмотр этих монет показывает, что последнее слово входит в состав круговой, а не центральной легенды. Кроме того, сомнительно чтение этого слова как $stt\ddot{c}r\ (?)$. Уверенно читается лишь первое слово — $xw\beta$ — «государь, правитель». Во втором слове центральной легенды $t\ddot{d}wn$ — «тудун» — О. И. Смирнова предлагает видеть известный по письменным источникам компонент при именах чачских правителей. Арабы фиксируют его как титул владетелей Чача. Это чтение вероятно, хотя не исключено, что в данном слове отражено имя собственное, которое может читаться как twn — Тун.

Вторая группа

Монеты Кабарны. Монеты этой группы объединены одним династическим знаком типа (таб. XXVI, 7-10). Они и по типу изображения отличаются от других чачских монет отсутстви-

ем погрудных изображений правителей. На одной из монет В. А. Лившицем прочитано слово *kṛnw*, являющееся согдийской передачей названия одного из городов Чача, который у арабских географов именуется Кабарна [85. С. 181-187]. По мнению Ю. Ф. Бурякова, раннесредневековый город Кабарна можно отождествить с городищем Кавардан, расположенным в 25 км восточнее Ташкента и в 6 км от г. Янгибазара [24. С. 86].

Сейчас уже можно выделить четыре типа монет с аналогичным династическим знаком. По этому признаку все они отнесены к чекану Кабарны. Последовательность выпусков неясна и принята условно.

Правитель Кавирадн

Л. ст. В круге из точек изображение двух лиц. Слева расположена изображенная в фас фигура человека, сидящего со скрещенными ногами. Лицо повернуто вправо, волосы длинные, головной убор конической формы. Правой рукой этот персонаж опирается на пояс; левая рука вытянута вверх и вправо в характерном жесте адорации. Фигура, изображенная справа, прослеживается менее ясно. Мы видим здесь профильное изображение персонажа, сидящего на низкой «скамейке» (трон?). Детали лица и одежды не различимы.

Об. ст. В центре — плохо сохранившийся династический знак, видны лишь три верхних «отростка». По краю монеты располагается круговая легенда согдийским курсивным письмом. Надпись начинается на уровне «10 часов», содержит 15 букв, из которых три первые и последняя не уместились целиком на монетном кружке из-за смещения штемпеля. Надпись можно прочитать следующим образом: (*k'w*) *uḡn kṛnw xwβ* — «Кавирадн, государь Кабарна» (чтение В. А. Лившица) (таб. XXVI, 8).

Д. — 2,0 см, В. — 1,6 г, Ханабадтепа.

II. Имя правителя стерто

Л. ст. Сидящий прямо правитель со скрещенными ногами на коврике (трон?). Голова повернута вправо. В правой руке, согнутой в локте, — меч, опущенный вертикально между

ногами. В левой руке отведенный в сторону какой-то предмет (булава?). Справа у колена — алтарь (?), слева за головой — плохо различимое изображение или надпись.

Об. ст. В линейном круге в центре династический символ, вокруг курсивная легенда, в которой читаются отдельные буквы: β... (кр) mw (?) xwβ — «Б...правитель Кабарны (?)» (таб. XXV, 10; XXVI, 7).

Д. — 2,0 см; В. — 2,3 г., Ханабадтепа.

III. Л. ст. В круге из крупных рельефных точек всадник, едущий вправо. В правой руке поводья, левая рука, согнутая в локте, поднята перед лицом (таб. XXV, 8,9; XXVI, 9).

Об. ст. В точечном круге тот же династический символ, под ним двустрочная согдийская надпись, от которой сохранились отдельные буквы. Эту легенду на аналогичной монете из Пенджикентского собрания В. А. Лившиц читает как: (1) δ'yβwrtw [M]R'Y — «государь Дайвурту» (имя собственное).

Д. — 2,0 см; В. — 1,5 г, Ханабадтепа, Канка, Кугаиттепа.

IV. Имя правителя не сохранилось

Л. ст. В линейном круге — неоседланная лошадь, идущая вправо. Передняя левая нога приподнята и согнута в колене. Над лошадью полумесяц с точкой.

Об. ст. В точечном круге в центре тот же династический знак. Под ним согдийская легенда, плохо сохранившаяся (таб. XXVI, 10).

Третья группа

Монеты этой группы объединены общим династическим знаком в виде двух полукружий, соединенных двумя параллельными линиями (таб. XXV, 11, 12; XXVI, 11-13). Данный знак в некоторой степени схож с тамгой, проставленной на древнечачских монетах. Определенное сходство или точнее продолжение иконографических традиций последних монет наблюдается и на одном типе этой группы, где в отличие от всех раннесредневековых монет Чача, правитель изображен не в фас, а в профиль, как и на монетах древнечачского чекана. Пока удалось

выделить три типа монет данной группы, на двух из них чтение имен правителей — Вийартфарнак и Шчанийабаг (чтение В. А. Лившица) — можно считать твердо установленным. Легенды этой группы, выполненные согдийским курсивом, нестандартны: на одном типе монет они передают номинал и имя правителя — «деньга Шчанийабага», на другом — имя и титул правителя — «государь Вийартфарнак», на третьем — титул, имя и топоним. В последнем — четыре буквы могут читаться как *pmk(t)* — Фаранкатский. Если это так, то монеты данной группы можно считать выпусками города Фаранката, расположенного в четырех фарсах к востоку от Бинката. Ал-Истахри отмечал, что на расстоянии двух фарсахов от Бинката на реке Парак (Чирчик) находился Джигукат, далее в двух фарсахов лежит Фаранкат (или Афаринкат) [15. С. 231; 202. С. 33]. В настоящее время этот раннесредневековый город отождествляется с современным Паркентом, где имеются остатки крупного раннесредневекового городища Ишкурган [24. С. 99-100].

Правитель Шчанийабаг

Л. ст. В круге из крупных рельефных точек — голова правителя обращенная вправо. Волосы повязаны лентой, концы которой видны за головой. На лбом — диадема в виде полумесяца, в ухе серьга. У правителя усы и окладистая борода, начинающаяся под подбородком и спускающаяся на грудь отдельными волнистыми прядями (таб. XXV, 12; XXVI, 11).

Об. ст. В линейном круге в центре династический символ, вокруг согдийская курсивная легенда, начинающаяся либо на уровне «второго часа»: *ščny^oβy pny* — «деньга Шчанийабага», либо на уровне «двенадцати часов»: *pny ščny^oβy* — «деньга Шчанийабаг».

Д. — 1,7 см, В. — 1,6 г, Бенакет.

II. Л. ст. В точечном круге погрудное изображение правителя в три четверти поворота вправо. Головной убор типа плоской короны, увенчанный в центре полумесяцем на подставке (таб. XXVI, 12).

Об. ст. В центре тот же династический символ, вокруг — согдийская курсивная надпись. На одной из монет данного

типа В. А. Лившиц читает согдийскую легенду как : [MR?]’У
 Ву’rtrmk — государь Вийартфарнак.

Д. — 2,5 см, В. — 2,3 г., Канка.

III. Л. ст. В точечном круге погрудное изображение правителя в фас, в три четверти поворота влево. На шее — ожерелье.

Об. ст. В поле в центре тот же династический символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда.

Д. — 1,8 см, В. — 1,7 г., Канка.

Четвертая группа

Монеты этой группы объединены общим династическим символом типа (таб. XXVI, 14, 15). Согдийская курсивная легенда сохранилась на всех монетах фрагментарно, поэтому ни имен правителей, ни места их выпуска пока установить не удастся. Однако монеты с подобным династическим знаком найдены пока только на городище Канка, что позволяет предварительно считать, что они выпускались правителями этого или близлежащих городов. Во всяком случае, нам не известны находки монет с подобным знаком ни в районе Ташкента, ни в других районах Чача. Пока отмечены два типа монет этой группы.

I. Л. ст. В линейном круге погрудное изображение правителя в три четверти поворота вправо. На голове обруч, увенчанный в центре полумесяцем с точкой. Такие же знаки расположены над плечами с двух сторон. На шее гривна, иногда с круглой подвеской посередине. На некоторых монетах правитель изображен с зачесанными назад волосами, распадающиеся на отдельные пряди (таб. XXVI, 14, 15).

Об. ст. В поле посередине династический символ, под ним — согдийская курсивная надпись, состоящая из двух букв гё или кё. Вокруг знака согдийская курсивная надпись, сохранившаяся фрагментарно, на одной из монет ...pny(?) tr/k, на другой ... хwβ. Д. — 1,8 см, В. — 1,0 г., Канка.

II. Л. с. Погрудное изображение правителя в панцире в три четверти поворота вправо. Волосы повязаны лентой, развивающиеся концы которой видны за головой слева. Над правым плечом — полумесяц с каким-то знаком.

Об. ст. В поле в центре тот же символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда, сохранившаяся фрагментарно: $\beta\text{y}\text{t} \dots \text{xw}\beta$. Д. — 1,7 см, В. — 0,8-1,2 г, Канка.

Пятая группа

Пятая группа менее распространена, чем предыдущие. Л. ст. на этих монетах этой группы не сохранилась, и пока нет возможности восстановить ее. На оборотной стороне в центре монет изображен династический символ в виде якоря. Над ним и под ним — согдийская курсивная надпись двумя параллельными строками. В верхней строке — одно слово $\text{xw}\beta\text{w}$, нижняя стерта (таб. XXVI, 16). Монеты этой группы небольшого диаметра (1,5-1,6 см) и веса (1,5 г), найдены на городище Канка, Ханабаттепа, Бенакат.

Шестая группа. С парным изображением

В отличие от других групп монет на лицевой стороне этих монет имеется не одиночное, а парное погрудное изображение правителя и правительницы. В свою очередь, монеты этой группы различаются между собой разными головными уборами. К сожалению, согдийские легенды на всех монетах сохранились фрагментарно, что не позволяет пока выделить среди них чекан того или иного правителя. По этой же причине нет возможности и конкретного их определения на принадлежность какому-либо из уделов Чача. На одной из монет как будто бы возможно чтение топонима ʃnkny — чанакский (?). Чанак — название селения на юге Ташкентской области с расположенным на нем крупным раннесредневековым городищем. Однако это чтение весьма гипотетично и требует более весомого подтверждения. Общим для монет этой группы является одинаковый династический знак типа (таб. XXV, 13, XXVI, 17-21), проставленный на монетах разных типов.

Принятая при описании монет последовательность условна, поскольку среди них нет пока возможности выделить более ранние или более поздние типы.

I. Л. ст. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Левый — с непокрытой головой, волосы повязаны лентой. Правый — в головном уборе с «зубчиком», в центре петля.

Об. ст. В поле династический знак. Между основанием знака — свастика. От круговой легенды согдийским курсивом сохранилось одно слово, расположенное под знаком — ... $\beta\gamma\acute{\epsilon}/n\ n/k$. Д. — 2,0 см; В. — 1,9 г., Канка.

II. Л. ст. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Левый — в высоком коническом головном уборе, правый — в тюрбане. Между ними — точка.

Об. ст. В поле династический знак. Вокруг согдийская курсивная легенда ... $nk\ xw\beta\ \delta/\gamma$.

III. Л. ст. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей. Правый с непокрытой головой, левый — неразличим.

Об. ст. В поле династический символ. Вокруг — согдийская курсивная легенда, которая по двум экземплярам восстанавливается как $\gamma\ n/zy/\beta\ \acute{\epsilon}nkny\ xwb$ — «... правитель Чанака» (?). Д. — 2,0 см; В. — 1,9 г, Канка, Актепа Юнусабадское.

IV. Л. ст. В круге из точек погрудное изображение двух персонажей, слитые верхней частью лица. Оба без головных уборов. У левого персонажа — усы, опущенные книзу.

Об. ст. Тот же династический знак. Остатки согдийской легенды xw ... Д. — 1,9 см; В. — 1,6 г., Канка.

V. Л. ст. В линейном круге погрудное изображение двух персонажей. У левого головной убор неразличим, правый — в трехконечном головном уборе.

Об. ст. В поле тот же династический символ. Вокруг — остатки согдийской легенды. Д. — 2,1 см; В. — 1,4 г, Ханабдтепа.

Таким образом, анализ монетных находок с территории Ташкентской области позволил выделить шесть основных групп монет VII — первой половины VIII в. н. э., которые различаются между собой династическими знаками, иконографией, символами и головными уборами правителей. Уже эти данные дают возможность высказать предположение о том, что в VII — первой половине VIII в. н. э. эта область не представляла собой единого целого в политическом отношении.

Прочтение на двух группах монет (первой и второй) названий уделов их выпускающих — Чач и Кабарна — превращает это предположение уже в твердо установленный факт. Таким образом, можно считать, что современная Ташкентская область — средневековые Чач и Илак — в раннее средневековье состояла из шести основных уделов, вероятно, политически и экономически самостоятельных.

В количественном отношении и в разнообразии монетных типов преобладают монеты первой группы, что, видимо, с одной стороны, отражало ведущую роль монетной чеканки этой области, а с другой — более высокое иерархическое положение его правителей. Однако монетные легенды ничего подобного не фиксируют. Правители на всех шести группах монет имеют один и тот же равнозначный титул — $xw\beta$ — «правитель, государь», менее значимый, чем титул MLK' — «царь». Последний титул, однако, не зафиксирован ни на монетах Чача, ни на монетах других уделов.

Уместно поэтому сравнить соотношение титулов в этой области и других областях Средней Азии, в частности, в Согде и Хорезме, где наряду с чеканом верховных правителей имелся и чекан мелких уделов. В Согде, к примеру, верховный правитель на монетах именовался титулом царь ($\check{s}y\check{s}nyr\ mlk'$), тогда как правители мелких уделов — $xw\beta$ или $mr'y$ [182. С. 30-31]. Царь Хорезма носил двойной титул «Владетель-царь» ($mr'y\ mlk'\ k'nyk$ — владетель-царь Каник), а правители мелких уделов — просто «владетель» — ($mr'y\ xwt'w$) [27. С. 18-22; 58. С. 211-213].

Таким образом, различие в иерархическом положении правителей высшего и низшего рангов здесь подчеркивалось достаточно четко. Подобной картины на монетах Чача не фиксируется. Возможно, это означает, что политический ста-

тус каждого из уделов был разнозначным, а правители их считали себя не ниже правителя Чача. Во всяком случае, допустимо предположить, что здесь внутривластическая структура была несколько иной, чем в Согде и Хорезме, где правители мелких самостоятельных уделов признавали верховную власть царя, также имевшего свой удел и являющегося по существу «владельцем владельцев» [58. С. 211]. Правитель Чача, если и занимал по каким-то причинам временно более высокое положение, чем правители других уделов, то в целом он был «равным среди равных».

В мугском документе, А-14 вначале упоминается чачский государь — *sttgr xwβ*, а затем — *тудун tōwn*.

В. А. Лившиц считал, что наряду с тудуном, резиденцией которого был Тарбанд (совр. Отрар), существовал и местный династ — «государь Чача» с резиденцией в Чаче — Бинкате [80. С. 100-101]. Однако С. Г. Кляшторный настаивает на идентичности «тудуна» и «государя Чача» [71. С. 159-161]. Вопрос этот сложен, но для нас важнее, что и в этом письме правитель Чача именуется титулом *xwβ* — «правитель, государь», а не царем — *MLK'*. Возможно, впрочем, что чачское владение в это время, т. е. в 712-715 гг., уже играло ведущую роль, коль скоро Деваштич направил свое послание к правителю Чача, а не к другим правителям соседних с ним уделов.

В заключение следует отметить, что титулатура правителей раннесредневекового Чача сложилась в основном под влиянием Согда. Во всяком случае, тюркский титул *тудун*, которым именовался правитель Чача в письменных источниках, на монетах отсутствует. Правда, О. И. Смирнова на одном типе монет под словом *xwβ(w)* читала слово *tōwn*, предполагая, что правитель, выпускавший данные монеты, носил двойной титул — согдийско-тюркский — *xwβ(w) tōwn*. Однако чтение это не безупречно, но, даже если оно правомерно, то не меняет общего положения, поскольку эти монеты исключительно редки.





МОНЕТЫ ЧАЧА И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕМУ ОБЛАСТЕЙ

Раннесредневековая нумизматика Чача, как становится сейчас совершенно очевидным, по обилию монетных чеканов, иконографии — портретов правителей, династических знаков и символов, содержанию легенд и исторической значимости является, пожалуй, наиболее интересной среди нумизматики Средней Азии эпохи раннего средневековья (V-VIII вв. н. э.).

Помимо фактически уникальных сведений по истории и характеру денежных отношений, эти монеты предоставляют единственные сведения об особенностях согдийской письменности этой области, лежащей на важнейшей торговой трассе одного из направлений Великого шелкового пути.

Согдийская письменность и язык очень рано стали проникать в Чач. Наиболее ранние образцы согдийской письменности здесь относятся к III-IV вв. н. э. — это легенды на раннечачских монетах, хотя не исключено, что начало их чекана относится к первым векам н. э. [102. С. 80; 158. Р. 310-311]. Если это так, а для этого вывода есть аргументированные основания, то именно из Чача согдийская пись-

менность и ее носители — согдийцы — проникли в Фергану, Семиречье и Восточный Туркестан. Это тем более вероятно, что самые ранние образцы согдийского письма из Семиречья и Ферганы датируются не ранее VII в. н. э. [87. С. 351], а в Восточном Туркестане древнейший памятник этой письменности — Старые Согдийские письма из Дуньхуна — датируются В. Хеннингом началом IV в. н. э.

То есть Чач выступает здесь как бы ретранслятором в передаче согдийской письменности из собственно Согда на Восток и это является одним из важнейших аспектов в изучении монет древнего и раннесредневекового Чача.

Начало их изучения было положено О. И. Смирновой, выделившей среди монет из Пенджикента монеты, по ее мнению, чекана раннесредневекового Чача [232]. С начала семидесятых годов в исследовании нумизматики этой области данного времени активно включился автор этой статьи, опубликовавший как отдельные находки монет, так и обобщающие статьи о них [159. С. 31-40; 197. С. 21-28; 206. С. 181-187].

Особую трудность в исследовании этих монет представляют согдийские легенды, из-за сложного характера начертания и недостаточного понимания содержания этих легенд, в которых переданы разнообразные названия владений, титулов и имен. По этой причине первоначально чтением легенд занимался В. А. Лившиц, но с конца семидесятых годов автор статьи, освоив особенности их начертания, перешел к самостоятельному их чтению.

Пересмотр старых чтений легенд и новые находки домульманских монет Чача привели меня, в частности, и к некоторому пересмотру прежнего вывода о принадлежности монет с определенным типом тамги только к одному владению [159. С. 32]. Как теперь выясняется, монеты с одинаковой тамгой могли чеканиться в разных владениях.

Монеты с тамгой

Правитель Туркеш. Л. ст. В линейном круге погрудное изображение правителя в три четверти поворота вправо. Во-



Таб. XXVII. Монета Туркеша. Лицевая и оборотная стороны.

лосы на голове разделены пробором и ниспадают длинными прядями на плечи. У правителя слегка скуластое лицо, большие глаза. Над верхней губой усы, опускающиеся концами вниз. Он облачен в одеяние с широким треугольным разрезом на груди. На шее гривна, с утолщением на концах, в центре которой квадратное украшение.

Об. ст. В центре монеты династический знак, вокруг которого согдийская легенда, начинающаяся с третьего часа: *twrkš čšpnyk mǝ'uw* — Тю/уркеш чачаниский правитель. Д. — 2,6 см, В. — 4,0 г. Найдена в Ташкенте на ул. Джаркурганской, вблизи Масложиркомбината.

Легенда, читающаяся справа налево, состоит из трех слов: первое слово передает имя правителя, второе — место владения, третье — титул правителя. В первом слове пять букв — первые четыре читаются очень хорошо *twrk*, последняя буква менее заметна, по ряду особенностей можно полагать, что это буква *š*. Отметим, что написание этого слова на чачской монете совпадает с написанием слова на т. н. тюркешских монетах, легенда на которых состоит из четырех слов: *βυυ twrkš γγ'n pny* [182]. В этом слове, но на монетах с квадратным отверстием, исследователи видели название

племени тюргешей. Однако совершенно очевидно, что на чачской монете слово *twrkš* передает личное имя правителя, поскольку после него следует слово, обозначающее место владения этого правителя — *č'č'nyk* т. е. Чачаниский, относительное прилагательное мужского рода, образованное путем присоединения согдийского суффикса *n'k* к существительному. В данном случае таким существительным является название области *č'č'ny* или *č'č'n*.

Определение слова *twrkš* на Чачаниских (именно так, а не просто *č'č'*) как личного имени позволяет нам исправить понимание этого слова в легенде на т. н. тюргешских монетах, которое, как мы писали выше, определили как название племени. Исходя из новых данных, легенду на т. н. тюргешских монетах можно перевести как: «Деньга Божественного Тюркеша Кагана».

Не исключено, что и чачаниская монета с подобным именем и монеты с квадратным отверстием выпущены одним и тем же правителем — Туркешем, носившем в принципе равнозначные титулы: тюркский — каган и арамейский — *MR'Y*. Однако, возможно, и другое объяснение. Тюркешские монеты чеканились, судя по ряду данных, на протяжении длительного времени и выпускались правителями не одного поколения. Вероятно, здесь мы имеем дело с явлением, как теперь выясняется, широко присущим домусульманской нумизматике Средней Азии — традиционного выпуска монет в течение многих лет от имени основателя династии.

В данном плане прежде широко были известны лишь парфянские монеты, которые на протяжении 300 лет выпускались только от имени Аршака. Таковыми же были монеты пресловутого «Герая» — на самом деле, как нами установлено, они выпускались от имени основателя династии Кушанидов — Кушана [158. С. 6-7]. Так же и в Согде, где в течение нескольких столетий в первые века н. э. чеканились монеты только с одним именем — Гиркода.

Эту традицию, по-видимому, унаследовали и тюрки Чача, возможно Семиречья, в течение ряда поколений выпускавшие монеты с именем Туркеша, положившего основание новой династии Туркешидов. Конечно, можно найти и иное объясне-

ние — то, что чачаниский правитель носил имя по названию племени. Однако все наши многолетние исследования в области домусульманской нумизматики Средней Азии показывают, что на монетах никогда не проставлялись этнические или племенные названия, а только имя, титул и иногда эпитеты правителей. Только с III-IV вв. н. э. в Средней Азии впервые на монетах Чача стали проставлять названия области или владения.

Обратимся теперь к историческим данным, согласно которым тюргеши обитали первоначально в долине р. Или к северу от Тянь-Шаня. Они не принадлежали собственно к тюркам (тюркютам), а входили в состав пяти племен дулу. Согласно мнению ряда ученых, тюргеши как народ образовались от двух племен — мукры и абаров (аваров) [38. С. 294].

В конце VII в. происходит усиление тюргешей, которые при Учжеле создают сильное тюргешское государство, простиравшееся от Алтая и Восточного Туркестана до Сырдарьи и Чача. При Учжеле, считавшимся основателем династии, и его сыне Согэ, ставшим правителем тюргешей в 708 г., после смерти Учжеле, тюргеши нанесли ряд поражений арабским войскам во главе с Кутайбой б. Муслимом. В это время в сферу политического влияния тюргешского каганата входит Чач, Согд и некоторые другие области Среднеазиатского Двуречья.

Однако уже в 710 г. тюрки наносят поражение тюргешам, в результате которого каган Согэ был взят в плен и казнен в 711 г., а территория его государства входит в состав тюркских владений [38. С. 290].

В 717 г. происходит новое усиление тюргешей, во главе которых стал Сулу, принявший в этом же году титул каган, а в следующем году титул хан [38. С. 319]. При кагане Сулу государство тюргешей достигает наивысшего подъема, а возросшая военная мощь позволяла Сулу вести успешную борьбу против арабов, и тем самым оказывать сильное влияние на согдийские и чачские владения. После смерти Сулу в 738 г. тюргешское государство постепенно приходит в упадок и к середине VIII в. перестает играть сколько-нибудь заметную роль в политической жизни Средней Азии.

Вероятнее всего, в хронологических пределах конца VII в. — середины VIII в. осуществлялся выпуск тюргешских монет с квадратным отверстием. Начало их эмиссии, по всей вероятности, было положено основателем тюргешского государства — каганом Учжеле, видимо, в Чаче, где традиции денежного обращения и чеканка монет насчитывали несколько столетий.

Заметим, что тюргешские монеты данного типа найдены в этой области в достаточно большом количестве.

Одновременно в конце VII — начале VIII в. здесь же в Чаче осуществляется чеканка монет иного типа с портретом правителя и с именем Туркеш. Не исключено, что это подлинное имя основателя тюргешского каганата, которое в китайских письменных источниках передано как Учжеле.



Этому выводу не препятствует датировка описанной выше монеты с именем Туркеш, которая укладывается в пределах конца VII — начала VIII в., тогда как в первой половине VIII в. доминирующим чеканом правителей Чача становятся монеты с династическим символом в виде вилообразного знака ???.

Последующие правители тюргешского каганата — Согэ и Сулу продолжали выпуск монет, но только с квадратным отверстием, сохранив имя основателя тюргешского государства — кагана Туркеша в надписях на своих монетах.

Монеты с тамгой

Правитель Z(a)t(a)k или H(a)t(a)k

Л. ст. В точечном круге погрудное изображение правителя в три четверти поворота влево, в плоском шлемовидном головном уборе. На шее гривна.

Об. ст. В центре монеты помещена тамга  или . Вокруг нее согдийская курсивная легенда: z/ntk twnwkand xwβ — Z/H(a)t(a)k правитель Тунуканда. Медь. Городище Канка — 1982 г., на цитадель, Р-4, в коридоре, в слое VI-VII вв. Д. — 1,8 см.

1. Тот же тип. Более плохой сохранности. Городище Канка, Р-4, в коридоре в слое VII-VIII в.



Таб. XXVIII. Монета Туноканда. Лицевая и оборотная стороны.

Как нам представляется, легенда на этих монетах состоит из трех слов. Первое слово легенды — это личное имя правителя — Ztk или, учитывая одинаковое написание букв «з» и «н», — Ntk.

Второе слово легенды — это место владения этого правителя. Оно состоит из семи букв и читается как twnwkand. В этом слове различаются два компонента — второй это, несомненно, knd — согдийское слово, означающее селение, город. Первый компонент, название города — twnw. Таким образом, все это слово читается как twnwknd — Туноканд.

По всей вероятности, это подлинное согдийское название главного города области Илак, известного в арабо-персидских письменных источниках IX-X вв. как Тункат. Он находился на берегу реки Илака (Ангрена) в 8 фарсах (48 км) от Бинката (Ташкента). М. Е. Массоном город Тункат локализован на месте городища Имлак, расположенном в 15 км северо-восточнее г. Алмалыка [105. С. 70]. Раскопками, проведенными здесь Ю. Ф. Буряковым, установлено, что уже в раннее средневековье это был значительный город, обнесенный крепостными стенами с цитаделью, но особенно быстрый рост его относится к VII-VIII вв. [24. С. 110-111].

Третье слово легенды — хорошо известный по многим источникам согдийский титул $xw\beta$ (государь), синоним xwt^9w , происходивший, согласно А. Фрейману, от др. иран. *hwa-bawa* — «самоставший» [83. С. 166].

Таким образом, всю легенду на этой монете можно перевести как «З/Н(а)т(а)к государь Туноканда».

Следовательно, в VII — первой половине VIII в. н. э. (пока только в этих широких хронологических пределах датируется данная монета), Туноканд представлял собой владение, которое управлялось самостоятельным правителем.

Династическим знаком правителей Туноканда был знак Ж , принадлежность которого в предыдущей нашей публикации не была определена.

На монетах третьей группы нашей классификации были прочитаны имена трех правителей из одной династии, объединенной одним династическим знаком Ж : З/Натак, Шчанийбаг, Вийартафарнук. Один из них — З/Натак — был правителем владения Туноканд.

Следует отметить, что монеты третьей группы отсутствуют в собственно Чаче и пока найдены только на территории средневековой области, известной в IX-X вв. как Илак, а в более раннее время как Туноканд по названию главного города. В это владение, как представляется, входили земли, лежащие в долине р. Ахангаран.

Вместе с тем имеется еще один тип монеты данной группы монет, на одной из которых прочитано название другого владения Чачан или Чачин — т. е. Чачский.

Эти монеты более крупные, чем предыдущий тип, и отличаются от них рядом иконографических деталей.

Л. ст. В круге из крупных точек погрудное изображение правителя en face в плоском шлеме, увенчанном полумесяцем на двух ножках. У правителя продолговатое лицо с полными губами, округлыми глазами с круглыми зрачками. На шее гривна с круглым украшением в центре. Не исключено, что правитель одет в доспехи.

Об. ст. В центре династический знак Ж или Ж , вокруг него курсивная согдийская легенда, восстановленная по двум однотипным монетам: Биаруирак (?) Чачский государь.



Таб. XXIX. Монета Чача. Лицевая и оборотная стороны.

Таким образом, в Ташкентской области монеты с таким династическим знаком чеканили не только правители Тунуканда, но также Чачинские или Чачаниские (так правильно, а не чачские как обычно пишут) правители, что требует своего объяснения.

Это возможно, как нам представляется, в одном случае, когда правители Тунуканда в результате каких-то действий приобретают власть не только над всей областью, но становятся государями всего Чача. Изредка встречающиеся в легендах на монетах название этой области не просто $\check{\text{c}}\check{\text{c}}$, а в форме $\check{\text{c}}\check{\text{c}}\text{u}\text{p}$ или даже $\check{\text{c}}\check{\text{c}}\text{u}\text{p}\text{u}$ позволяет считать, что подлинное не усеченное название этой области было — Чачин или Чачан.

Шестая группа.

***Монеты с парным изображением и тамгой* S**

Правитель Астанак

Л. ст. В линейном круге помещено изображение двух персонажей, вероятно, мужского и женского. Справа — погрудное изображение персонажа в высоком трехконечном головном

уборе, в левом ухе которого серьга, а на шее — гривна. Левый персонаж в плоском шлемовидном головном уборе, плотно облегающем голову до плеч, увенчанном плюмажем (?), на шее аналогичного типа гривна. Лица у обоих персонажей полные, слегка скуластые. Вверху между головными уборами помещен знак полумесяца с шаром.

Об. ст. В центре линейного круга помещена тамга почти аналогичного типа с тамгой, помещенной на монетах второй группы. Вокруг тамги согдийская курсивная надпись *pnu °stnk nwskn dw s...* — Деньга Астанака (правителя) Нуш/сканда с...

Медь. Д. — 20 мм; Место находки неизвестно, предположительно Канка.

Легенда на этой монете состоит из четырех слов. Первое слово — это *pnu* — деньга, хорошо представленное и на других раннесредневековых монетах Согда, Чача и тюргешей. Второе слово легенды, вероятнее всего, личное имя правителя. В нем хорошо различаются пять букв, которые в сочетании читаются как *°stnk* — Астанак. Далее следует слово, которое не совсем понятно. Первые две буквы этого слова читаются достаточно хорошо. Это «n» и «w» = *nw*, в подобном начертании они встречаются и в легендах на других монетах. Третья полустертая буква это *s* или *š*, четвертая и пятая буквы «k» и «n», наконец последние две буквы — это «*nw*», «*nt*» или «*nd*», но более вероятно, учитывая предыдущую букву «k», написание «*knd*» = селение, город. Тогда все это слово означает, вероятно, место владения этого правителя, которое читается как Нушканд или Нусканд.

Из городов Чача и Илака, упоминаемых арабо-персидскими источниками IX в., ближе всего к нему по написанию город Нуджкент, располагавшийся у переправы через Сырдарью в 70 км от Ташкента, и Нуджкет, отождествляемый М. Е. Массоном с городищем Ханабаттепа, расположенном в 7 км от Ташкента, у переправы через Чирчик [24. С. 105-109; 105. С. 69-70]. Именно на этом городище была найдена одна из двух известных сейчас монет этого типа.

Четвертое слово этой легенды, вероятнее всего, исходя из содержания легенд на чачских монетах, — это титул, но

он необычный и начинается с буквы s или š, далее буквы стерты.

Впервые уникальная монета этого типа, найденная на цитадели Ханабаттепа, была опубликована мною в 1976 г., но согдийская легенда на ней была почти неразличима.

Тогда я отнес ее к чекану тюркских правителей Нуджкета, следуя общему выводу О. И. Смирновой о принадлежности монет Чача только тюркским правителям. Вместе с тем на основании находки другой монеты с иным иконографическим сюжетом, я полагал, что в Нуджкете правила и местная династия более древнего происхождения.

Тогда же я отметил, что «трехрогий» шлем правителя на монете находит себе прямые параллели с головным убором воинов на известном серебряном с позолотой блюде Эрмитажа из местечка Кулагиш со сценой единоборства двух воинов [197. С. 26-28]. Вопрос о месте создания этого блюда окончательно не решен, хотя ряд исследователей склоняются к его согдийскому происхождению. Сюжет на этом блюде А. М. Беленицкий понимал как единоборство Рустама со своим сыном Зохрабом [200. С. 137-138], а Л. И. Ремпель — как рыцарский поединок среднеазиатских дихкан без конкретизации представленных образов [140. С. 149].

В связи с анализируемыми монетами представляется возможным уточнить место происхождения этого блюда. Особое внимание обратим на то, что подобный трехрогий шлем отсутствует на других, уже многочисленных, монетах Чача и сопредельных областей как с единичными, так и с парными изображениями, на которых правители изображены в разных головных уборах. Поэтому возможно говорить о том, что головной убор для каждого правителя (или для правителей одной династии) был сугубо индивидуальным. В связи с этим можно предположить, что данное блюдо было изготовлено в Чаче и отражает какой-то сюжет, связанный с поединком местных рыцарей. Большой рост городов в этой области в раннее средневековье, наличие месторождений серебра и его добычи, искусных резчиков по металлу, что доказывается местными монетами, где каждый изображенный правитель — сугубо индивидуальный портретный об-

раз, характеризует Чач как вероятную область по производству предметов торевтики.

В этой связи отметим наличие двух серебряных блюд с согдийскими надписями, указывающими на принадлежность их владельцам Чача. Одно из них найдено в 1908 г. в деревне Корчево, датируется IV в. [83. С. 168], другое — в 80-х годах в провинции Кантон на границе с Вьетнамом в захоронении второй половины VI в. [176].

Что касается этнической принадлежности выпускавшего эти монеты правителя, то она остается неясной. Его имя могло быть восточноиранским по происхождению от слова *st⁹n* — основа, но могло быть и тюркским.

Монеты этой группы отличаются от монет всех предыдущих групп наличием на лицевой стороне погрудных изображений правителя и правительницы. При большом сходстве с династическим знаком на монетах второй группы, несколько отличен и династический знак — в одном случае он имеет полукруглое завершение, в другом — подобный полукруг прикреплен сбоку. В предыдущих своих публикациях мы отнесли монеты шестой группы к чекану Чанака на основе неверно прочитанной легенды — вероятнее всего, там написано — *č⁹č⁹nun⁹k*, т. е. чачаниский. Возможно, монеты этой группы чеканились как от имени общечачского государя, так и правителей отдельных уделов.



ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ И ИНДИКАЦИИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Топография находок

Впервые сведения о распространении византийских монет и индикаций в Средней Азии обобщены М. Е. Массоном, выделявшем четыре этапа проникновения сюда византийских монет: 1) 395 г. — сер. VI в.; 2) Середина VI в. — начало VIII в.; 3) Начало VIII в. — XI в.; 4) XI в. — отчасти XII в. [107. С. 91-105].

При этом М. Е. Массон отметил, что приток в Среднюю Азию византийских монет, особенно солидов, вызвал здесь появление местных подражаний, а также индикаций. Впоследствии он еще раз обратился к этой теме в связи с находкой уникального солида Юстиниана I (527-565 гг.) в Ташкентской области [106. С. 29-39]. В известном обзоре В. В. Кропоткина на начало 60-х годов XX в. зарегистрированы находки всего лишь десяти византийских монет и индикаций [76. С. 47-51] (по данным М. Е. Массона и новые находки). К данному вопросу обращалась и В. И. Козенкова в связи с найденной в Андижане индикации с подражания

монете Ираклия и Ираклия Константина (629-641) [72. С. 266-270]. Наконец В. Шкода в конце восьмидесятых годов дал последнюю по времени сводку находок византийских монет и индикаций с них на территории Средней Азии*.

Вместе с тем имеются неизвестные прежде данные о новых местах их находок в этом регионе, что и побудило меня к написанию данной статьи.

Пожалуй, наиболее ранней византийской монетой, найденной здесь, можно теперь считать медную монету Константина Великого (306-337 гг.), при котором произошел раздел Римской империи на Западную и Восточную. Она была найдена на городище Старый Термез Л. И. Альбаумом (эта монета была показана мне покойным археологом Л. И. Альбаумом в начале 80-х годов).

Следующими по времени византийскими монетами являются солиды Феодосия II (403-450 гг.), присутствие которых в Бухаре отмечено Л. Ф. Костенко [73. С. 66-67] и Маркиана (450-457 гг.) без места находки. С монетами Феодосия II связана и первая, зарегистрированная в Средней Азии индикация, найденная в 1889 г. в Самарканде [31. С. 180; 107. С. 97].

Более конкретные сведения имеются о местах и обстоятельствах находок монет Анастасия (491-518 гг.). Бронзовый фоллис этого императора найден в погребении близ Чарджоу (средняя Амударья) [180. С. 49-50], а золотой солид А. Абдуллаевым при раскопках могильника в Южном Таджикистане**. Приток в Среднюю Азию византийских монет значительно увеличивается со времени Юстиниана I (527-565 гг.), причем здесь найдены не только подлинные солиды этого императора и индикации, но и местные подражания им. Так, солид Юстиниана I найден на городище Гяуркала в Старом Мерве [204. С. 133], а местные подражания его солидам в Таразе [117. С. 57], на городище Канка*** и на Афрасиабе [107 С. 97]. Вблизи Ахангерана (Ташкентская область) найдена монета-медальон с изобра-

* К сожалению, в настоящее время статья В. Шкоды мне не доступна.

** Этот солид определен мною по фотографии, показанной мне А. Абдуллаевым.

*** Хранилось в одной из коллекций.

жением римской волчицы с детенышами, битая, по мнению М. Е. Массона, в правление Юстиниана I в остготской среде Северной Италии, возможно, в Равенне [106. С. 33]. Не исключено, что найденный на городище Калаи-Кажкаха солид также принадлежит чекану Юстиниана I или «варварскому» подражанию, но опубликованная его нечеткая фотография не позволяет дать точное определение [6. С. 326].

Золотая индикация с аналогичным сюжетом найдена в Пенджикенте. Считается, что она сделана с реверса медной византийской монеты, выпущенной в Италии в конце V в. или в первых десятилетиях VI в. [16. С. 47], но не исключено, что прототипом для нее послужила монета Юстиниана I.

Наряду с монетами Юстиниана I монеты последующих византийских императоров и сделанные с них индикации являются наиболее распространенными почти на всей территории Средней Азии.

Так, в местности Ходжаобон вблизи Бухары, А. Борнсом зарегистрирована находка солида Маврикия (582-602 гг.) или подражания ему [23. С. 614-615]. В раннесредневековом могильнике, на крепостной стене Дальверзинтепа (Сурхандарьинская область), обнаружена медная индикация, определенная мною как сделанная с монеты Фоки (602-610 гг.)*. На острове Китай-город в Иссык-Куле обнаружен солид Ираклия и Ираклия Константина (629-641 гг.) [107. С. 100], а на городище Сукулок близ Пишпека – индикации с подражаний монетам Ираклия (611-629 гг.) и Константина IV Погоната [107. С. 101]. Индикации с монет и подражаний монетам Ираклия и Ираклия Константина найдены также на городище Канка, в Андижане и в с. Хаят вблизи Гарма (Южный Таджикистан) [76. С. 51].

В Чилеке (Самаркандская область) найден солид Тиберия III Апсимара (698-705) [76. С. 51], а золотая индикация с его монеты на городище Куюк-кала (Северный Хорезм).

Монеты этого императора являются последними для раннего средневековья византийскими монетами, зафиксированными на территории Средней Азии, прекращение притока

* Показана мне С. Болеловым.

которых, как справедливо отметил М. Е. Массон, связано с арабским завоеванием этого региона. Для последующего времени нам известна одна только находка византийской монеты VIII или IX вв. Это небольшого диаметра субэратная монета (бронзовая основа покрытая тонким слоем золота), отмеченная нами в коллекции Ермешкова, собранной в Старом Термезе.

***Роль византийских монет
в денежном обращении
раннесредневековой Средней Азии***

Византийские золотые монеты, найденные на территории Средней Азии, судя по отсутствию в них отверстий и припаянных ушек, не использовались в качестве украшений. Таким образом, они ходили здесь только в качестве сокровища или средства денежного обращения. Многолетними исследованиями определено, что в раннесредневековых государствах Средней Азии выпускались только серебряные и бронзовые монеты различных, вероятно, достоинств. Поэтому определенное недоумение у ученых вызывали сведения китайского посла Вейцзе о том, что в Самарканде в начале VII в. в соревнованиях по стрельбе из лука в качестве мишени «на лист бумаги клали золотую монету и кто попадал в нее, считался царем на протяжении одного дня» [107. С. 96-100].

М. Е. Массон предположил, что в этом сообщении отражен реальный факт хождения в Средней Азии золотой монеты и, в частности, сасанидских динаров, изредка проникавших сюда, но им же не исключается возможность использования и византийских солидов [107. С. 96-100].

Однако никто еще не ставил вопрос о применении византийских солидов в Средней Азии в качестве реальной единицы денежного обращения, но такое решение этого вопроса весьма возможно. Е. И. Лубо-Лесниченко привел ряд свидетельств китайских письменных источников об обращении в торговле в Восточном Туркестане и Западном Китае византийских и сасанидских монет, где они восполняли отсутствие в денежном обращении золота и серебра.

Так, согласно экономическому разделу «Суйшу», «в провинциях, расположенных к западу от Хуанхэ, употребляются золотые и серебряные монеты из Западных земель, что не запрещено правительством»; в династийных хрониках Северной Вэй и Северной Чжоу говорится об обращении серебряных сасанидских монет. Подтверждают это и тексты из Дуньхуана и могильника Астана [92. С. 255]. Вероятно, под золотыми монетами понимаются здесь византийские солиды, так как они найдены в Восточном Туркестане и Западном Китае в довольно значительном количестве от монет Феодора (408-450 гг.) до Юстина II (565-578 гг.) включительно, тогда как находки здесь сасанидских динаров не зафиксированы. Очевидно, что в VI-VII вв. в период наиболее интенсивного проникновения в Среднюю Азию византийских монет они могли употребляться при совершении крупных торговых сделок, при покупке недвижимости и т. д., т. е. выполнять функцию средства обращения. Не исключено, что приток сюда византийских монет вызвал появление местных подражаний им, а также в определенной степени повлиял на сложение монетной иконографии в некоторых владениях Средней Азии.

Уже Е. М. Массон выявил наличие в т. н. тюрко-согдийских монетах со спаренными бюстами правителя и правительницы определенное влияние византийской монетной иконографии [107. С. 99], в которой погрудное изображение двух лиц на лицевой стороне появляется впервые на медных монетах Юстина II (565-578 гг.), изображенного вместе с царицей Софией, а затем присутствуют на многих византийских монетах VII-VIII вв. в разных вариациях: царь — наследник престола, царь и царица. Позднее были выявлены и другие следы влияния византийской монетной иконографии, в частности, выразившегося в появлении христианских символов на монетах Согда и Чача VII — первой половины VIII в. [174]. Установлено также, что сюжет: бюст правителя и правительницы, впервые появившиеся, по-видимому, на монетах Согда, был затем воспроизведен на монетах Чача и Чаганиана [162. С. 218-225].

Не исключено также, что погрудное изображение правителя в фас или три четверти поворота на раннесредневековых

монетах Средней Азии, где прежде бытовали почти исключительно традиционные изображения правителя в профиль, возникает также благодаря влиянию византийской иконографии. Заметим, что впервые изображение бюста правителя в фас появляется на монетах Самаркандского Согда до Шишпира (642-656 гг.) (погрудное изображение правителя в фас на л. ст. и тамга согдийских ихшидов на об. ст.), а затем, вероятно, Чача, где та же схема бытует вплоть до середины VIII в., тогда как согдийские ихшиды с середины VII в. н. э. переходят на выпуск монет по китайскому образцу с квадратным отверстием без изображений.

Только Хорезм остается приверженцем древней традиции изображения правителя в профиль.

Таким образом, роль и влияние монетного дела Византии в Средней Азии определяется в следующем:

1. Византийские солиды участвовали в реальном денежном обращении Средней Азии, восполняя здесь отсутствие золотой монеты.

2. В появлении местных золотых подражаний византийских солидов, также применявшихся как средство обращения.

3. В изготовлении индикаций, широко применявшихся в качестве украшения, а также, по-видимому, амулетов в среде христианских общин Средней Азии.

4. Влияние византийской монетной иконографии на сложение иконографии определенных типов монет Согда, Чача и Чаганиана.

Пути проникновения византийских монет в Среднюю Азию

В связи с исторической обстановкой, данными письменных источников, топографией находок можно отметить три возможных пути проникновения византийских монет в Среднюю Азию.

Первый из них — степной, из Причерноморья через низовья Волги, Хорезм и Южный Казахстан и далее в Китай.

Вероятно, по этому пути попадали византийские монеты, найденные в Южном Казахстане, Киргизии, Восточном Туркестане. Второй — основная трасса Великого шелкового пути, шедшего из Китая через Среднюю Азию, Иран в Восточное Средиземноморье и Византию. Вероятно, по этой дороге проникли в Среднюю Азию найденные здесь наиболее ранние византийские монеты V — середины VI в.

Однако с середины VI в. движение товаров и в особенности шелка по этой дороге было перекрыто санкциями сасанидских властей, когда по приказу Хосрова I был сожжен шелк, который согдийские купцы везли на запад.

В связи с этим важнейшее значение приобрел третий путь — северо-западный, называемый сейчас исследователями «Кавказский шелковый путь». Он был освоен согдийскими купцами в ответ на вышеупомянутые санкции сасанидских властей. Описание этих событий содержится у византийского историка Менандра. Согласно его сведениям, глава самаркандских купцов Маниах, начав долгий и трудный путь в Самарканде в 568 г. и обогнув Каспийское море, через степи и горы Северного Кавказа прибыл в город Севастополис (совр. Сухуми), а оттуда через Черное море в Константинополь. Миссия Маниаха была успешной. Византийский император, дабы укрепить союз с тюрками, отправил к Истеми-кагану полководца (стратига) Земарха, прибывшего в том же году в ставку кагана на реке Талас.

Менандр сообщает, что и в последующем осуществлялся обмен посольствами между Византией и тюрками, причем ведение дипломатических и торговых дел после смерти Маниаха было поручено его сыну самаркандскому купцу Тагматархану [38. С. 44-46; 125. С. 371-375; 129. С. 202-204]. Можно предположить, что одним из результатов этих миссий стал экспорт шелка и других товаров по Кавказской дороге из Средней Азии в Византию и обратно. Это подтверждают и раскопки могильников: Мошевая балка в ущелье реки Лабы Краснодарского края и Хасаута к югу от Кисловодска Ставропольского края, где были найдены многочисленные образцы согдийских тканей «занданечи», а также китайские предметы [64. С. 69].

Они поступали на Северный Кавказ по торговым путям через Бухару и Хорезм. В этой связи весьма важна находка в 1958 г. на аланском поселении Мокрая Балка, расположенном на восточной окраине Кисловодска, еще не опубликованной серебряной монеты хорезмского царя Савушфана, правившего в середине VIII в. (монета определена М. Е. Массоном, чтение легенды уточнено В. А. Лившицем)*.

Характерно, что когда в 568 г. из ставки Истеми-кагана возвращалось в Византию посольство во главе с Земархом, то по пути к нему примкнул правитель народа холиатов, которых П. Лерх связывал с хорезмийцами [238. S. 24]. Далее маршрут Земарха, после перехода через степные районы Северного Кавказа, должен был пройти по дороге Миндимианов, по мнению ряда исследователей, соответствующей пути через Клухорский перевал.

Однако в связи с тем, что их поджидала персидская застава, Земарх повернул вправо и прошел к Черному морю по Дарьинской дороге, которая, по мнению З. Апакидзе, соответствует Марухскому перевалу.

Однако, по нашему мнению, Дарьинская дорога пролегла вдоль района Кисловодска на знаменитое аланское городище Рим-гора (средневековый Фисты) и далее через Клухорский перевал к Черному морю. Примечательно, что Бургустанский хребет, окаймляющий Кисловодскую котловину с севера, до сих пор носит иное название — Дарьинский от аланского слова «дар» — ворота, горный проход, ущелье.

Таким образом, знакомство хорезмийцев и согдийцев с дорогой в Византию через Нижнее Поволжье, степи и горные районы Северного Кавказа подтверждается не только сведениями письменных источников, но и археологическими данными, а находка хорезмийской монеты середины VIII в. в Кисловодске выглядит в этой связи не случайной. Следует учесть, что во второй половине VII — середине VIII в. сложилась та же политическая ситуация, как и в VI в. Но на этот раз уже не Сасанидский Иран, а арабы блокировали Византию и контролировали южные торговые пути. Согд и Хорезм,

* Письмо В. А. Лившица автору от. 5.II.1969 г.

сохранившие еще в это время свою политическую независимость, пытались через своих союзников хазар поддерживать какие-то торговые отношения с Византией.

Учитывая все эти обстоятельства, можно предполагать, что именно по Кавказскому пути шло проникновение византийских монет в Среднюю Азию в VII-VIII вв. н. э.





БИБЛИОГРАФИЯ





1. Абаев В. И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе // Иранские языки. М.-Л., 1995.
2. Абдуллаев К. А. Находки эллинистических монет из канала Занг (Сурхандарьинская область) // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 3. Ташкент, 1998.
3. Абдуллаев К. А. Тетрадрахма Антиоха I из кишлака Хаприн // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 5. Ташкент, 2000.
4. Абдуллаев К. А. Номадизм в Средней Азии. Доклад, прочитанный в Турине (Италия), 27 октября 1993 г.
5. Абдуллаев К. О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии) // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.
6. Авзалов Р. З. Раскопки на городище Калаи-Какхаха I в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVI. Душанбе, 1982.
7. Альбаум Л. И. Археологические работы на территории Южно-Сурханского водохранилища // ОНУ, 1962.
8. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
9. Альбаум Л. И. Живопись Афросиаба. Ташкент, 1965.
10. Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе. По материалам 1968-1972 гг. // Древняя Бактрия. Л., 1974.

11. Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982. С. 42-43.
12. Аюпова Ф. Р. Находки греко-бактрийских монет из Кампыртепе // ИЦА. № 4, 1999.
13. Бабаев А. Д. Уникальные находки из Чим-Кургана. // Археологические открытия. 1977. М., 1978.
14. Бартольд В. В. Ташкент. Соч., т. III. М.-Л., 1963.
15. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. I. М., 1963.
16. Беленицкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте // КСИИМК. Вып. 55. М., 1954.
17. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня // МИА. № 26, 1952.
18. Бернштам А. Н. Очерк истории культуры древнего Семиречья по археологическому материалу. // МИА. №14. М.-Л., 1950.
19. Бирюков Д. В. «Герай»: Старая проблема и новые данные // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 1995.
20. Бирюков Д. В. Драхмы от Александра // Нумизматика Центральной Азии. Вып. V. Ташкент, 2001.
21. Бирюков Д. В. У истоков денежного обращения Средней Азии (к проблеме ахеменидского влияния на генезис монетной формы денег в среднеазиатском регионе) // Нумизматика Центральной Азии. Т. I. Ташкент, 1995.
22. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950.
23. Борне А. Путешествие в Бухару. Ч. III. М., 1849.
24. Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.

25. Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
26. Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. (в связи с запусением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1972.
27. Вайнберг Б. И. Титулы правителей домусульманского Хорезма // ЭВ. Вып. 21. 1972. С. 18-22.
28. Вайнберг Б. И. Эфталитская династия Чаганиана и Хорезма (по данным нумизматики) // Нумизматический сборник. Часть IV. Вып. III. М., 1971.
29. Вайнберг Б. И., Раевская Т. А. Нумизматические заметки. // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982.
30. Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. Т. III. М., 1976.
31. Веселовский Н. И. Еще раз об оссуариях // ЗВОРАО. XVIII. IV. С. 180.
32. Воробьева-Десятовская М. И. Надписи письмом кхароштки на золотых предметах из Дальверзин-тепе // ВДИ. № 1, 1976.
33. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т.1. М., 1952.
34. Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972. С. 314-316.
35. Горбунова Н. Г., Ивочкина Н. Монеты ушу из могильников Ферганы. // Сообщения Государственного Эрмитажа. III, Л, 1988.
36. Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
37. Губаев А. Г., Логинов С. В. Редкая селевкидская монета из Кушки // Памятники Туркменистана. № 2. 1991.

38. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
39. Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1983.
40. Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. Т. 91. Сталинабад, 1956.
41. Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. Труды ИИА. Вып. 7. Ташкент, 1955.
42. Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм «Герая» // ВДИ. № 4, 1976.
43. Давидович Е. А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период; От древности к средневековью (к типологии феодализма). // Ближний и Средний Восток. Товаро-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980.
44. Даутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри-Мунк // Нумизматика в Центральной Азии. Вып. 2, Ташкент, 1996.
45. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
46. Дьяконов Д. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 19, 1954.
47. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.-Л., 1951.
48. Дьяконов И. М., Зеймаль Е. В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // ВДИ. № 1, 1988.
49. Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Монетные находки с Кендык-тепа // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
50. Жуков В. Д. Археологические разведки на шахристане Хайрабад-тепе // ИМКУ. № 2. Ташкент, 1961.
51. Зеймаль Е. В. «Варварские подражания» как исторический источник // СГЭ. Вып. XL, 1975.

52. Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
53. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
54. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология. М., 1968.
55. Зеймаль Е. В. Монеты Западных Кшатрапов в коллекции Государственного Эрмитажа // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
56. Зеймаль Е. В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
57. Зеймаль Е. В. Подражание оболам Евкратиды // Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
58. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
59. Зеймаль Е. В. Раннесогдийские монеты с изображением Геракла и Зевса // СГЭ. Вып. XXXVII. Л., 1973.
60. Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад с изображением лучника // СГЭ. Вып. XXXIV. Л., 1972.
61. Зеймаль Е. В., Вафоев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Зерафшана. // ОНУ. № 5. 1982.
62. Зограф А. Н. Античные монеты. МИА. № 16. М.-Л., 1951.
63. Зограф А. Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937.
64. Иерусалинская А. О Северо-Кавказском «шелковом» пути в раннее средневековье // СА. № 2, 1967.
65. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда. III-VI вв. Ташкент, 1981.
66. Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Ташкент, 1977.

67. Кабанов С. К. Нахшебские монеты V-VI вв. // ВДИ. № 1.
68. Кадырова Т. Из истории крестьянских движений в Мавераннахре и Хорасане. Ташкент, 1965.
69. Кармышева Б. Х. Этнический состав населения Южного Узбекистана. М., 1985.
70. Кастальский Б. Н. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I // ВДИ. № 3-4, 1940.
71. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
72. Козенкова В. И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии // СА. №1, 1967.
73. Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. СПб, 1871.
74. Кошеленко Г. А. Драхма Синатрука с надчеканкой Отанны // Нумизматика и эпиграфика. IX. М., 1971.
75. Кошеленко Г. А. Рецензия на книгу: «Bard-e Nechandeh» // ВДИ. № 1, 1984.
76. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4-4. М., 1962.
77. Курбанов Г. Н., Ниязова М. И. Каталог греко-бактрийских монет из фондов бухарского музея. Бухара. 1989.
78. Левушкина С. В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии // Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
79. Лившиц В. А. Коткрытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
80. Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (документ А-14 с горы Муг) // СЭ. №2, 1960.

81. Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица // Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. М., 1962.
82. Лившиц В. А., Кругликова Т. Н. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
83. Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. №3, 1964.
84. Лившиц В. А., Никитин А. Б. Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальверзин-тепе // ВДИ. № 4, 1990.
85. Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. О раннесредневековых чеканах Чача // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
86. Лившиц В. А., Тургунов Б. А., Ртвеладзе Э. В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // ОНУ. №3, 1981.
87. Лившиц В. А., Хромов А. А. Согдийский язык. Основы иранского языкознания // Среднеиранские языки. М., 1981.
88. Лившиц В. А. Топрак-Кала: дворец. // Труды ХАЭЭ. XIV. М., 1984.
89. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса. Т. I. М., 2000.
90. Литвинский Б. А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток. М., 1983.
91. Логинов С. Д., Никитин А. Б. Монеты – памятники истории и культуры Туркменистана // Памятники Туркменистана. № 1, 141. Ашхабад, 1986.
92. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. М., 1994.
93. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969.

94. Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. № 2, 1955.
95. Массон В. М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. Вып. XI, 1956.
96. Массон В. М. Древнесогдийские монеты из собрания Музея истории АН УзССР. Труды Музея истории АН УзССР. Вып. 2. Ташкент, 1954.
97. Массон В. М. Еще раз о геродотовой реке Акес. // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
98. Массон В. М. Зар-тепе, кушанский город в Северной Бактрии // История и культура античного мира. Л., 1977.
99. Массон В. М. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии. // ИООН АН ТаджССР. Вып. 14. Сталинабад, 1957.
100. Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. Л., 1976.
101. Массон В. М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. № 3, 1953.
102. Массон В. М. Хорезм и кушаны // Эпиграфика Востока. № XVI. М.-Л., 1966.
103. Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.
104. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. М., 1964.
105. Массон М. Е. Ахангеран. Ташкент, 1959.
106. Массон М. Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии) // ОНУ. №7, 1972.
107. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды САГУ

- (история). Новая серия. Вып. XXIII. Гуманитарные науки, книга 4. С. 91-105.
- 108.** Массон М. Е. К вопросу о Маргиане в составе греко-бактрийского царства // Известия АН Туркм.ССР, серия общественных наук, № 5, 1970.
- 109.** Массон М. Е. К вопросу о черных дирхемах «Мусеяби» // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1951.
- 110.** Массон М. Е. Монетные находки в Средней Азии // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928.
- 111.** Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии, за 1928 и 1929 гг. // Научная мысль. № 1. Ташкент, 1930.
- 112.** Массон М. Е. Монетные находки с городища Красная Речка (1978-1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.
- 113.** Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии, в 1930-1931 гг. // Материалы Узкомстариса. Вып. 5. Ташкент, 1933.
- 114.** Массон М. Е. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет на территории Таджикистана, зарегистрированные до 1917 г. // Сообщения Тадж. ФАН ССР. Вып. VI, 1948.
- 115.** Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана // ВДИ. № 1, 1953.
- 116.** Массон М. Е. Парфяно-согдийские монеты области долины Кашкадарьи. // История и культура античного мира. М., 1977.
- 117.** Массон М. Е. По поводу нескольких монетных находок, зарегистрированных на территории Казахстана до 1947 г. // Вестник АН Казахской ССР (40), 1948.
- 118.** Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей» великого спасителя // Труды САГУ. Вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950.

119. Массон М. Е. Прошлое Бухары. Газета «Пионер Востока» от 24 мая 1940 года, № 38.
120. Массон М. Е. Прошлое Ташкента // Известия АН УзССР, 1954.
121. Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР // Археология Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ, № 533. Ташкент, 1977.
122. Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224-651 г.) на территории советских республик Средней Азии // Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
123. Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. // Труды ЮТАКЭ. Т. XIII, Ашхабад, 1966.
124. Матбабаев Б. Х. Новый пункт на Великом шелковом пути (на примере могильника Мунчак-тепе в Северной Фергане) // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990.
125. Менандр. // «Византийские историки». Пер. С. Дестуниса. СПб, 1860.
126. Мусакаева А. А. Монеты Западного Согда III в. до н. э. — VIII в. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. Самарканд, 1991.
127. Мусакаева А. Античные и раннесредневековые монеты Музея истории им. Айбека // НУ. Ташкент, 1990.
128. Омельченко А. В. Подражание драхме с типом Александра Македонского из Южного Согда // Нумизматика Центральной Азии. Вып. 5. Ташкент, 2000.
129. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.-Л., 1951.
130. Пилипко В. И. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад. 1985.
131. Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.

132. Пичикян И. Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
133. Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии // ВДИ. № 2, 1977.
134. Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
135. Пугаченкова Г. А. К открытию надписей кхароштки на золотых предметах Дальверзинского клада // ВДИ. № 1, 1976.
136. Пугаченкова Г. А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии // ВДИ. № 3, 1967.
138. Пугаченкова Г. А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
139. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.
140. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
141. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. О золоте «безымянных царей» из Тилля-тепе. (К проблеме стиля.) Из истории культуры связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986.
142. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
143. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии // ВДИ. № 4, 1971.
144. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Об обращении греко-бактрийских монет в Северной Бактрии // ОНУ. № 5, 1983.
145. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия — Тохаристан. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
146. Пьянков И. В. «Шелковый путь» от Гиерополя в Серику // Памироведение. Т. 2. Душанбе, 1985.
147. Рапэн Кл. Эллинистические сокровища Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.

148. Ртвеладзе Э. В. Бронзовый кинжал из Вахшувара // СА, I, 1981.
149. Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.
150. Ртвеладзе Э. В. К вопросу об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии-Тохаристане // ОНУ. № I. 1983.
151. Ртвеладзе Э. В. К интерпретации слов «Σαυαβ» и «Απειχ» на тетрадрахмах Херайя / Хияйя // Нумизматика Центральной Азии. № 2, Ташкент, 1997.
152. Ртвеладзе Э. В. Кампыр-тепе — кушанская крепость на Оксе // ВДИ. № 2, 1984.
153. Ртвеладзе Э. В. Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990.
154. Ртвеладзе Э. В. Монетные комплексы из Кампыр-тепе // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. М., 1987.
155. Ртвеладзе Э. В. Находки доисламских монет // Археологические исследования в Узбекистане 2000 г. Самарканд, 2001.
156. Ртвеладзе Э. В. Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V-VIII в. н. э. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. XL (2). Budapest, 1987.
157. Ртвеладзе Э. В. Новые открытия Узбеккистанской искусствоведеческой экспедиции // ВДИ. №4, 1990.
158. Ртвеладзе Э. В. Новый взгляд на скульптуру Халчаяна // Санъат, № 4. Ташкент, 1999. С. 6-7.
159. Ртвеладзе Э. В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ. №8, 1982.
160. Ртвеладзе Э. В. О работах Узбеккистанской искусствоведеческой экспедиции // ВДИ. № 4, 1990.

161. Ртвеладзе Э. В. По поводу династических связей Хорезма и Чаганиана в раннее средневековье // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. № 1. Нукус, 1980.
162. Ртвеладзе Э. В. Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
163. Ртвеладзе Э. В. Селевкидские монеты из Кампыр-тепе // ОНУ. № 2. 1989.
164. Ртвеладзе Э. В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ, № 12, 1985.
165. Ртвеладзе Э. В. Фортификационные сооружения на севере Кушанского государства // Маскан. №5-6.Ташкент, 1992.
166. Ртвеладзе Э. В. Эллинистические монеты из Северной Бактрии // Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1988.
167. Ртвеладзе Э. В., Лившиц В. А. Памятники древней письменности. Ташкент, 1985.
168. Ртвеладзе Э. В., Мусакаева А. К истории денежного обращения в западном Согде // ОНУ. № 6, 1986.
169. Ртвеладзе Э. В., Ниязова М. Первый клад греко-бактрийских монет из Бухары // ОНУ. № 6, 1984.
170. Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
171. Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Цитадель Ханабада // Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
172. Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.
173. Ртвеладзе Э. В., Саидов А. Х., Абдуллаев Е. А. Очерки по истории цивилизации древнего Узбекистана: государственность и право. Ташкент, 2000.

174. Ртвеладзе Э. В., Ташходжаев Ш. С. Об одной тюркско-согдийской монете с христианскими символами // Византийский временник. №35. М., 1973.
175. Ртвеладзе Э. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии – Тохаристане (по нумизматическим данным) // ОНУ. №1, 1982.
176. Ртвеладзе Э. Согдийцы-мореплаватели // Общественное мнение. №2. Ташкент, 1999.
177. Русанов Д. В. Драхма Агафокла из Дальверзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
178. Сариниди В. И. Афганистан. Сокровища безымянных царей. М., 1983.
179. Сариниди В. И., Кошеленко Г. А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. М., 1982.
180. Симпсон Дж., Хобс Р., С. Логинов. От Рима до Чарджева и Китая. Находки византийских монет на Востоке // Древний Амударья. Проблемы истории и культуры Средней Амударьи. Чарджев, 1993.
181. Смирнова Н. М. Находки эллинистических монет на городище Гяуркала (Туркменистан) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVI. М., 1999.
182. Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
183. Смирнова О. И. Нумизматические заметки // ЭВ. XVIII, Л., 1967.
184. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет М.: Наука, 1981.
185. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
186. Ставиский Б. Я. Кушанская империя и Хорезм // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

187. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1961.
188. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 144.
189. Толстой И. Византийские монеты. Вып. VI. СПб, 1914.
190. Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В. К открытию Айртамской надписи // ОНУ, 1981.
191. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
192. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
193. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
194. Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. // Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР. Т. XVI. М.-Л., 1958.
195. Явич М. М. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите // Труды отдела истории и культуры и искусства Востока (Гос. Эрмитаж). Т. 4. Л., 1947.
196. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
197. Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
198. Древности Туябугуза. Ташкент, 1972.
199. Древности Южного Узбекистана. Токио. 1990.
200. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
201. История таджикского народа. Т. II. Душанбе, 1965. С. 437.
202. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
203. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. I. Ташкент, 2000; Вып. 2, Ташкент, 2001 г.
204. Материалы ЮТАКЭ. Вып. I. Ашхабад, 1949.

205. О древней медали, вывезенной из Бухары // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. № 4, 1824.
206. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
207. Beal S. Buddhist records of the Western Wold. Vol. I. London, 1906.
208. Bernard P, Papin Cl. Un parchemin Gréco-Bactrien nune collection privée // Academie des Rendus. Janvier. Mars 1994. Paris, 1994.
209. Bernard P. Les monnaies hors tre'sors goestions d'histoire Greco-Bactriene // Fouilles d' Ai-Khanoum. IV // MDAFA. T. XXVIII. Paris, 1985.
210. Bernard P. Les Nomades congrurants // CRAI. 1987.
211. Boppearachchi O. Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Gréeques. Paris. 1991.
212. Boyce M., Grenet F. A history of Zoroastrianizm. Vol. III, Leiden, 1991.
213. Burnes A. Travels into Bokhara. Vol. II. London, 1839 (réimpression Karachi 1975).
214. Bushell S. V. 1887.
215. Chatopodhaya B. The Age of Kushans: A Numismatic Study. Calcutta, 1967.
216. Chavannes E. Documente sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux (Сборник трудов Орхонской экспедиции). SPb, 1903.
217. Cribb J. Candharan Hoards of kushano-sasanian and late Kushan coopers // Coin Hoards. Vol. VI. London, 1981.
218. Cribb J. The «Heraus» coins: Their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, C. A. A. 30-80 // Essays in honour of Robert Carson and Kennet Jenkins. London. 1993.
219. Cumont F. Portrait d'une reine Parthe trouvé á Suse // Comptus-rendus. Académie des inscriptions et belles lettres. XII (1913). Paris, 1939.

220. Cunningham A. Coins of the Tochari, Kushanas or Yue-ti // NC. 3-rd series. Vol. IX, London, 1889.
221. Curiel R., Fussman J. Le trésor monétaire de Qunduz. MDAFA. T. XX. Paris, 1975.
222. Fussman G. Documents épigraphiques Koushanes // BEFEO. t. LXI.
223. Gardner P. On some coins from Syria and Bactria // NC. 1880.
224. Gardner P. The coins of the Greek and Scithic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886.
225. Gershevitch I. Bactrian inscription and manuscripts // Indogermanische Forschungen 72. Band 1/2. Berlin, 1967.
226. Ghirshman R. Bard-e Nechandeh – centre religieux iranien // AAN. T. 19.
227. Ghirshman R. Begram. Pecherches archéologiques et historigues sur les Koushans // MDAFA. Vol. XII. Cairo, 1946.
228. Göbl R. Dokumente zur Geshichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I-IV. Wiesbaden, 1967.
229. Göbl R. Münzprägung der Kusanreiches. Wien, 1984.
230. Hackin, Karl et Mevnié. Diverses recherches archéologique en Afganistan (1933-1940) // MDAFA, t. VIII, Paris, 1959.
231. Henning W. B. The Bactrian inscription // BSOAS. Vol XXIII. Part I. London, 1960.
232. Henning W. B. The date of the Sogdian Ancient letters // BSOAS. V. 12. London, 1948.
233. Humbach H. Bactrishe Sprachden Kmäler. Theil I. 1967.
234. Humbach H. The Peros hephthalite coins. // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996.
235. Koehler M. Supplement á la suite des Medailles des Rois de la Bactriane. SPb, 1823.

236. Lahiri A. N. *Corpus of Indo-Greek coins*. Calcutta, 1956.
237. Laufer B. *Sino-Iranica*. Chicago, 1918.
238. Lerh. *Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse*. SPb, 1873.
239. Lerner J. P. *A Creco-Sogdian Mint of Euthudemus* // RN. Paris, 1996.
240. MacDowall D. W., Ibrahim M. *Pre-Islamic coins in Herat Museum* // *Afgan Studies*. Vol. 2. London, 1979.
241. MacDowall D. W., Taddei M. *Pre-islamic Period* // In Allehin and Hammond. *Archaeology of Afganistan from earlist times to the Timurid period*. London, 1978.
242. Markoff A. *Les Monnaies de rois Parthes*. Sec. fasc. Paris, 1881.
243. Markoff A. *Les Monnaies des rois Parthes*. Paris, 1877.
244. Marshall J. *Taxila*. Vol. I-III. Cambridge, 1951.
245. Mitchiner M. *Indo-Greeks and Indo-Scythian coinage*. Vol. IV. London, 1989.
246. Mitchiner M. *The early coinage of Central Asia*. London, 1973.
247. Mohl J. *Le livre des rois par Abou'l-Kasim Firdousi*. m. VI. Paris, 1866.
248. Morgan de. J. *Manuel de numistique oriental*. Paris, 1923-26.
249. Naraian A. K. *The Indo-Greeks*. Oxford, 1957.
250. Newell E. T. *The coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I, Antiochus III*. New York, 1941.
251. Rea J. R., Senior R. C., Hollis A. S. *A tax receipt from hellenestic Bactria* // *Zeitschrift für papyrologic und epigraphic*. Band 104. Bonn, 1994.
252. Robinson E. S. *The date of the earliest coins* // NC. 1956.

- 253.** Rosenfield J. M. The Dynastic art of the Kushans. Berkley – Los Angeles, 1967.
- 254.** Rtveladze E. V. Coins of the Yeezhi Rulers of Western Baktria // Silk Road Art and Archaeology. № 3. Kamakura, 1993/1994.
- 255.** Rtveladze E. V. Découvertes en numismatique et epigraphie Greco-Bactriennes a Kampyrtepe (Bactriane du Nord) // Revue Numismatique. 1995 (150-e volume).
- 256.** Rtveladze E. V. La circulation monétaire au nord de l'Oxus a l'époque Creco-Bactriene // RN. 6e série. T. XXVI. Paris, 1984.
- 257.** Rtveladze E. V. Parthia and Bactria // The land of Griphones. Papers of Central Asian archaeology and antiquity. Torino, 1995.
- 258.** Rtveladze E. V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 1997/98.
- 259.** Rtveladze E. V. The coinage of Phseigaharis // Bulletin of the Asia institute. New series. Vol. 6. Boston, 1992.
- 260.** Rtveladze E. V., Claude Rapin. L'Art Antique // Les Arts de l'Asie Centrale. Paris, 1999.
- 261.** Schlumberger P., Le Berre M., Fussman G. Surkh-Kotal en Bactriene. V. I. Paris, 1983.
- 262.** Sellwood D. An Introduction to the coinage of Parthia. L., 1971. P. 301.
- 263.** Simonetta A. M. A new essay on the Indo-Greeks the Saka and Pahlava // East and West. Vol. IX, 1958.
- 264.** Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka // Silk Road Art and Archaeology. IV. Kamakura, 1994/95.
- 265.** Tabakat-i Nasiri. By H. G. Raverty. Vol I., London, 1881.
- 266.** Tiesenhausen W. G. Notice sur une collection de monnaies de le compte S. Stroganoff. SPb, 1880.

- 267.** Whitehead R. B. Catalogue of the coins in the Panjab Muzeum. Lahore. Vol I. Indo-Greek Coins. Oxford, 1914.
- 268.** Wilson H., Prinsep J. Observations on Lieut. Burnes,s Collection of Bactrian and other Coins, in Burnes A. Travels into Bokhara. Vol. II. London, 1839 (réimpression Karachi 1975).
- 269.** Wroth W. Catalogue of the coins of Parthia. London, 1903.
- 270.** Wroth W. Otanes and Phraates IV // NC. XX, 1900.
- 271.** Zeimal E. V. Coins from the excavations of Takht-i Sangin (1976-1991) // Studies in Silk Road coins and culture. Kamakura. 1997.
- 272.** Zeimal E. V. The circulation of coins in Central Asia during the Early Medieval Period // Bulletin of the Asia Institute. New series v. 8. Bloomfield hills, 1994.
- 273.** Zürcher E. The Yueh-shi and Kanishka in the Chinese sources // Papers on the Date of Kanishka. London. 1960.
- 274.** Catalogue of antique and medivial coins of Central Asia. Anniversary Edition. Tashkent, 2001.
- 275.** Hiujang Numismatics.
- 276.** Money a Histori. Published by British Museum Press, 1997.
- 277.** NC, XII, 1950.
- 278.** Revue numismatique. X. 26. Paris. 1910.



СОДЕРЖАНИЕ



От автора	5
-----------------	---

**ОБЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Денежное обращение в древней Средней Азии	11
Монеты на Великом шелковом пути	35
Фискальная служба в древней Средней Азии	53
Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Двуречье	62

**ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ
МОНЕТЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Находки раннеэллинистических монет в Средней Азии	79
Греко-бактрийские монеты из Трансоксианы	86

**МОНЕТЫ ПОСТЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ
ПРАВИТЕЛЕЙ БАКТРИИ И СОГДА**

Подражания эллинистическим монетам	107
Подражания монетам Гелиокла	117

О типологии монет Кушана («Герая-Санаба»)	132
Монеты Сападбиза	145
Монеты Танлисмайдата	163
Монеты Фсейгахариса	173
Новый тип монет Фсейгахариса	183
Подражания кушанским монетам из Северного Тохаристана	185

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ

Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем средневековье	203
Монеты Чаганиана с парным изображением	220
Древние и раннесредневековые монеты области Чач	230
Монеты Чача и прилегающих к нему областей	257
Византийские монеты и индикации из Средней Азии	269

БИБЛИОГРАФИЯ	279
---------------------------	-----

Эдвард Васильевич Ртвеладзе

**Древние и раннесредневековые
монеты историко-культурных
областей Узбекистана**

Научный редактор Д. Бирюков

Оригинал-макет изготовлен на базе
технических и программных средств
«MEDIA LAND»

Директор С. Миргородский
Коммерческий директор Г. Бондаренко
Дизайн и верстка Н. Шамухамедов
Набор Е. Миргородская, Н. Рузыбаев
Корректор Т. Галкина
Фото Д. Михайлов

Подписано к печати 15.07.2002 г. Формат 42x29,7¹/₈
Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Бумага мелованная
Усл. п. л. 38. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии агентства «MEDIA LAND», г. Алматы